

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2019

Volume 18. No. 4

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2019

Том 18. № 4

LEGAL CONCEPT

PRAVOVAYA PARADIGMA

2019. Vol. 18. No. 4

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

***Mainstream issue: Legal Infrastructure of National Technology
Initiative Key Directions***

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of PR, Information Technologies and Mass Communications (Registration Certificate **III № ФС77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Prof. Dr. *A.O. Inshakova* – Chief Editor (Volgograd)
Prof. Dr. *A.Ya. Ryzhenkov* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Cand. *I.V. Baltutite* – Executive Secretary (Volgograd)
E.N. Mamedova – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof. Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Prof. Dr. *V.V. Bezbakh* (Moscow); Prof. Dr. *L.A. Bukalerova* (Moscow); Prof. Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof. Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof. Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof. Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof. Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof. Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof. Dr. *E. Kovalski* (Warsaw, Poland); Prof. Dr., Acad. *N.S. Kuznetsova* (Kiev, Ukraine); Prof. Dr. *O.A. Kuznetsova* (Perm); Prof. Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof. PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof. Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof. Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof. Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Assoc. Prof. Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof. Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof. Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Prof. Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof. Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.V. Goreva, Yu.I. Nedelkina, M.V. Rassakhatskaya*
Editor of English texts *Yu.V. Chemeteva*
Making up *Yu.A. Uskova*
Technical editing *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing Oct. 25, 2019.

Date of publication Dec. 20, 2019. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17.8. Published pages 19.1.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–66).

Order 193. «C» 29.

Open price

Address of the Publishing House and Printing House:
Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal Website: <https://j.jvolsu.com>

English version of the Website: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

© Volgograd State University, 2019

LEGAL CONCEPT

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2019. Т. 18. № 4

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера: «Правовая инфраструктура ключевых направлений национальной технологической инициативы»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: CrossRef (США), Google Scholar (США), ProQuest (США), Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия), Соционет (Россия), Электронно-библиотечная система IPRbooks (Россия), Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн» (Россия)

Адрес редакции:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, проф. А.О. Иниакова – главный редактор (г. Волгоград)

д-р юрид. наук, проф. А.Я. Рыженков – зам. главного редактора (г. Волгоград)

канд. юрид. наук И.В. Балтутите – ответственный секретарь (г. Волгоград)

специалист по УМР Э.Н. Мамедова – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. А.Х. Абашидзе (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. В.В. Безбах (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.А. Букалерева (г. Москва); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. А.И. Гончаров (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Н.И. Грачев (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. М.Л. Давыдова (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. В.В. Долинская (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р права, проф. Е. Ковальски (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. Н.С. Кузнецова (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. О.А. Кузнецова (г. Пермь); д-р юрид. наук, проф. Л.В. Лобанова (г. Волгоград); проф., PhD Массимо Ла Торре (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. И.А. Михайлова (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. Н.В. Павличенко (г. Москва); д-р юрид. наук Х.Л. Перес Альварадо (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. В.Ф. Понька (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. С.Б. Россинский (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. В.А. Рудковский (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ В.А. Ручкин (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: С.А. Астахова, Н.В. Горева,

Ю.И. Неделькина, М.В. Рассахатская

Редактор английских текстов Ю.В. Чеметева

Верстка Ю.А. Усковой

Техническое редактирование Е.С. Решетниковой

Подписано в печать 25.10.2019 г.

Дата выхода в свет 20.12.2019 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,8.

Уч.-изд. л. 19,1. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–66 экз.).

Заказ 193. «С» 29.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Инишкова А.О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 6

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

Шугуров М.В. Деятельность конвенционных структур Конвенции ООН о биологическом разнообразии по поощрению передачи технологии 18

Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект 27

Дерюгина С.Р. Трансформация института источника повышенной опасности как следствие развития информационно-телекоммуникационных технологий 35

Гайворонская Я.В., Мирошниченко О.И., Мамычев А.Ю. Нескромное обаяние цифровизации 40

Козлова М.Ю. Текст договора в электронной форме 48

Сафарли Н.Э. оглы. Смарт-контракт: понятие, правовая природа, особенности заключения и исполнения 54

Шмелева М.В. Электронные закупки как способ защиты общественных интересов 61

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Малюгин С.В. Нормативные обобщения в системе права: понятие, основные поисковые параметры, разновидности и функциональное значение 67

Клименко Л.В., Посухова О.Ю., Будаев П.Е. Динамика правового сознания населения Юга России: когнитивный аспект 75

Кикавец В.В. О целесообразности разграничения публичных потребностей в сфере закупок товаров, работ и услуг на общие и внутриорганизационные ... 83

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Петюкова О.Н., Райлян А.И. Установление инвалидности как юридический факт в контексте социальной защиты и развития социального предпринимательства: правовой опыт Англии 90

Байбекова Э.Ф. Роль корпоративного договора как правового механизма регулирования корпоративных отношений по гражданскому законодательству Российской Федерации 99

Красильникова Т.К. Производственно-хозяйственный комплекс как организационно-правовая (корпоративная) модель объединения и перспективы его развития в России 105

Иловайский И.Б., Долгова В.Ю. Отдельные замечания о совершенствовании законодательства РФ в сфере трансграничных брачно-семейных отношений 111

Петухова И.Э. Гражданско-правовые аспекты конкурсного распоряжения имуществом должника 119

Перегудова Д.А. Отношения, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и их классификация 126

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Соловьева Н.А., Ильясова А.К. Постановление прокурора как повод для возбуждения уголовного дела: проблемы совершенствования законодательства 131

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Галушко Д.В. О правовых последствиях выхода Великобритании из Европейского Союза 140

Каракулян Э.А. Методология междисциплинарных исследований и наука международного права 146

Лисаускайте В.В. Глобальная платформа ООН по снижению риска бедствий как особая форма реализации межгосударственного сотрудничества 153

Сиекиера Дж. Правовой аспект деятельности гражданского общества (на примере государств Южной части Тихого океана) 159

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Азарова Е.С. Усмотрение суда как часть структуры уголовно-процессуальной парадигмы 166

Бархатова Е.Н., Беломестнов Н.Е. Янтарь – природное богатство вне уголовно-правовой защиты 174

ХРОНИКИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Казаченок О.П. Использование современных финансовых технологий в банковской деятельности 181

Инишкова А.О. Вековой поиск модели хозяйственного развития России: экономико-правовое развитие конкурентоспособного государства 184

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S NOTE

<i>Inshakova A.O.</i> Law and Information Technology Transformation of Public Relations Under Industry 4.0 Conditions	6
---	---

MAINSTREAM ISSUE

<i>Shugurov M.V.</i> The Activity of the Convention Structures of the UN Convention on Biological Diversity to Promote Technology Transfer	18
<i>Gaivoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I.</i> Legal Problems of Digitalization: Theoretical and Legal Aspects	27
<i>Deryugina S.R.</i> Transformation of the Institute of the Source of Increased Danger in the Information and Digital Era	35
<i>Gaivoronskaya Ya.V., Miroshnichenko O.I., Mamychev A.Yu.</i> Indiscreet Charm of Digitalization	40
<i>Kozlova M.Yu.</i> The Wording of a Contract in Electronic Form	48
<i>Safarli N.E. ogli.</i> Smart Contract: The Concept, Legal Nature, Features of Conclusion and Execution	54
<i>Shmeleva M.V.</i> E-Procurement as a Way to Protect the Public Interest	61

THEORY AND PRACTICE OF STATE AND LEGAL DEVELOPMENT

<i>Malyugin S.V.</i> Regulatory Generalizations in the System of Law: The Concept, Basic Search Parameters, Varieties and Functional Meaning	67
<i>Klimenko L.V., Posukhova O.Yu., Budaev P.E.</i> Legal Awareness Dynamics of the Population of the South of Russia: Cognitive Aspect	75
<i>Kikavets V.V.</i> On Expediency of Dividing Public Needs in the Sphere of Purchases of Goods, Works and Services into General and Intra-Organizational Ones	83

PRIVATE LAW REGULATION ISSUES: HISTORY AND CONTEMPORANEITY

<i>Petyukova O.N., Railyan A.I.</i> Disability Categorization as a Juridical Fact in Terms of Social Protection and the Development of Social Entrepreneurship: The Legal Experience of England	90
<i>Baibekova E.F.</i> The Role of Corporate Agreement as a Legal Mechanism for Regulating Corporate Relations Under the Civil Legislation of the Russian Federation	99
<i>Krasilnikova T.K.</i> Production and Economic Complex as an Organizational and Legal (Corporate) Model of Association and Prospects for Its Development in Russia	105

<i>Ilovaisky I.B., Dolgova V.Yu.</i> Desultory Remarks on the Legislative Improvement of the Russian Federation in the Field of Cross-Border Marriage and Family Relations	111
<i>Petukhova I.E.</i> Civil Law Aspects of Bankruptcy of Debtor's Property	119
<i>Peregudova D.A.</i> Relations Arising from Unjust Enrichment and Their Classification	126

ADJECTIVE LAW: THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ISSUES

<i>Solovyova N.A., Ilyasova A.K.</i> Prosecutor's Decision as a Cause for Initiating Criminal Proceedings: Problems of Improving the Legislation	131
--	-----

INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE JURISPRUDENCE

<i>Galushko D.V.</i> On the Legal Consequences of Brexit ...	140
<i>Karakulyan E.A.</i> The Methodology of Interdisciplinary Research and the Science of International Law	146
<i>Lisauskaite V.V.</i> The UN Global Platform for Disaster Risk Reduction as a Special Form of Interstate Cooperation Implementation	153
<i>Siekiera J.</i> Legal Dimension of Civil Society Activities (The South Pacific Example)	159

CRIME PREVENTION AND LEGAL LIABILITY DIFFERENTIATION

<i>Azarova E.S.</i> Court Discretion as Part of the Criminal Procedure Paradigm Structure	166
<i>Barkhatova E.N., Belomestnov N.E.</i> Amber – Natural Wealth out of Criminal Protection	174

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

<i>Kazachenok O.P.</i> Using of Modern Financial Technologies in Banking	181
<i>Inshakova A.O.</i> The Long-Lasting Search for a Model of Economic Development of Russia: Economic and Legal Development of a Competitive State	184

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>

UDC 340.1:330.342

LBC 67.021

LAW AND INFORMATION TECHNOLOGY TRANSFORMATION OF PUBLIC RELATIONS UNDER INDUSTRY 4.0 CONDITIONS

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Annotation. Under the conditions of the fourth industrial revolution the objectively developing processes in the economy should receive adequate legal support, not only taking into account the potential positive results, but also able to identify and neutralize the possible negative impact and consequences of accelerated transformation. This circumstance has given rise to the integrated relationship of the project with one of the fundamental areas of modern jurisprudence – the study of the economy digital algorithmization as the main part of the architecture of the fourth industrial revolution, combined with the identification of patterns, trends and prospects of the information society development from the perspectives of different branches of law providing effective functioning of the statutory concepts, security and methods of protection of participants in new social relations. The characteristic features inherent in all technologies of industry 4.0, without exception, determine their complex impact on modern social development, which, of course, should be accompanied by the formation of new social institutions and regulatory mechanisms that ensure them. In the dynamics of public relations development in industry 4.0, the emergence of various failures of different nature and character is inevitable, which, in turn, can adversely affect the rights and obligations of entities whose economic activities are directly related to the technologies of industry 4.0. In this regard, the next issue of the journal “Legal Concept = Legal paradigm” is aimed at solving the problem of improving the foundations of legal regulation of economic entities’ activity in the period of neo-industrialization. The emergence of new social relations, which by their nature inevitably give rise to conflicts, also needs fundamentally new approaches to their settlement, in particular, through the creation of ways to protect the rights of subjects based on the technologies of industry 4.0. At the same time, in order to prevent possible conflicts and violations of the rights of economic entities, it is necessary to create the appropriate preventive legal mechanisms. This project aims to eliminate the existing loopholes, both in the legal regulation and in the theoretical and legal understanding of the transformation processes of public relations in the conditions of the technological revolution and industry 4.0. The problem to be solved by the project is of complex cross-sectoral nature within the legal sciences, which has led to the determination and identification of potential risks for economic entities involved in the implementation and use of industry 4.0 technologies from the perspective of different branches of law. A comprehensive cross-sectoral approach has allowed to analyze the legal development specifics in the conditions of industry 4.0 and to identify positive and negative factors of the fourth industrial revolution, affecting the modernization of preventive mechanisms and legal remedies of economic entities in the new economic conditions, to identify legal ways and means of this modernization and formulate specific proposals to improve the current legislation.

Key words: scientific-technical progress, neoindustrialization, technology, ICT, industrial revolution, industry 4.0, digital algorithmization of economy, Internet of things, legal regulation of economic activities, preventive legal mechanisms, legal remedies of economic entities, application of laws, the activities under the conditions of digitalization of the Russian economic system.

Citation. Inshakova A.O. Law and Information Technology Transformation of Public Relations Under Industry 4.0 conditions. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 6-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>

ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ИНДУСТРИИ 4.0

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В условиях четвертой промышленной революции объективно развивающиеся в экономике процессы должны получить адекватное правовое обеспечение, не только учитывающее потенциальные позитивные результаты, но и способное выявить и нивелировать возможное негативное влияние и последствия ускоренной трансформации. Данное обстоятельство обусловило органическую связь проекта с одним из фундаментальных направлений современной юриспруденции – изучением цифровой алгоритмизации экономики как основной части архитектуры четвертой промышленной революции в сочетании с выявлением закономерностей, тенденций и перспектив развития информационного общества с позиций разных отраслей права, обеспечивающих эффективное функционирование юридических конструкций, охрану и способы защиты участников новых общественных отношений. Характерные особенности, присущие всем без исключения технологиям индустрии 4.0, обуславливают их комплексное влияние на современное общественное развитие, что должно сопровождаться формированием новых социальных институтов и обеспечивающих их регламентационных механизмов. В динамике развития общественных отношений в индустрии 4.0 неизбежно возникновение разнообразных по характеру сбоев, имеющих различную природу и характер, что, в свою очередь, может неблагоприятно повлиять на права и обязанности субъектов, хозяйственная деятельность которых непосредственно связана с технологиями индустрии 4.0. В связи с этим подготовленный очередной номер журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» направлен на решение проблемы, заключающейся в совершенствовании основ правового регулирования экономической деятельности субъектов хозяйствования в период неоиндустриализации. Новые общественные отношения, которые по своей природе неизбежно порождают конфликты, нуждаются и в принципиально новых подходах к их урегулированию, в частности посредством создания способов защиты прав субъектов, основанных на технологиях индустрии 4.0. Вместе с тем в целях предотвращения возникновения возможных конфликтов и нарушений прав субъектов хозяйствования требуется создание соответствующих превентивных правовых механизмов. Настоящий проект призван устранить имеющиеся пробелы как в правовом регулировании, так и в теоретико-правовом осмыслении процессов трансформации общественных отношений в условиях технологической революции и индустрии 4.0. Проблема, на решение которой направлен проект, носит комплексный межотраслевой характер внутри юридических наук, который обусловил определение и выявление потенциальных рисков для хозяйствующих субъектов, участвующих во внедрении и использовании технологий индустрии 4.0 с позиций разных отраслей права. Комплексный межотраслевой подход позволил проанализировать в целом специфику правового развития в условиях индустрии 4.0 и определить положительные и отрицательные факторы четвертой промышленной революции, влияющие на модернизацию превентивно-профилактических механизмов и правовых средств защиты прав хозяйствующих субъектов в новых экономических условиях, обозначить правовые способы и средства этой модернизации и сформулировать конкретные предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: научно-технический прогресс, неоиндустриализация, технологии, информационно-коммуникационные технологии, промышленная революция, индустрия 4.0, цифровая алгоритмизация экономики, интернет вещей, правовое регулирование экономической деятельности, превентивно-профилактические правовые механизмы, правовые средства защиты прав хозяйствующих субъектов, правореализационная деятельность в условиях цифровизации российской экономической системы.

Цитирование. Иншакова А. О. Право и информационно-технологические преобразования общественных отношений в условиях индустрии 4.0 // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.1>

В связи с углублением процессов цифровой алгоритмизации экономики, влияние которых на общественные отношения с каждым

годом возрастает, актуализируются вопросы, связанные с их трансформацией за счет внедрения принципиально новых, имеющих инно-

вационный характер технологий, которые в современной практике и специализированной научной литературе включаются в понятие индустрии 4.0. В качестве подобных технологий, воздействие которых приводит к нивелированию существующих границ между физическими, цифровыми и биологическими мирами, выступают киберфизические системы, включающие такие ключевые технологии реализации четвертой промышленной революции, как: автономные роботы, большие данные, промышленный интернет вещей, облачные вычисления, дополненная реальность, 3D-печать или аддитивное производство, кибербезопасность, моделирование (симуляторы), интеграция IT-систем (горизонтальная и вертикальная).

Современный научно-технический прогресс характеризуется более интенсивной динамикой развития, нежели реально происходящие институциональные социально-экономические преобразования общества и тем более правовой базис этих преобразований. Проникновение технологий индустрии 4.0 во все сферы современной общественной жизнедеятельности обуславливает необходимость преобразования и соответствующих регламентационных основ всех без исключения уровней и отраслей права.

Так, по мере глобализации рынка и развития электронного гражданского оборота становятся очевидными такие проблемы, как неурегулированность возникающих новых гражданско-правовых отношений, а также отсутствие действенных правовых механизмов защиты прав и законных интересов субъектов, участвующих в данных правоотношениях. Кроме того, для извлечения всех преимуществ, которыми характеризуются технологии индустрии 4.0, необходимо создание и поддержание благоприятной, адаптивной правовой среды, позволяющей не только сглаживать конфликты в новых условиях, но и предоставлять превентивно-профилактические механизмы их предотвращения.

В свете реализации национальной программы «Цифровая экономика РФ», широкой государственной поддержки и активизации инвестиционного участия частного предпринимательства в ближайшей перспективе можно спрогнозировать запуск в массовое

использование многих технологий индустрии 4.0. Это предопределяет необходимость разработки, а также ускоренной социальной адаптации и институционализации успешных хозяйственных, управленческих и правовых практик, связанных с использованием технологий индустрии 4.0. Для России индустрия 4.0 представляет собой шанс для движения вверх в иерархии глобальной экономической конкуренции, но пока российская экономика в полной мере не использует имеющийся потенциал, что также подтверждает актуальность изучения обозначенных процессов в научных исследованиях путем создания коллабораций ученых, принадлежащих к разным отраслям права.

Научная значимость и актуальность решения обозначенной проблемы обусловлены и практически полным отсутствием комплексных межотраслевых правовых исследований, посвященных трансформации общественных отношений, вызванной широкой экспансией четвертой промышленной революции, сквозь призму адаптации к новым условиям отечественного законодательства.

В этой связи создание правовой концепции неоиндустриальной модернизации и, в частности, развития технологий индустрии 4.0, включая превентивно-профилактические механизмы предотвращения конфликтов в связи с использованием всех видов конвергентных технологий, представляет значительный научный и практический интерес, поскольку обеспечивает на ближайшие 10 лет формирование принципиально новых законодательных подходов к решению фундаментальных и прикладных задач в рассматриваемой сфере.

Дуализм самой идеи четвертой промышленной революции, или иначе – индустрии 4.0, выражается как в ее концептуальности, так и в институциональности. При этом институциональное качество позволяет создать фундамент для ряда инициатив, в том числе законодательных, вырабатываемых заинтересованными субъектами.

Ключевые технологии индустрии 4.0 сегодня активно внедряются в практическую деятельность субъектов хозяйственной деятельности и оказывают влияние на соответствующие общественные отношения, однако степень их воздействия различна, поскольку одни

из них уже внедрены и успешно зарекомендовали себя, а другие, напротив, лишь проходят испытания.

В частности, расширение сферы использования роботизированных устройств в различных сферах общественной жизни порождает необходимость анализа содержания правового режима робота и его соотношения с правовым статусом субъектов гражданского права. Интернет вещей, который сегодня внедрен во многие сферы жизнедеятельности, в том числе в промышленность, обуславливает потребность в формировании превентивно-профилактических средств защиты, как субъектов хозяйствования, так и потребителей. Облачные вычисления, интеграция IT-систем, дополненная реальность сегодня рассматриваются как перспективные средства оптимизации предпринимательской деятельности, внедрение которых также должно иметь научно обоснованные подходы, в том числе в вопросах их правового регулирования. Одновременно с этим кибербезопасность служит обязательным условием для успешного внедрения и функционирования технологий индустрии 4.0.

В связи с этим в исследованиях правоведов основной целью теоретического характера становится разработка концептуальных основ правового регулирования технологий индустрии 4.0, в то время как задачей прикладного характера выступает создание соответствующей регламентационной базы для экономической деятельности в период неоиндустриализации, в том числе превентивно-профилактических мер, направленных на минимизацию нарушений прав хозяйствующих субъектов, с учетом как возможных и очевидных пробелов в законодательстве, так и процессов международной интеграции.

Масштаб поставленной задачи определяется значимостью ожидаемых результатов для успешного правового регулирования экономической деятельности субъектов хозяйствования в период неоиндустриализации.

Первоочередные задачи комплексного теоретико-прикладного исследования в данном направлении определяются усилиями исследователей, которые разрабатывают концептуальные основы правового регулирования экономических, прежде всего контрактных,

отношений с использованием новейших цифровых технологий.

Можно назвать сферы экономико-правового регулирования, подверженные на сегодняшний день особым исследовательским разработкам в среде передовых научных коллабораций. В перечне таких исследовательских вопросов можно выделить: сравнительный анализ концептуальных подходов к определению сущности и форм, функций и структуры цифровой экономики в зарубежной и отечественной научной литературе; определение сильных и слабых сторон экономического и правового компонентов процесса цифровизации экономики, а также новых возможностей и угроз общества в условиях перехода к цифровому сценарию развития экономики; изучение опыта правореализационной деятельности на различных этапах цифровизации российской экономической системы; выявление потенциала интеграции парадигм экономики и права как основы проведения модернизационных процессов в цифровой экономике; анализ влияния развития цифровой экономики на развитие внешнеэкономической деятельности; выявление мер в области цифровой экономики, необходимых для повышения вовлеченности российских предпринимателей в международный торговый оборот для понимания задач, стоящих перед правоведами и законодателем; критический анализ подготовленных законопроектов, направленных на правовое регулирование операций с цифровыми объектами, и их возможного влияния на хозяйственные (контрактные) отношения; выработка предложений по совершенствованию разработанных законопроектов и принятых законодательных актов, направленных на правовое регулирование правоотношений, связанных с использованием цифровых технологий; анализ правового регулирования новых виртуальных цифровых объектов, операции с которыми в разных странах по всему миру анонимно проводятся в течение последних 8 лет неограниченным кругом лиц в информационно-коммуникационной сети «Интернет» с использованием специальных компьютерных программ; раскрытие сущности и видов цифровых объектов всех видов коммерческих сделок; исследование рисков и правовых возможностей заключения хозяйственных договоров в форме

смарт-контрактов; определение приоритетных направлений, правовой политики и фундаментальных принципов развития общего правового пространства применения цифровых технологий в сфере внешнеторговой деятельности стран – участниц интеграционных объединений с участием РФ (ЕАЭС, БРИКС); выявление эффективных методов и правовых механизмов формирования автономной наднациональной правовой системы в сфере применения цифровых технологий во внешнеэкономической деятельности стран – участниц интеграционных объединений с участием РФ (ЕАЭС, БРИКС).

На сегодняшний день в рамках обозначенных направлений сделано уже немало исследований. Это подтверждается решенными задачами, представленными в качестве результатов в уже опубликованных научных источниках, среди которых значимое место отведено междисциплинарным направлениям. Значительный вклад в развитие экономико-правового регулирования основных направлений национальной технологической инициативы внесли ученые – экономисты и юристы Волгоградского государственного университета (ВолГУ).

Так, учеными ВолГУ на экономико-правовом междисциплинарном уровне были проработаны и решены следующие задачи:

- проведен сравнительный анализ концептуальных подходов к определению сущности и форм, функций и структуры цифровой экономики в зарубежной и отечественной научной литературе;

- изучен немногочисленный опыт правореализационной деятельности на различных этапах цифровизации российской экономической системы;

- определены сильные и слабые стороны экономического и правового компонентов процесса цифровизации экономики, а также новые возможности и угрозы для российского общества в условиях перехода к цифровому сценарию развития экономики;

- уточнен и дополнен понятийно-категориальный аппарат теории цифровой экономики и механизмов многоуровневого перехода на цифровой сценарий развития;

- выявлены приоритетные меры в области цифровой экономики, необходимые

для повышения вовлеченности российских предпринимателей в международный торговый оборот, а также для понимания задач, стоящих перед правоведами и законодателем;

- осуществлен анализ попыток правового регулирования российским законодателем новых виртуальных цифровых объектов, операции с которыми в разных странах по всему миру анонимно проводятся в течение последних 8 лет неограниченным кругом лиц в информационно-коммуникационной сети «Интернет» с использованием специальных компьютерных программ.

Для достижения поставленных задач авторами было проанализировано эволюционное развитие концепции глобального информационного общества, основные характеристики и возможности создания его ценностно-нормативной базы на современном этапе. Отмечено глубокое взаимовлияние информационного общества, цифровой экономики и права, а также причины, обуславливающие эти взаимосвязи. Доказано, что в гражданском обороте, являющемся особой формой экономической активности, относительно четко выделяются отношения, объектом которых является информация, и отношения, где действия с информацией выступают как служебные по сравнению с основными [15].

В процессе изучения опыта правореализационной деятельности на различных этапах цифровизации российской экономической системы выявлена трансформация общественных отношений под влиянием всеобщих процессов цифровизации, приводящая к появлению новых объектов гражданских прав, ранее не существовавших в гражданском обороте, а также возникновению принципиально новых субъектов гражданских правоотношений, в частности информационных агрегаторов, роль которых возрастает с развитием информационно-коммуникационных технологий и приобретает серьезное влияние на мировую экономику в целом [7; 10].

Информационные агрегаторы как новые субъекты гражданских прав становятся активными участниками как национальных, так и международных рынков в различных сферах, в том числе в сфере альтернативного финансирования, осуществляемого без учас-

тия кредитных организаций, что выступает новым стандартом цифровой экономики. С точки зрения повышения конкурентоспособности российского рынка рассмотрены современные альтернативные способы финансирования, развивающиеся на основе цифровых технологий, такие как взаимное (P2P) кредитование, находящиеся в настоящее время в правовом вакууме из-за отсутствия специальных нормативно-правовых актов, устанавливающих правовой статус, права, обязанности, ответственность и гарантии как информационного агрегатора, так и участников взаимного финансирования [4].

Учеными проведен анализ потенциала использования во внешнеэкономических расчетах новых объектов гражданских прав, выходящих за пределы общепризнанных теорий в связи со стремительным развитием цифровых технологий, сформировавшим потребность переосмысления классического понимания категории денежных средств. С точки зрения применимости в международных расчетных операциях проведено разграничение категорий безналичных денежных средств, электронных денежных средств и криптовалюты [5; 6].

Проведен сравнительный анализ доминирующих в настоящее время концептуальных подходов к трактовке цифровой экономики, а именно концепций цифровой интернет-экономики, экономики цифрового контента и экономики цифровых технологий. Доказано, что эти подходы гносеологически отражают реальную логику смены этапов эволюции цифровой экономики – от экономики, базирующейся на широком использовании интернет-технологий (1-й этап), через экономику, основанную на креативном труде и создании информационных материалов для цифровых устройств (2-й этап), к экономике, базирующейся на цифровых технологиях сверхбыстрой обработки больших объемов данных, интеллектуальной робототехники, интернета вещей, блокчейна (3-й этап). Альтернативность концептуальных подходов обусловлена многоукладностью цифровой экономики, неравномерностью поколенческой структуры технологий эволюционно переживаемого обществом экономического уклада, отраслей, институтов, организаций и моделей ведения бизнеса.

К институциональному цифровому сектору авторским коллективом предлагается относить IT-индустрию, индустрию онлайн-платформ и другие отрасли цифровых услуг, а также медиаиндустрию. Кроме того, предлагается выделять внутрифирменный цифровой сектор единичных корпоративных субъектов, который аналитически образуется из совокупности работников цифровых профессий, занятых в традиционных (нецифровых) отраслях.

В ходе исследования авторами уточнен и дополнен понятийно-категориальный аппарат теории цифровой экономики с позиций институциональной теории. Доказано, что институты регулирования и саморегулирования цифровой экономики в среднесрочной перспективе будут включать две крупные подсистемы. Первая подсистема – смарт-институты (нормы и модели поведения на основе самоисполняющихся смарт-контрактов), вторая подсистема – гибридные институты (сочетающие элементы традиционного, письменно фиксируемого права и алгоритмического, в основе которого находятся компьютерные коды и программы). Неизбежно в цифровой институциональной среде возникнут смарт-посредники: среди них уже в настоящее время ученые-экономисты выделяют юристов по смарт-контрактам, технических экспертов по цифровым технологиям, аудиторов и менеджеров цифровых бизнес-процессов [9].

В ходе проведенных исследований раскрыты институциональные возможности и ограничения правового регулирования цифровой экономики внешнеэкономической деятельности в условиях международной экономической интеграции. Проведен сравнительный анализ концептуальных подходов к определению сущности и форм, функций и структуры цифровой экономики в зарубежной и отечественной научной литературе. Выделена проблема институциональных изменений в экономике России под влиянием цифровизации. Определены сильные и слабые стороны экономических компонентов процесса цифровизации экономики, а также новые возможности и угрозы для российского общества в условиях перехода к цифровому сценарию развития экономики. Выявлены тренды изменения институциональной среды в финансовом секторе и предложе-

на концепция регулирования цифровой экономики в период институциональных трансформаций [11].

В ходе исследования обосновано, что цифровые трансформации происходят в многоуровневом режиме и зависимы от изменений на всех остальных базовых и промежуточных уровнях. Выявлено, что перспективные институциональные изменения, связанные с переходом на цифровой сценарий развития, реализуются, в частности, на микроуровне индивидуальных и единичных корпоративных субъектов цифровой экономики. В этой связи целесообразно развитие правовых конструкций смарт-контрактов с участием физических лиц. На микроуровне внутренней среды корпоративных субъектов перспективно развитие институтов доверенных технических экспертов по цифровым технологиям, аудиторов и менеджеров цифровых бизнес-процессов, а также лучших практик и правил работы в цифровой среде. На микроуровне цифровых рынков и корпоративно-хозяйственных взаимосвязей единичных субъектов необходимо развитие правовых конструкций смарт-контрактов с участием юридических лиц, блокчейна, децентрализованных приложений, токенов и других инструментов цифровой экономики. Также необходима исследовательская разработка и последующее законодательное закрепление правового института децентрализованной корпоративно-хозяйственной организации единичных субъектов, основанного на рецепции лучших практик ведения цифрового бизнеса и устоявшихся обычаях делового цифрового оборота. На мезоуровне территориальных образований ключевым вектором должно стать развитие институтов стратегического управления территориями на основе больших данных и искусственного интеллекта (сенсорной «цифровой кожи»), институтов интерактивного стратегического планирования, институтов локальной демократии (блокчейн-референдумов и др.). Макроуровень институциональных изменений связан с выбором национальной модели регулирования цифровой экономики, адаптацией действующего законодательства к специфике цифровых технологий, внедрением института регулятивных «песочниц», развитием институтов регтеха. На макроуровне глобальной цифровизации приоритетами

должны стать формирование глобальных и международных правовых режимов для наиболее значимых цифровых индустрий, а также международные договоры по ключевым блокам цифровой экономики – труд, инвестиции, собственность, налогообложение, судопроизводство [8; 14].

Проведенный анализ показал, что цифровая экономика – сложная адаптивная экосистема, поэтому ее регулирование в большей степени должно основываться на создании условий, снижении барьеров, стимулировании, облегчении правового режима, в меньшей степени – на формализации и прямом субсидировании. При этом цифровая экономика как объект регулирования всегда будет опережать развитие регулятивных институтов и механизмов. В этой связи крайне желательно максимально использовать такие инструменты, как регулятивные песочницы, публичные обсуждения, правовые форсайты. Регулирование цифровой экономики должно учитывать реальность инициируемых развитием цифровой экономики изменений правовой системы – перехода к основанным на программных кодах смарт-контрактам и институтам, сочетающим алгоритмическое и традиционное право.

Раскрыта логика эволюции цифровой экономики и ее внутренние противоречия. Проведен сравнительный анализ подходов к определению сущности и форм, функций и структуры цифровой экономики. Уточнен и дополнен категориальный аппарат теории цифровой экономики. Предложена концептуальная модель многоуровневого перехода экономики на цифровой сценарий развития. Предложено разграничить цифровой и оцифрованный секторы, которые охватывают отрасли, непосредственно и опосредованно связанные с цифровыми технологиями и продуктами. Предложено выделить, во-первых, институциональный, во-вторых, внутрифирменный цифровой секторы: первый охватывает цифровые индустрии, второй включает работников цифровой специализации в традиционных отраслях. Перспективные институциональные сдвиги должны быть осуществлены в многоуровневом формате, включая экспериментальные режимы – регулятивные песочницы, правовые форсайты, публичные экспертные обсуждения [12].

Коллективом авторов выявлены меры в области цифровой экономики, необходимые для повышения вовлеченности российских предпринимателей в международный торговый оборот, среди которых можно выделить необходимость законодательного закрепления правового положения интернета вещей, определение их статуса и места в системе объектов гражданских прав, поскольку без них товары, являющиеся предметом внешнеэкономических сделок, не могут быть оцифрованы. В свою очередь, для возникновения интернета вещей должна быть создана телекоммуникационная инфраструктура сети «Интернет» повсеместно на территории всей Российской Федерации и интегрирована в глобальную сеть с подключением к платформам децентрализации учета данных в распределенных реестрах – blockchain [3].

Одной из главных задач защиты интересов субъектов внешнеторговой деятельности в условиях перехода на цифровые способы фиксации и передачи информации, заключения и исполнения сделок становится создание защищенной системы идентификации. При решении проблемы установления цифровой идентичности субъекта предложено использование двух способов: введение государственной системы регистрации IP-адресов и уход от системы идентификации личности посредством предоставления документов, удостоверяющих личность. Необходимым и достаточным способом идентификации личности в современных условиях должно стать установление биометрических данных человека.

В рамках проводимой работы по определению новых возможностей и угроз для российского общества в условиях перехода к цифровому сценарию развития экономики установлено, что по мере глобализации рынка и развития электронного гражданского оборота становится очевидной проблема неурегулированности возникающих новых гражданско-правовых отношений, отсутствие защиты субъектов, участвующих в данных правоотношениях. Перевод бизнес-процессов в цифровой формат диктует необходимость снижения конфликтности экономической деятельности в рамках международного рынка, что возможно осуществить с применением превентивно-

профилактического подхода с помощью использования непрерывного ведения распределенного реестра электронной регистрации фактов хозяйственно-договорных отношений несколькими публичными субъектами и самими сторонами [13].

Существенное влияние на повышение конкурентоспособности российских предпринимателей на международном рынке способно оказать установление единообразного подхода к определению правовой природы смарт-контрактов. Авторами выделен технологический и юридический подходы к определению природы умного контракта, внутри последнего определен широкий и узкий подходы. Раскрыты специфика смарт-контракта, его ключевые особенности, а также сделан вывод о необходимости законодательного закрепления третьей (наряду с письменной и устной) формы сделки – программной. Сделан вывод о том, что в текущий период, применяя смарт-контракты во внешнеторговой деятельности, необходимо опираться на нормы *soft law* и сложившуюся деловую практику, сочетая их с императивным методом государственного надзора и контроля над выполнением требований по охране конфиденциальной информации, способами защиты законных прав и интересов лиц, участвующих в международных отношениях внешнеэкономической деятельности [3].

Авторами обоснованы рекомендации по расширению внедрения электронного документооборота в международной торговле, в частности с использованием морских перевозок как наиболее востребованного способа доставки груза во внешнеторговой деятельности. Расширение использования цифровых технологий, таких как смарт-приложения к коносаментам и электронно-цифровая регистрация микрочипов, которыми следует помечать товары, перемещаемые по международным сделкам, позитивно повлияет на повышение правопорядка на внутригосударственном уровне посредством более точного электронного таможенного, налогового, валютного контроля [1].

Исполнители проекта выявили, что внешнеторговые сделки, интенсивность которых между хозяйствующими субъектами из стран – участниц БРИКС в последнее пятилетие заметно возросла, требуют, как правило, привле-

чения крупных финансовых ресурсов. Эффективным инструментом финансового обеспечения внешнеторговой сделки может стать целевое финансирование от группы инвесторов, причем денежные средства можно привлечь дистанционно, применяя новые цифровые технологии. Рост популярности сначала «электронных денег», а в последние годы оборачивающихся в Интернете криптозаписей предопределил появление в международной финансовой практике способа инвестирования, связанного с вложением в перспективные проекты именно виртуальных криптосредств. Хозяйствующие субъекты начинают активно использовать инструменты финансирования своих проектов, одним из них является ICO. Токены как цифровые криптозаписи на интернет-ресурсах, применяемые участниками внешнеторговых сделок юрисдикций БРИКС – организаторами инвестиций, к 2022 г. станут привычными инвестиционными инструментами, какими являются облигации или акции. Авторами сформулированы выводы и рекомендации по корректировке российских законопроектов, даны предложения по улучшению инфраструктуры удаленных инвестиций в интернет-пространстве современной России. На основе критического анализа научных работ экономистов и юристов предложены дефиниции инструментов дистанционного цифрового взаимодействия инвесторов и организаторов инвестирования долгосрочных внешнеторговых сделок, которые могут осуществляться хозяйствующими субъектами юрисдикций БРИКС [2].

Вопросами развития цифровой экономики на сегодняшний день занимаются как российские, так и зарубежные исследователи, а также представители различных международных организаций, пытающиеся определить наиболее существенные тренды в области цифровой экономики, которые в значительной степени повлияют на дальнейшее развитие мировой и национальной науки, прежде всего юридической.

За последнее время по различным отдельным аспектам исследуемой темы были защищены диссертации, представленные на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право: Нестеро-

ва Н. В. «Особенности правового режима ноу-хау на примере российского, зарубежного и международного опыта» (Москва, 2018); Хрусталева А.В. «Электронные денежные средства как объект гражданского правоотношения» (Санкт-Петербург, 2018); Козинец Н.В. «Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли» (Москва, 2017); а также по специальности 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством: Арчакова С.В. «Управление инновационной средой в условиях цифровой экономики» (Воронеж, 2019); Щербаков А.Г. «Развитие организационно-экономического механизма функционирования высокотехнологичных предприятий при внедрении цифровых технологий» (Москва, 2019).

В периодических научных изданиях проводятся исследования общетеоретических понятийных категорий, юридической сущности и особенностей правового регулирования цифровой экономики.

Среди авторов, исследующих информационную экономику как отдельную составную часть экономической науки, следует в первую очередь назвать Д. Белла, М. Кастельса, М. Лимиаб, Дж. Маржна, М. Патзара.

Вопросы цифровизации экономики и моделей цифровой трансформации рассматривались А.В. Богомоловой, Е.А. Борковым, Е.В. Борискиной, А.О. Глазковой, В.Н. Жигаловой, В.В. Пяткиным, Т.Д. Санниковой, К.А. Семячковым, Д.И. Филипповым.

Влияние цифровизации торгового оборота на конкурентоспособность страны в условиях внешней торговли исследовалось Д.В. Завьяловым, Н.Б. Завьяловой, Е.В. Киселевым, Н.В. Куликовой, В.Е. Ковалевым, А.Ф. Линецким, А.Г. Тарасовым.

Интеграционные объединения стали объектом исследования А.В. Немкович, Е.Б. Стародубцевой.

Правовому регулированию внешней торговли посвятили свои работы М. Гарсия-Тьюрел, Д.В. Кофейников, А.О. Иншакова, И.П. Марчуков, А.С. Саркисян.

Особенности правового регулирования цифровых технологий на современном этапе развития рассматриваются А.В. Белицкой, В.С. Белых, О.А. Беляевой, В.А. Вайпаном, М. Ганкаспро, М.А. Егоровой, Р.Ф. Закировым,

Ю.Г. Лесковым, С.И. Носовым, В.П. Павловым, К. Салливан, И.А. Цинделиани.

Анализ правового регулирования новых виртуальных цифровых объектов проведен в работах Л.Б. Нигматулиной, М.А. Рожкова, М. Ивамура, Ф. Кельвин, Т. Чаптер, А.И. Савельева, К. Саито, Л.В. Санниковой, А.П. Сергеева, Т.А. Терещенко, Ю.С. Харитоновой.

Вместе с тем остается еще очень много неохваченных проблематик, и работа в направлении разработки адекватного процессам технологического становления общественных отношений в условиях индустрии 4.0 правового регулирования продолжается. Подтверждением тому являются работы, представленные для опубликования в очередном номере журнала «Legal Concept = Правовая парадигма», содержащие вопросы деятельности конвенционных структур Конвенции ООН о биологическом разнообразии поощрению передачи технологий; описывающие правовые проблемы цифровизации и пути их решения с точки зрения теоретико-правового осмысления; изучающие процессы трансформации института повышенной опасности в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий; указывающие на «нескромное обаяние» цифровизации как нового тренда социального развития вообще и правового в частности, манящего и очаровывающего новизной и современностью, однако остающегося загадкой для большей части людей – неспециалистов в сфере социального регулирования; посвященные содержанию электронного договора, а также понятию, правовой природе и особенностям заключения так называемых смарт-контрактов; рассматривающие электронные закупки в качестве способа защиты общественных интересов; изучающие современные финансовые технологии и способы их применения в банковской деятельности. С перечисленными вопросами редакционная коллегия журнала и приглашает ознакомиться своих читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров, А. И. Коносамент в правовом обеспечении внешнеэкономической деятельности: от личной выписки до электронного криптокода / А. И. Гончаров, А. О. Иншакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Юридические науки. – 2019. – Т. 23, № 3. – С. 375–393.
2. Гончаров, А. И. Цифровые токены в инструментарии современной внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов юрисдикций БРИКС / А. И. Гончаров, М. В. Гончарова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – № 3. – С. 31–42. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.5>.
3. Иншакова, А. О. Применение смарт-контрактов во внешнеэкономической деятельности / А. О. Иншакова, А. И. Гончаров // Современные подходы к трансформации концепций государственного регулирования и управления в социально-экономических системах : сб. науч. тр. 8-й Междунар. науч.-практ. конф. (21–22 февраля 2019 г.), редкол.: Горохов А.А. (отв. ред.), Юго-Зап. гос. ун-т. В 2 т. Т. 1 – Курск, 2019. – С. 174–180.
4. Казаченок, О. П. Взаимное (P2P) кредитование как современный инструмент альтернативного финансирования / О. П. Казаченок // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 10 (50). – С. 147–155.
5. Казаченок, О. П. Расчеты с использованием электронных денежных средств в странах БРИКС / О. П. Казаченок // Банковское право. – 2019. – № 4. – С. 60–66.
6. Казаченок, О. П. Становление правового режима криптовалюты в России и зарубежных странах / О. П. Казаченок. – Евразийская адвокатура. – 2019. – № 3. – С. 97–100.
7. Казаченок, О. П. Электронные денежные средства как новый объект гражданских прав в российском и международном праве: ограничение оборотоспособности и перспективы правового регулирования / О. П. Казаченок // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 1 (38). – С. 104–108.
8. Фролов, Д. П. Цифровая экономика как объект регулирования: взгляд институциональной экономики / Д. П. Фролов, А.В. Лаврентьева // Экономический анализ: теория и практика. – 2019. – № 13. – [В печати].
9. Фролов, Д. П. Ограничения концептуальных подходов к трактовке цифровой экономики / Д. П. Фролов, А.В. Лаврентьева // Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа, контроля и налогообложения» (17–18 апреля 2019 г.). – [В печати].
10. Deryugina, T. V. Systemic Issues of Legal Regulation for Information Aggregator Operation / T. V. Deryugina, A. O. Inshakova, M. V. Sevostyanov // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / ed. E. G. Popkova. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – P. 27–34.

11. Frolov, D. P. Digital Economy of Foreign Trade Activities in Action: Institutional Opportunities and Regulation Bounds of Complex Ecosystem / D. P. Frolov, A. V. Lavrentyeva // *Advances in Economics, Business and Management Research*. Vol. 81. – Cham : Atlantis Press. – P. 189–193.

12. Frolov, D. P. Regulatory Policy for Digital Economy: Holistic Institutional Framework / D. P. Frolov, A. V. Lavrentyeva // *Montenegrin Journal of Economics*. – 2019. – Vol. 14. – P. 133–143.

13. Kalinina, A. E. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts / A. E. Kalinina, A. O. Inshakova, A. I. Goncharov // *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT* / ed. E. G. Popkova. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – P. 205–213.

14. Kazachenok, O. P. New Digital Payment Facilities: An Analysis of Institutional and Legal Regulation / O. P. Kazachenok, A. V. Lavrentyeva // *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT* / ed. E. G. Popkova. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – P. 333–340.

15. Tarakanov, V. V. Information Society, Digital Economy and Law / V. V. Tarakanov, A. O. Inshakova, V. V. Dolinskaya // *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT* / ed. E. G. Popkova. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – P. 3–15.

REFERENCES

1. Goncharov A.I., Inshakova A.O. Konosament v pravovom obespechenii vneshnetorgovoy deyatel'nosti: ot lichnoy vypiski do elektronnoy kriptokoda [Bill of Lading in the Legal Support of Foreign Trade: From Personal Extract to Electronic Cryptocode]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Yuridicheskie nauki*, 2019, vol. 23, no. 3, pp. 375–393.

2. Goncharov A.I., Goncharova M.V. Tsifrovye tokeny v instrumentarii sovremennoy vneshnetorgovoy deyatel'nosti hozyaystvuyushchikh subyektov yurisdiksiy BRICS [Digital Tokens in the Toolbox of Modern Foreign Trade Activities of Economic Entities of BRICS Jurisdictions]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, no. 3, pp. 31–42. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.5>.

3. Inshakova A.O., Goncharov A.I. Primenenie smart-kontraktov vo vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti [Use of Smart Contracts in Foreign Economic Activity]. *Sovremennye podkhody k transformatsii kontseptsiy gosudarstvennogo regulirovaniya i upravleniya v socialno-ekonomicheskikh sistemakh: sb. nauch. tr. 8-y Mezhdunar.*

nauch.-prakt. konf. (21–22 fevralya 2019 g.), vol. 1. Kursk, 2019, pp. 174–180.

4. Kazachenok O.P. Vzaimnoe (R2R) kreditovanie kak sovremennyy instrument alternativnogo finansirovaniya [Mutual (R2R) Lending as a Modern Alternative Financing Tool]. *Vestnik universiteta im. O.E. Kutafina (MGYUA)*, 2018, no. 10 (50), pp. 147–155.

5. Kazachenok O.P. Raschety s ispolzovaniem elektronnykh denezhnykh sredstv v stranakh BRICS [Settlements with the Use of Electronic Money in the BRICS Countries]. *Bankovskoe pravo*, 2019, no. 4, pp. 60–66.

6. Kazachenok O.P. Stanovlenie pravovogo rezhima kriptovalyuty v Rossii i zarubezhnykh stranakh [Formation of the Legal Regime of Cryptocurrency in Russia and Foreign Countries]. *Evrasiyskaya advokatura*, 2019, no. 3, pp. 97–100.

7. Kazachenok O.P. Elektronnye denezhnye sredstva kak novyy obyekt grazhdanskikh prav v rossiyskom i mezhdunarodnom prave: ogranichenie oborotospособnosti i perspektivy pravovogo regulirovaniya [Electronic Money as a New Object of Civil Rights in Russian and International Law: Limitation of Turnover and Prospects of Legal Regulation]. *Evrasiyskaya advokatura*, 2019, no. 1 (38), pp. 104–108.

8. Frolov D.P., Lavrenteva A.V. Tsifrovaya ekonomika kak obyekt regulirovaniya: vzglyad institucionalnoy ekonomiki [Digital Economy as an Object of Regulation: A View of Institutional Economics]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2019, no. 13 [in print].

9. Frolov D.P., Lavrent'eva A.V. Ogranicheniya kontseptualnykh podkhodov k traktovke tsifrovoy ekonomiki [Limitations of Conceptual Approaches to the Interpretation of Digital Economy]. *Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktualnye problemy bukhgalterskogo ucheta, analiza, kontrolya i nalogooblozheniya» (17–18 aprelya 2019 g.)* [in print].

10. Deryugina T.V., Inshakova A.O., Sevostyanov M.V. Systemic Issues of Legal Regulation for Information Aggregator Operation. *Popkova E.G., ed. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. Cham, Springer Science + Business Media Publ., 2019, pp. 27–34.

11. Frolov D.P., Lavrentyeva A.V. Digital Economy of Foreign Trade Activities in Action: Institutional Opportunities and Regulation Bounds of Complex Ecosystem. *Advances in Economics, Business and Management Research*, vol. 81. Cham, Atlantis Press, pp. 189–193.

12. Frolov D.P., Lavrentyeva A.V. Regulatory Policy for Digital Economy: Holistic Institutional

Framework. *Montenegrin Journal of Economics*, 2019, vol. 14, pp. 133-143.

13. Kalinina A.E., Inshakova A.O., Goncharov A.I. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts. *Popkova E.G., ed. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. Cham, Springer Science + Business Media Publ., 2019, pp. 205-213.

14. Kazachenok O.P., Lavrentyeva A.V. New Digital Payment Facilities: An Analysis of

Institutional and Legal Regulation. *Popkova E.G., ed. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. Cham, Springer Science + Business Media Publ., 2019, pp. 333-340.

15. Tarakanov V.V., Inshakova A.O., Dolinskaya V.V. Information Society, Digital Economy and Law. *Popkova E.G., ed. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. Cham, Springer Science + Business Media Publ., 2019, pp. 3-15.

Information about the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Prosp.Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, базовая кафедра ЮНЦ РАН, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.2>

UDC 67.91
LBC 341.8

Submitted: 07.09.2019
Accepted: 04.10.2019

**THE ACTIVITY OF THE CONVENTION STRUCTURES
OF THE UN CONVENTION ON BIOLOGICAL DIVERSITY
TO PROMOTE TECHNOLOGY TRANSFER ¹**

Mark V. Shugurov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Introduction: in the context of increasing the role of technology transfer in achieving the sustainable development goals, the importance of scientific and technological cooperation within the framework of the Convention cooperation is increasing. The **aim** of the study is to develop a comprehensive proposal on the systemic interaction of the Convention structures of the UN Convention on Biodiversity in promoting the transfer of biotechnologies for the conservation and sustainable use of biodiversity. The **objectives** of the study are: 1) to carry out a consistent analysis of the development perspective of technology transfer at the level of meetings of the Conference of the Parties, in the activities of the Executive Secretary, the Subsidiary body on scientific, technical and technological advice and the Clearing-House Mechanism; 2) to reveal promising areas of the Convention cooperation on facilitating the biotechnology transfer. **Methods:** the general scientific methods (systemic, structural and functional) and specific scientific methods (comparative law, dogmatic legal). **Results:** the Convention structures of the Convention on Biodiversity, treating the technology transfer as a multi-component process, develop and implement measures to promote it on the basis of taking into account the technological needs, creating an enabling environment and appropriate information exchange. The CBD Convention process is open to other Convention and non-Convention technology transfer initiatives governed by the Convention in order to achieve synergies. **Conclusions:** the CBD Convention Bodies play a crucial role in enhancing the cooperation among all stakeholders, as well as identifying the gaps and eliminating the duplication of the international biotechnology transfer initiatives in line with the objectives of the Convention.

Key words: sustainable development, biotechnology, developing countries, technological gap, software tools, technology transfer.

Citation. Shugurov M.V. The Activity of the Convention Structures of the UN Convention on Biological Diversity to Promote Technology Transfer. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 18-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.2>

ББК 67.91
УДК 341.8

Дата поступления статьи: 07.09.2019
Дата принятия статьи: 04.10.2019

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНВЕНЦИОННЫХ СТРУКТУР
КОНВЕНЦИИ ООН О БИОЛОГИЧЕСКОМ РАЗНООБРАЗИИ
ПО ПООЩРЕНИЮ ПЕРЕДАЧИ ТЕХНОЛОГИИ ¹**

Марк Владимирович Шугуров

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Введение: в условиях повышения роли передачи технологии для достижения целей устойчивого развития усиливается значение научно-технологического взаимодействия в рамках конвенционного сотрудничества. **Цель** исследования заключается в выработке комплексного представления о системном взаимодействии конвенционных структур Конвенции ООН о биоразнообразии в сфере содействия передаче биотехнологий для сохранения и устойчивого использования биоразнообразия. **Задачи исследования:** 1) осуществить последовательный анализ развития проблематики передачи технологии на уровне совещаний Конференции Сторон, в деятельности Исполнительного секретаря, Вспомогательного органа по научным, техническим и технологическим консультациям, а также на уровне Механизма посредничества; 2) раскрыть перспективные направления конвенционного сотрудничества по облегчению передачи биотехнологий. **Методы:** общенаучные методы (системный, структурно-функциональный), научно-научные методы (сравнительно-правовой, догматическо-правовой). **Результаты:** конвенционные структуры Конвенции о биоразнообразии, подходя к передаче технологии как многокомпонентному процессу, разрабатывают и реализуют меры по его поощрению на основе учета технологических потребностей, создания стимулирующей среды и надлежащего информационного обмена. Конвенционное сотрудничество открыто для иных конвенционных и неконвенционных инициатив в сфере передачи технологии, регулируемых Конвенцией, в целях достижения синергетического эффекта. **Выводы:** Конвенционные структуры Конвенции о биоразнообразии играют решающую роль в расширении сотрудничества всех заинтересованных сторон, а также в выявлении пробелов и устранении дублирования международных инициатив по передаче биотехнологий в соответствии с целями Конвенции.

Ключевые слова: устойчивое развитие, биотехнологии, развивающиеся страны, технологический разрыв, программные инструменты, передача технологии.

Цитирование. Шугуров М. В. Деятельность конвенционных структур Конвенции ООН о биологическом разнообразии по поощрению передачи технологии // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 18–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.2>

Введение

Составной частью международного режима сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, который функционирует на основе Конвенции ООН о биоразнообразии 1992 г. (далее – КБР), является международное научно-техническое сотрудничество, одной из форм которого выступает передача технологии по линии Север – Юг, а также по линии Юг – Юг. Данная форма международного научно-технологического сотрудничества призвана удовлетворить потребности развивающихся государств в технологиях, использование которых позволяет обеспечить достижение трех целей Конвенции, а именно – сохранение, устойчивое использование биоразнообразия и совместное использование выгод на взаимной основе от применения биоресурсов.

Процесс имплементации положений статей 16 и 18 КБР, предусматривающих обязательства Сторон по содействию передаче технологии, является самостоятельным предметом соответствующих международно-правовых исследований [11, р. 533; 12, р. 101–113]. В них осуществляется анализ разнообразных аспектов и проблем передачи технологии.

Однако в литературе недостаточное внимание уделяется конвенционному сотрудничеству по передаче технологии в рамках режима КБР. В силу того, что передача биотехнологий из развитых стран в страны развивающиеся сопряжена с массой проблем (связанных, например, с противоречивым воздействием права интеллектуальной собственности, недостатком финансирования, отсутствием необходимого научно-технологического потенциала развивающихся стран, недостатком информационного взаимодействия и т. д.), повышенной актуальностью обладает системный анализ деятельности конвенционных структур по поощрению и оказанию содействия международной передаче технологии.

Основная часть

Ключевые ориентиры научно-технологического сотрудничества в целом и передачи технологии в частности в рамках международного режима сохранения и устойчивого использования биоразнообразия определяет Конференция Сторон – главный орган КБР. Так, непосредственно к проблематике передачи технологии Конференция обратилась уже в рамках своего второго совещания. На нем

было принято решение 2/4 «Пути и средства поощрения и облегчения доступа к технологиям, их передачи и разработки» [5], в котором была высказана заинтересованность в подготовке справочного документа, рассматривающего приоритетные вопросы, касающиеся передачи технологии и существующих здесь препятствий.

На ее совещаниях принимаются те или иные решения и даются поручения вспомогательным органам с учетом всех аспектов проблематики передачи технологии. Так, на шестом совещании во внимание были приняты ограниченные масштабы передачи технологии и экспертных знаний, что было расценено как разновидность препятствий, стоящих на пути реализации Конвенции в целом [6]. В качестве меры по устранению данного недостатка было решено развивать сотрудничество Сторон по повышению своего технологического потенциала. В п. 5 решения VII/29 «Передача технологии и технологическое сотрудничество (ст. 16–19)» [9] Конференция высказалась в пользу более широкого сотрудничества Сторон по созданию полной картины состояния дел в сфере международной передачи технологии в рамках международного режима устойчивого использования биоразнообразия. В п. 9 было предложено Сторонам конвенции, а также правительствам, частному сектору, организациям гражданского общества активно формировать и разрабатывать новаторские подходы и средства в области передачи технологии и технологического сотрудничества, например, создавать партнерства в соответствии с итогами Всемирного саммита по устойчивому развитию 2002 года.

Особенность решения 8/12 «Передача технологии и технологическое сотрудничество (статьи 16–19)» [7] заключается не просто в подтверждении значения передачи технологии в целом, но в акценте на важности разработки специальных подходов к передаче технологии и научно-техническому сотрудничеству для удовлетворения первоочередных потребностей Сторон на основе приоритетов, сформулированных в национальных стратегиях и планах действий по сохранению биоразнообразия.

С нашей точки зрения, на примере данного решения вполне можно говорить об эво-

люции подхода Конференции к вопросам передачи технологии, так как в этом решении речь идет о необходимости дальнейшего оказания содействия не просто в доступе развивающимся странам к технологиям, а именно в формировании кадрового и научно-технического потенциала, без которого передача технологии просто не достигнет своих целей. Большое внимание было также уделено созданию стимулирующей среды для разработки и передачи технологии на национальном уровне.

Одним из показательных моментов расширения повестки в области передачи технологии является призыв Сторон, содержащийся в п. 13 решения 9/14 о необходимости более активно участвовать в передаче технологии, а также усилить сотрудничество по линии Юг – Юг в области науки, технологии и нововведений, а также изучения альтернативных моделей трехстороннего, регионального или многостороннего сотрудничества в качестве мероприятий, которые могут выступить дополнительными механизмами к мероприятиям, реализуемым в рамках сотрудничества по линии Север – Юг.

Более детально проблематика передачи технологии рассматривалась в рамках одиннадцатого совещания Конференции Сторон. Этому вопросу был посвящен раздел С «Научное и техническое сотрудничество и передача технологии» решения 11/2. В частности, в п. 17(а) Исполнительному секретарю было дано поручение в русле оказания общего содействия развитию научно-технологическому сотрудничеству Сторон содействовать обобщению знаний и опыта, а также информации о технологиях в сфере биоразнообразия и тем мероприятиям, которые проводятся на национальном и международном уровнях в целях облегчения, регулирования и стимулирования передачи технологии, а также научно-технологического сотрудничества в целом. Отметим, что анализируемое решение заостряет внимание на вопросах оценки технологических потребностей как весьма важного побудительного фактора передачи технологии.

Вопросы сотрудничества в сфере передачи технологии достаточно подробно затрагиваются в разделе В решения 12/2 [4]. В подп. 10 данного раздела содержится при-

зыв к Сторонам Конвенции, которые являются развивающимися государствами, а также к коренным и местным общинам осуществлять оценку своих технологических потребностей, включая потребности в передаче технологии, направляя данную информацию Механизму посредничества. Далее, в п. 11, содержится призыв к Сторонам Конвенции, а также к другим правительствам, соответствующим организациям и субъектам деятельности в сфере биоразнообразия, вносить свой вклад в развитие научно-технологического сотрудничества и передачу технологии посредством различных форм сотрудничества.

Если обратиться к решению XIII/23 Конференции Сторон «Создание потенциала, научно-техническое сотрудничество, передача технологии и механизм посредничества» [10], в приложении к которому содержится Краткосрочный план действий (2017–2020 гг.) по активизации и поддержке создания потенциала для осуществления Конвенции и Протоколов к ней, то, несмотря на то, что вопросам собственно передачи технологии фактически не уделяется внимания, в нем исчерпывающим образом рассматриваются меры по развитию смежной формы сотрудничества, а именно – формированию потенциала, свою лепту в которое вносит передача технологии.

В сущности, в последнее время тенденцией работы Конференции Сторон стало объединение вопросов научно-технического сотрудничества с вопросами укрепления потенциала. При этом тематика передачи технологии специальным образом уже не затрагивается. Это вполне заметно на примере решения 14/24, принятого на последнем совещании в 2018 году. Данное обстоятельство следует объяснить тем, что, во-первых, проблематика передачи технологии стала аспектом обсуждений вопросов совершенствования режима совместного использования выгод от применения генетических ресурсов, а во-вторых, в поле внимания к тематике передачи технологии вошел анализ конкретных пилотных проектов в рамках новой инициативы Био-мост [13].

Заметной институциональной структурой в рамках рассматриваемого международного режима передачи биотехнологий является Механизм посредничества, главным

образом выполняющий функции содействия обмену информацией о технологиях, которые позволяют достичь целей КБР. Данный Механизм учрежден в 1995 г. согласно решению 1/3 Конференции Сторон в полном соответствии с п. 3 ст. 18 Конвенции. Он призван стимулировать, поощрять и облегчать научно-техническое сотрудничество и укреплять научно-технологический потенциал, в том числе поощрять и облегчать передачу технологии. Повышение эффективности работы данной структуры, а также вопросы функционирования его национальных, субрегиональных и региональных центров рассматриваются на систематической основе на совещаниях Конференции Сторон.

С нашей точки зрения, с учетом возрастания информационного фактора в обмене технологиями и их передаче вполне рациональным является общий подход к миссии Механизма на 2011–2020 гг., а именно содействие в осуществлении КБР и ее Стратегического плана на основе расширения оказания информационных услуг и повышения их эффективности [3]. Составной частью данной миссии является обеспечение обмена информацией о технологиях и практике их передачи, без чего их распространение невозможно. В свою очередь, это означает нацеленность на обеспечение использования новых ИКТ и доступ к ним. Достижения в данном направлении, а также в других направлениях, предусмотренных документом «Миссия, цели и задачи Механизма посредничества за период 2011–2020 гг.», были обобщены в специальном докладе Исполнительного секретаря [15]. Из отчетов о работе Механизма видно, что он разрабатывает список технологии, находящихся в общественном достоянии, обеспечивает функционирование портала доступа к базам данных, в том числе данным о патентах и другим информационным источникам, что служит делу распространения информации о технологиях и связанного с ними статуса собственности.

Как мы уже отмечали, ключевые ориентиры конвенционного сотрудничества по передаче технологии задает Конференция Сторон. Но при этом принимаемые ею решения опираются на рекомендации, разрабатываемые Вспомогательный орган по научным,

техническим и технологическим консультациям (далее – ВОНТТК). Мандат данного консультативного органа предусмотрен ст. 25 КБР. В соответствии с п. 2(с) данной статьи к функциям данного органа относится выявление новых, эффективных и самых современных технологии, а также «ноу-хау» в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия и вынесение рекомендаций о путях и средствах содействия разработке и/или передаче таких технологии.

Во исполнение ст. 25 Конвенции на первом совещании Конференции Сторон было принято решение 1/7 «Вспомогательный орган по научным, техническим и технологическим консультациям». В п. 5.3.1 данного решения выявление путей и средств поощрения и облегчения доступа к технологиям, их передачи и разработки было указано в качестве приоритетного пункта работы. В целом в данном решении был уточнен порядок создания и функционирования данного вспомогательного органа.

ВОНТТК сразу же после своего учреждения, то есть на первом совещании (4–8 сентября 1995 г.), предложил рекомендацию I/4 о путях и средствах поощрения и облегчения доступа к технологиям, их передачи и разработки. Далее в аналогичном духе следовали рекомендации II/4 и II/3 Второго совещания ВОНТТК. Отметим, что в процессе конвенционного сотрудничества в сфере передачи технологии не только поднимаются общие вопросы и предлагаются общие рекомендации, но и вырабатываются меры по облегчению передачи технологии применительно к различным секторам сохранения и устойчивого использования биоразнообразия. Так, в соответствии с п. 3 решения Конференции III/16 данному органу было рекомендовано сосредоточить внимание на анализе секторальных аспектов передачи технологии.

Самым непосредственным образом вопросы передачи технологии и смежные вопросы с учетом секторальной специфики были рассмотрены на последующих совещаниях ВОНТТК. Так, проблематика, касающаяся вопросов передачи технологии, рассмотренная на 8-м совещании в 2003 г., была компактно изложена в рекомендации 8/1-B, касающейся биоразнообразия горных районов [17]. В данной же рекомендации ВОНТТК поручил Ис-

полнительному секретарю провести работу по обобщению информации о положительном и отрицательном опыте в рассматриваемой области сотрудничества и предложить перечень передовых методов передачи соответствующих технологии.

Рассматривая конвенционное сотрудничество по передаче технологии, укажем на то, что в нем заметную роль играет Исполнительный секретарь. В поле его деятельности – разработка в процессе взаимодействия с организациями-партнерами последовательного и скоординированного подхода к научно-техническому сотрудничеству и передаче технологии при опоре на существующие механизмы, например, Механизм посредничества, при одновременном приложении усилий по их совершенствованию. Это предполагает разработку и оказание содействия в реализации тематических инициатив на региональном и субрегиональном уровнях, что позволяет расширить данного рода сотрудничество, включая сотрудничество по обмену передовым опытом в области биоразнообразия.

Крупным вкладом Исполнительного секретаря в осуществление обязательств Сторон КБР по ст. 16 и 18 стал обзор положений дел с осуществлением решений Конференций Сторон и рекомендаций ВОНТТК о передаче технологии и технологическом сотрудничестве [16]. В данном документе Исполнительный секретарь выявил пробелы и недостатки в практике разработки и передачи технологии. В частности, установлено, что в большинстве государств отсутствует работа по инвентаризации технологии, предназначенных для сохранения и устойчивого использования биоразнообразия, а в развивающихся странах по причине недостатка финансирования существуют проблемы с проведением оценки технологических потребностей.

Важным событием стало представление Исполнительным секретарем доклада одиннадцатому совещанию Конференции Сторон о результатах передачи технологии и осуществления технологического сотрудничества [14]. В качестве основного пробела была выявлена недостаточная ресурсная обеспеченность Механизма посредничества. Параллельно с этим было уставлено, что функционирующие глобальные сети технологии и тех-

нологических знаний также не сфокусированы на технологиях, значимых для достижения целей КБР. Более детальный анализ инициатив и одновременно существующих пробелов осуществлен в специальном докладе Исполнительного секретаря, который был представлен одиннадцатому совещанию [1].

Деятельность конвенционных структур тесно связана с программно-стратегическими инструментами в рамках конвенционного процесса КБР, которые являются базой для координации сотрудничества по имплементации соответствующих обязательств. Среди таких конвенционных инструментов – Программа работы по передаче технологии и научно-техническому сотрудничеству. Она была утверждена решением VII/29 «Передача технологии и технологическое сотрудничество (ст. 16–19)». Программа предполагает превращение передачи технологии из спорадического явления в хорошо институционализированный процесс, предполагающий, во-первых, передачу именно экологически безопасных технологии, а во-вторых, исходящий из конкретных потребностей стран. Достоинством Программы является то, что в ней повышенное внимание уделяется потенциалу местных технологии и их развитию, а также активной роли коренных и местных общин.

В целях ее эффективного осуществления Специальная группа по передаче технологии разработала Стратегию практической реализации Программы [8]. Интересно отметить, что данная Стратегия выступает в качестве предварительной основы конкретных действий, предпринимаемых как Сторонами Конвенции, так и международными организациями. В ней продумывается вопрос о дополнении международных и национальных обязательств возможным перечнем добровольных способов и средств, которые предназначены для разработки и проведения последовательного и устойчивого подхода к передаче технологии и научно-техническому сотрудничеству.

В рамках конвенционного научно-технического сотрудничества заявляет о себе тенденция к созданию инструментов неконвенционного характера. Например, в п. 15 решения 8/12 Исполнительному секретарю было поручено проработать вопрос относительно раз-

работки Технологической инициативы в области биоразнообразия с учетом опыта Технологической инициативы в сфере изменения климата. В качестве принципиальных основ этого формирующегося механизмы выступает четкая ориентация на технологические потребности, в том числе на указанные странами-получателями новые технологии.

В качестве конкретизации данной инициативы можно выделить инициативу Био-мост (Bio-Bridge Initiative (BBI)). Она была запущена Правительством Республики Корея в 2014 г. в рамках одиннадцатого совещания Конференции Сторон. Цель – расширение научного сотрудничества и передача технологии в рамках конвенционного сотрудничества с расчетом на поддержку эффективной реализации Стратегического плана конвенции и Айтинских задач. Начальная фаза данной инициативы фокусировалась на учреждении необходимой институциональной структуры и механизма для поддержки научно-технического сотрудничества и передачи технологии, поиске партнеров, подготовке проекта плана действий 2017–2020 гг. и поддержке нескольких пилотных проектов научно-технологического сотрудничества [2].

Мы специально остановились на данных инициативах с тем, чтобы обосновать подход, который проводит Конференция Сторон КБР, а именно – выявление пробелов и устранение дублирования в рамках самого широкого международного сотрудничества в сфере передачи технологии, предусматриваемой Конвенцией. С этой целью реализуется официальная открытость конвенционного процесса в рамках КБР другим инициативам конвенционного и неконвенционного характера. В первом случае это сотрудничество с Группой экспертов по передаче технологии РКИК ООН. Во втором – сотрудничество органов и структур КБР в сфере облегчения передачи технологии с ЮНЕП, ЮНЕСКО, ПРООН и др. международными организациями.

Заключение

Значение деятельности конвенционных органов КБР заключается в разработке и проведении комплексного подхода к передаче технологии в его составе с точки зрения за-

щиты прав интеллектуальной собственности, финансирования, формирования потенциала и т. д. Одновременно с этим передача технологии рассматривается в широком контексте остальных форм международного научно-технологического сотрудничества, например, совместных НИОКР, а также в контексте форм, смежных по отношению к передаче, таких как формирование потенциала и финансирование. Общая установка рассмотренных конвенционных органов заключается в расширении технологического сотрудничества путем его дальнейшей институционализации и устранения моментов дублирования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-03-00400-ОГН «Международно-правовое регулирование передачи технологии в контексте глобальной стратегии устойчивого развития: состояние и перспективы»).

The work was funded by RFBR (project No. 17-03-00400-OGN “International legal regulation of technology transfer in the context of the global strategy of sustainable development: status and prospects”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Activities that support technology transfer and scientific and technological cooperation of relevance to the Convention // UNEP/CBD/COP/DEC/11/INF/9 (21 September 2012). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-11/information/cop-11-inf-09-en.pdf> (date of access: 04.08.2019).

2. Bio-Bridge Initiative Action plan 2017-2020 and Report on progress towards the implementation of the Initiative. Note by Executive Secretary // UNEP/CBD/COP/13/INF/21 (25 November 2016). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-13/information/cop-13-inf-21-en.pdf> (date of access: 13.08.2019).

3. Decision of the Conference of Parties of CBD 10/15 «Scientific and technical cooperation and the Clearing-house mechanism». Annex: Mission, goals and objectives of the Clearing-house mechanism for the period 2011–2020 // UNEP/CBD/COP/DEC/X/15 (29 October 2010). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-10/cop-10-dec-15-en.pdf> (date of access: 28.08.2019).

4. Decision of the Conference of Parties of CBD 12/2 «Review of progress in providing support in implementing the objectives of the Convention and the Strategic Plan for Biodiversity 2011 – 2020, and enhancement of capacity-building, technical and scientific cooperation and other initiatives to assist implementation». Sec. B // UNEP/CBD/COP/DEC/XII/2 (17 October 2014). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-12/cop-12-dec-02-en.pdf> (date of access: 17.08.2019).

5. Decision of the Conference of Parties of CBD 2/4 «Ways and means to promote and facilitate access to, and transfer and development of technology» // UNEP/CBD/COP/DEC/2/19 (30 November 1995). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-02/full/cop-02-dec-en.pdf> (date of access: 15.08.2019).

6. Decision of the Conference of Parties of CBD 6/26 «Strategic plan for the Convention». Annex // UNEP/CBD/DEC/VI/26 (22 May 2002). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-6/cop-06-dec-26-en.pdf> (date of access: 23.08.2019).

7. Decision of the Conference of Parties of CBD 8/12 «Technology transfer and cooperation (Articles 16 to 19)» // UNEP/CBD/DEC/VIII/12 (15 June 2006). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-08/full/cop-08-dec-en.pdf> (date of access: 05.09.2019).

8. Decision of the Conference of Parties of CBD 9/14 «Technology transfer and cooperation». Annex: Strategy for the practical implementation of the Programme of work on technology transfer and scientific and technological cooperation // UNEP/CBD/COP/DEC/IX/14 (25 July 2008). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-09/cop-09-dec-14-en.pdf> (date of access: 14.08.2019).

9. Decision of the Conference of Parties of CBD VII/29 «Transfer of technology and technology cooperation (Articles 16 to 19)» // UNEP/CBD/DEC/VII/29 (13 April 2004). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-07/full/cop-07-dec-en.pdf> (date of access: 20.08.2019).

10. Decision of the Conference of Parties of CBD XIII/23 «Capacity-building, technical and scientific cooperation, technology transfer and the Clearing-house mechanism» // UNEP/CBD/COP/DEC/XIII/23 (16 December 2016). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-13/cop-13-dec-23-en.pdf> (date of access: 25.08.2019).

11. Gillespie, A. Conservation, Biodiversity and International Law / A. Gillespie. – Cheltenham ; Northampton : Edward Elgar Publishing, 2013. – 624 p.

12. Herdegen, M. The International Law of Biotechnology: Human Rights, Trade, Patens, Health

and the Environment / M. Herdegen. – Cheltenham ; Northampton : Edward Elgar Publishing, 2018. – 208 p.

13. Progress report on technical and scientific cooperation (Note by the Executive Secretary). Annex 1 «Bio-Bridge Initiative Demonstration Projects» // CBD/COP/14/INF/23 (2 November 2018). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/c/866b/7c3d/e2f43333e018ad89a0b7ab50/cop-14-inf-23-en.pdf> (date of access: 17.08.2019).

14. Progress report on technology transfer and cooperation (articles 16 to 19) // UNEP/CBD/COP/DEC/11/13/Add.1 (21 июня 2012). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-11/official/cop-11-13-add1-en.pdf> (date of access: 03.09.2019).

15. Progress Report on the Clearing-House Mechanism. Note by the Executive Secretary // UNEP/CBD/COP/13/INF/15 (3 November 2016). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-13/information/cop-13-inf-15-en.pdf> (date of access: 13.08.2019).

16. Review of status of implementation of decisions on technology transfer and cooperation. Note by the Executive Secretary // UNEP/CBD/SBSTTA/9/7/Add.2 (20 August 2003). – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/doc/meetings/sbsta/sbsta-09/official/sbsta-09-07-add2-en.pdf> (date of access: 30.08.2019).

17. SBSTTA 8 Recommendation 8/1 «Mountain biodiversity». Ch. B «Indicative list of technologies». – Electronic data. – Mode of access: <https://www.cbd.int/recommendation/sbsta/default.shtml?id=7054> (date of access: 02.02.2019).

REFERENCES

1. Activities that support technology transfer and scientific and technological cooperation of relevance to the Convention. *UNEP/CBD/COP/DEC/11/INF/9* (21 September 2012). URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-11/information/cop-11-inf-09-en.pdf> (accessed 04 August 2019).

2. Bio-Bridge Initiative Action plan 2017-2020 and Report on progress towards the implementation of the Initiative. Note by Executive Secretary. *UNEP/CBD/COP/13/INF/21* (25 November 2016). URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-13/information/cop-13-inf-21-en.pdf> (accessed 13 August 2019).

3. Decision of the Conference of Parties of CBD 10/15 “Scientific and technical cooperation and the Clearing-house mechanism”. Annex: Mission, goals and objectives of the Clearing-house mechanism for the period 2011–2020. *UNEP/CBD/COP/DEC/X/15* (28 August 2019). URL: <https://www.cbd.int/doc/>

[decisions/cop-10/cop-10-dec-15-en.pdf](https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-10/cop-10-dec-15-en.pdf) (accessed 28 August 2019).

4. Decision of the Conference of Parties of CBD 12/2 “Review of progress in providing support in implementing the objectives of the Convention and the Strategic Plan for Biodiversity 2011 – 2020, and enhancement of capacity-building, technical and scientific cooperation and other initiatives to assist implementation”. Sec. B. *UNEP/CBD/COP/DEC/XII/2* (17 October 2014). URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-12/cop-12-dec-02-en.pdf> (accessed 17 August 2019).

5. Decision of the Conference of Parties of CBD 2/4 “Ways and means to promote and facilitate access to, and transfer and development of technology” *UNEP/CBD/COP/DEC/2/19* (30 November 1995). URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-02/full/cop-02-dec-en.pdf> (accessed 15 August 2019).

6. Decision of the Conference of Parties of CBD 6/26 “Strategic plan for the Convention”. *UNEP/CBD/DEC/VI/26* (22 May 2002). URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-6/cop-06-dec-26-en.pdf> (accessed 23 August 2019).

7. Decision of the Conference of Parties of CBD 8/12 “Technology transfer and cooperation (Articles 16 to 19)”. *UNEP/CBD/DEC/VIII/12* (15 June 2006). URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-08/full/cop-08-dec-en.pdf> (accessed 05 September 2019).

8. Decision of the Conference of Parties of CBD 9/14 “Technology transfer and cooperation”. Annex: Strategy for the practical implementation of the Programme of work on technology transfer and scientific and technological cooperation. *UNEP/CBD/COP/DEC/IX/14* (25 July 2008). URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-09/cop-09-dec-14-en.pdf> (accessed 14 August 2019).

9. Decision of the Conference of Parties of CBD VII/29 “Transfer of technology and technology cooperation (Articles 16 to 19)”. *UNEP/CBD/DEC/VII/29* (13 April 2004). URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-07/full/cop-07-dec-en.pdf> (accessed 20 August 2019).

10. Decision of the Conference of Parties of CBD XIII/23 “Capacity-building, technical and scientific cooperation, technology transfer and the Clearing-house mechanism”. *UNEP/CBD/COP/DEC/XIII/23* (16 December 2016). URL: <https://www.cbd.int/doc/decisions/cop-13/cop-13-dec-23-en.pdf> (accessed 25 August 2019).

11. Gillespie A. *Conservation, Biodiversity and International Law*. Cheltenham; Northampton, Edward Elgar Publishing, 2013. 624 p.

12. Herdegen M. *The International Law of Biotechnology: Human Rights, Trade, Patents, Health and the Environment*. Cheltenham; Northampton, Edward Elgar Publishing, 2018. 208 p.

13. Progress report on technical and scientific cooperation (Note by the Executive Secretary). Annex 1 “Bio-Bridge Initiative Demonstration Projects”. *CBD/COP/14/INF/23* (2 November 2018). URL: <https://www.cbd.int/doc/c/866b/7c3d/e2f43333e018ad89a0b7ab50/cop-14-inf-23-en.pdf> (accessed 17 August 2019).

14. Progress report on technology transfer and cooperation (articles 16 to 19). *UNEP/CBD/COP/DEC/11/13/Add.1* (21 June 2012). URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-11/official/cop-11-13-add1-en.pdf> (accessed 03 September 2019).

15. Progress Report on the Clearing-House Mechanism. Note by the Executive Secretary. *UNEP/*

CBD/COP/13/INF/15 (3 November 2016). URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/cop/cop-13/information/cop-13-inf-15-en.pdf> (accessed 13 August 2019).

16. Review of status of implementation of decisions on technology transfer and cooperation. Note by the Executive Secretary. *UNEP/CBD/SBSTTA/9/7/Add.2* (20 August 2003). URL: <https://www.cbd.int/doc/meetings/sbsta/sbstta-09/official/sbstta-09-07-add2-en.pdf> (accessed 30 August 2019).

17. *SBSTTA 8 Recommendation 8/1 “Mountain biodiversity”*. Ch. B “Indicative list of technologies”. URL: <https://www.cbd.int/recommendation/sbstta/default.shtml?id=7054> (accessed 02 February 2019).

Information about the Author

Mark V. Shugurov, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of International Law, Saratov State Law Academy, Volskaya St., 1, 410056 Saratov, Russian Federation, shugurovs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3604-3961>

Информация об авторе

Марк Владимирович Шугуров, доктор философских наук, профессор кафедры международного права, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, shugurovs@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3604-3961>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.3>

UDC 340.1
LBC 67.0

Submitted: 06.09.2019
Accepted: 02.10.2019

LEGAL PROBLEMS OF DIGITALIZATION: THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS¹

Yana V. Gaivoronskaya

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Olga I. Miroshnichenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Introduction: digitalization is an interdisciplinary problem, but the degree of its mediation by specialists in different fields varies significantly. The modern legal studies of digitalization are often haphazard and superficial. Lawyers are clearly lagging behind modern trends, which can create a number of serious problems in terms of the legal regulation and loss of humanitarian and legal values accumulated by humanity. This situation really creates a number of serious threats to the legal regulation, because technologies are developing, the number of rules associated with their use is increasing, and these rules are written by the experts in the field of digital economy and IT-technologies. The **purpose** of the study: to summarize the main theoretical and legal problems arising from the widespread introduction of digital technologies in the legal regulation and legal activity. Research **objectives:** to define the concept of digitalization; to consider the main trends of scientific research on issues related to the large-scale spread of digitalization and artificial intelligence technologies; to identify and formulate the main problems of doctrinal and theoretical plan discussed by the legal community in the context of digitalization; to determine the limits of the real impact of new technologies on the social regulation. **Methods:** the system, structural and functional ones, the methods of analysis and synthesis, expert evaluation. **Results:** the paper systematizes the main problems of digitalization that concern modern lawyers. The problems of digitalization are divided into general social ones, concerning threats to the development of society as a whole, and special legal ones, concerning the actual change of the legal regulation and law in the era of digitalization. **Conclusions:** it is not technologies that need the legal regulation, but the relations with the use of technologies do. As for the “horror stories” about AI and total digitalization, most of the problems lie in the sphere of natural intelligence, not artificial one, in the sense that it is necessary to regulate the actions of natural intelligence carriers in the design of artificial intelligence.

Key words: digitalization, artificial intelligence, digitalization of law, legal regulation, free will, social regulation, essence of law, law.

Citation. Gaivoronskaya Ya. V., Miroshnichenko O. I. Legal Problems of Digitalization: Theoretical and Legal Aspects. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 27-34. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.3>

УДК 340.1
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 06.09.2019
Дата принятия статьи: 02.10.2019

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ¹

Яна Владимировна Гайворонская

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Ольга Игоревна Мирошниченко

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Введение: цифровизация – междисциплинарная проблема, но степень ее опосредования специалистами разных сфер существенно различается. Современные юридические исследования цифровизации часто гре-

шат бессистемностью и поверхностностью. Юристы явно отстают от современных трендов, что может создать ряд серьезных проблем в плане правового регулирования и утраты накопленных человечеством гуманитарных и правовых ценностей. Такая ситуация действительно создает ряд серьезных угроз правовому регулированию, ведь технологии развиваются, количество правил, связанных с их использованием, увеличивается, а написаны эти правила специалистами в сфере цифровой экономики и IT-технологий. **Цель исследования:** обобщить основные теоретико-правовые проблемы, возникающие при широком внедрении цифровых технологий в правовое регулирование и юридическую деятельность. **Задачи исследования:** определить понятие цифровизации; рассмотреть основные тенденции научных исследований по вопросам, связанным с масштабным распространением цифровизации и технологий искусственного интеллекта; выявить и сформулировать основные проблемы доктринального и теоретического плана, обсуждаемые юридической общественностью в контексте цифровизации; определить пределы реального влияния новых технологий на социальное регулирование. **Методы:** системный, структурно-функциональный, методы анализа и синтеза, экспертной оценки. **Результаты:** в статье систематизированы основные проблемы цифровизации, волнующие современных юристов. Проблемы цифровизации разделяются на общесоциальные, касающиеся угроз развития общества в целом, и специально-юридические, касающиеся собственно изменения правового регулирования и права в эпоху цифровизации. **Выводы:** в правовом регулировании нуждаются не технологии, а отношения с использованием технологий. А что касается «страшилок» про ИИ и тотальную цифровизацию, то большая часть проблем лежит в сфере естественного интеллекта, а не искусственного. В том смысле, что регулировать надо действия носителей естественного интеллекта при проектировании интеллекта искусственного.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, диджитализация права, правовое регулирование, свобода воли, социальное регулирование, сущность права, право.

Цитирование. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 27–34. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.3>

Введение

Цифровизация – междисциплинарная проблема, но степень ее опосредования специалистами разных сфер существенно различается. Современные юридические исследования цифровизации часто грешат бессистемностью и поверхностностью. Правила игры в современном технологичном мире устанавливаются не юристы, юристы вынуждены приспосабливаться к экономическим законам. С одной стороны, это естественно, с другой – имеет место существенное отставание юридических исследований от уровня развития технологий, что не позволяет юристам влиять на происходящие процессы. Значительное количество дискуссионных вопросов современности (например, о принципиальном изменении права или его вытеснении другими регуляторами, о роботизированном правотворчестве и правосудии) ставится не юристами, а аргументация демонстрирует отсутствие специальных правовых знаний и весьма схематичные, на уровне бытового правосознания, представления о правовом регулировании. Такая ситуация действительно создает ряд серьезных

угроз правовому регулированию, ведь технологии развиваются, количество правил, связанных с их использованием, увеличивается, а написаны эти правила специалистами в сфере цифровой экономики и IT-технологий.

О понятии цифровизации

Изначально цифровизация приходит из сферы цифровой экономики как средство повышения эффективности производства и экономики в целом за счет преобразования информации в цифровую форму. Да и сейчас основные потребители цифровизации – это крупный бизнес и наукоемкое производство. Цифровизация пришла на смену автоматизации, компьютеризации, информатизации, позволяя решать несоизмеримо более сложные задачи и в больших масштабах.

Специалисты выделяют цифровизацию в широком и в узком смысле. В узком смысле цифровизация означает перевод информации в цифровую форму. Цифровизация в широком смысле – это современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании в цифровую форму и

приводит к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни [6, с. 47].

По нашему мнению, применительно к гуманитарным исследованиям на сегодняшний день можно выделить три значения, в которых используется термин «цифровизация»:

- переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую;
- «оцифровывание информации», перевод информации в цифровой формат для последующего хранения, распространения и использования;
- широкий комплекс экономических, управленческих, социальных процессов, связанных с использованием и широким распространением собственно цифровых, компьютерных, информационных, электронных и сетевых (телекоммуникационных) технологий, систем искусственного интеллекта в современной жизни.

Когда говорят об угрозах и рисках цифровизации, а также о вызываемых ею социальных проблемах, имеют в виду цифровизацию в широком смысле, в последнем из приведенных контекстов.

Право и цифровизация

Сама идея статьи родилась на VI Московском юридическом форуме (4–6 апреля 2019 г.), при прослушивании докладов участников некоторых секций [7]. В принципе, обзор тематики выступлений форума дает, по нашему мнению, неплохое представление об основных проблемах, выделяемых юристами при анализе вопросов влияния цифровизации и искусственного интеллекта на развитие правовой материи. Кроме этого, этот обзор во многом совпадает с тематикой научных публикаций последних лет по интересующему нас вопросу.

Оценивая направленность юридических исследований в сфере цифровизации и распространения искусственного интеллекта, можно выделить две противоположные тенденции. Во-первых, это попытка отреагировать имеющимися правовыми средствами на широкое распространение отдельных технологий, то есть урегулировать уже формирующиеся / сформировавшиеся экономические отношения или технические новинки. Эта тенденция характерна как для частного-правовых [4, с. 23–

31], так и для публично-правовых [1, 78–88], и для комплексных междисциплинарных [3, с. 89–95] исследований по цифровизации. Во-вторых, это прогнозирование рисков и проблем цифровизации применительно к обществу развитых технологий будущего. Такие исследования имеют общий, теоретико-правовой или междисциплинарный характер и часто напоминают научную фантастику. Именно в работах такого плана рассуждают о правосубъектности, правах и свободах роботов, необходимости альтернативных регуляторов для отношений людей и не-людей, вытеснении людей роботами с рынка труда и об искусственном погружении большей части населения в виртуальный гейминг, заменяющий людям будущего социальную жизнь.

В рамках данной работы мы хотим дать обзор исследованиям такого рода, выделить основные группы проблем цифровизации в части ее взаимодействия с правом и социальным регулированием.

Итак, проблемное поле цифровизации через призму юридической профессии выглядит следующим образом. Прежде всего, все проблемы, волнующие юристов в связи с цифровизацией юридической деятельности и правового регулирования, распространением систем искусственного интеллекта, по тематике и сфере исследуемых отношений можно разделить на две группы: общесоциальные и специально-юридические проблемы. «Цифровые технологии» в данном случае – достаточно условный обобщающий термин, произнося который, мы предполагаем использование в правовом регулировании компьютерных, информационных, сетевых, электронных, телекоммуникационных технологий, систем искусственного интеллекта, информации в цифровой форме и т. д.

К «специально-юридическим» (внутри-правовым) проблемам относятся:

- проблема свободы воли;
- проблема исключенности юристов из сферы формирования нового порядка;
- проблема социальности правового регулирования;
- проблема формирования альтернативных регуляторов.

Общесоциальные проблемы цифровизации, в свою очередь, можно разделить на со-

циальные и экономические. К социальным угрозам цифровизации относятся: безработица; принципиальное изменение рынка труда и социальной архитектуры в целом; выраженное и стремительное расслоение общества (экономическое, интеллектуальное, в перспективе – физическое, генетическое, что связано с доступностью новейших медицинских технологий обеспеченным слоям населения); деградация человечества (связанная со снижением стимулов к саморазвитию в условиях обеспечения основных физических потребностей и комфорта за счет автоматизации труда и быта, а также порожденная снижением качества образования и потерей необходимости в активном интеллектуальном развитии); исключенность из социального контекста (за счет потери имеющихся социальных институтов, связанных с необходимостью обязательного труда); потеря смысла в высшем и/или профессиональном образовании. Социальные проблемы плавно переходят в комплекс биоэтических проблем, которые в целом тоже имеют социальный характер. Здесь можно указать на следующие вопросы / угрозы. Во-первых, юристов и философов интересует вопрос о том, кто является носителем прав человека. Распространяемы ли они на цифровые сущности? Во-вторых, сетевое общество, информационное общество – это абсолютно контролируемое общество, общество несвободы, что является естественным результатом развития технологий сбора и обработки информации. Высокотехнологичная версия крепостного права, по словам одного из докладчиков Московского юридического форума. «Программируемое общество» – термин В.В. Лазарева, предлагаемый взамен используемых сейчас «постиндустриальное общество», «информационное общество». В-третьих, прогнозируемой реальностью тотальной цифровизации (включая развитие искусственного интеллекта) становится массовая «паразитация» человечества, утрата человеческой природы.

Экономические проблемы связаны с футуристическими прогнозами принципиального изменения экономических отношений в результате всеобъемлющей цифровизации и, как следствие, изменения социального строя. Например, в соответствии с одним из прогно-

зов, богатый человек будущего – это просто человек, имеющий работу. Другой прогноз прочит «программируемому обществу» возврат к советской модели экономики, одной из задач которой было предоставлять людям занятость, а не обеспечивать экономическую эффективность производственных процессов.

Остановимся подробнее на некоторых специально-юридических проблемах цифровизации.

Проблема свободы воли объединяет в себе следующие вопросы, волнующие юристов в связи с цифровизацией юридической деятельности и правового регулирования, распространением систем искусственного интеллекта:

- правосубъектность цифровых сущностей;
- свобода выбора поведения: подмена свободной воли субъекта права волей оператора (программиста, создателя оболочки, матрицы выбора);
- вопросы ответственности (можно ли говорить о юридической / иной ответственности сущности, не обладающей свободой воли?);
- природа человека, сущность человека, критерий различения субъекта и объекта в праве.

Свобода воли, возможность выбора варианта поведения относятся, с точки зрения ряда концепций правопонимания, к сущностным характеристикам права. По мнению А.А. Иванова, заведующего кафедрой гражданского и предпринимательского права НИУ «Высшая школа экономики», «...полная машинизация права невозможна до тех пор, пока сохраняется человеческое общество, в котором люди наделены свободой воли и могут действовать нелогично или против правил», «призывать к машинизации права – значит требовать уничтожения этого общества и перехода к цивилизации машин». Свободная воля человека, как пишет А.А. Иванов, является той главной внутренней причиной, которая препятствует машинизации права. «Жизнь многогранна и постоянно взламывает стабильные нормы, которые перестают соответствовать потребностям людей. А люди, в свою очередь, начинают их обходить, искать новые пути удовлетворения своих интересов. <...> ...порой девиантное (отклоня-

ющеся) поведение полезно обществу и соответствует природе человека. А механизировать такое поведение принципиально нельзя» [2]. С этими рассуждениями хочется согласиться.

Специально-юридические проблемы цифровизации взаимосвязаны. Проблемы свободы воли, альтернативных социальных регуляторов, социального характера права переплетаются, их обособление нами в качестве самостоятельной тематики достаточно условно. Например, проблема социальности правового регулирования включает в себя следующие вопросы, требующие мировоззренческого и теоретико-правового анализа:

- Что есть человек?
- Что есть социум?
- Кто есть субъект и что есть объект правового регулирования?

Изначально право – социальное по своей природе явление, что предполагает, что оно регулирует отношения между людьми. Потенциально возможное распространение сильного искусственного интеллекта заставляет ученых заново пересмотреть это признак и определиться с ответом на вопрос: отношения между кем и кем будет регулировать право будущего? Например, одним из прогнозов является противопоставление права людей и права вещей, а также сужение сферы правового регулирования: регулирование правом отношений типа «Человек – Человек» и регулирование НЕ-правом отношений типа «Человек – Нечеловек» и «Нечеловек – Нечеловек».

С проблемой социальности права связана и проблема альтернативных регуляторов в цифровом обществе. Футурологические изыскания на правовом поле подводят к выводу о том, что в будущем право будет не универсальным, не доминирующим и отнюдь не самым перспективным правовым регулятором. А вот детали этого прогноза сумбурны. Чаще всего можно слышать о противопоставлении права и программного кода и о вытеснении права последним. Кроме этого, альтернативой универсальности правового регулирования может стать уже упомянутое нами разделение на право людей и право вещей. Надо полагать, с разными правовыми режимами. Еще одной прогнозируемой альтернативой является замена правового регу-

лирования (в привычном юристам современном понимании) программированием социальной реальности.

Представляется, что одной из проблем таких прогнозов является непонимание специфики предмета, нехватка специальных знаний: инженерам – о праве, юристам – о технологиях. Например, если рассматривать программный код просто как средство фиксации и трансляции информации в специфической форме, то непонятно, что принципиально изменится от того, каким способом (в какой форме, на каком языке и в какой системе символов) мы будем фиксировать одни и те же правила поведения? Но если под программным кодом иметь в виду алгоритмы, выбираемые искусственным интеллектом при принятии решений, то проблема выглядит совсем по-другому. Сергей Никитин, менеджер по продукту «Газинформсервис», считает наиболее актуальным в плане информационной безопасности вопрос доверия к разработчикам аналитических систем, в том числе на основе ИИ. «ИИ предназначен для помощи в принятии решений на основании обработки больших объемов данных, но мы не всегда знаем, какие алгоритмы в него заложены создателями, насколько они корректны, – сказал С. Никитин в своем выступлении на V Digital City Forum РБК. – А ведь от этого зависит результат, который выдаст система» (цит. по: [1]).

Моделирование правовой реальности – опасная тенденция, при которой воля общества, индивида и социальные закономерности заменяются волей разработчика программы, волей создателя цифрового кода. Перевод правовой материи в алгоритмы поведения машин осуществляют не юристы, поэтому итоговый функционал программной оболочки будет существенно отличаться от первоначального «духа закона», причем в сторону упрощения и обеднения вариантов. На программу нельзя пожаловаться, высказать претензии. Это лишает человека свободы воли и выбора, человек остается в рамках выборов, заложенных волей создателей оболочки. Такая ситуация гипертрофирует субъективный фактор в социальном регулировании и заменяет социальное регулирование (в современном научном понимании) программированием, механистическим моделированием реально-

сти. К социальной реальности начинают применяться технологии гейминга, моделирования игровой реальности, где функционал субъектов (игроков) четко определен и весьма ограничен по сравнению с многогранностью человеческой природы. Свобода воли подменяется ролевым функционалом.

Требования к цифровому праву и инновационному правовому регулированию вообще вырабатываются не юристами и часто без юристов. В этих условиях очень легко выплеснуть с водой и младенца: многовековой ценностно-регулятивный багаж юриспруденции может оказаться отброшенным просто в угоду очарованию прогресса, а также потому, что определяют контуры регулирования люди с обыденным правосознанием, специалисты-техники, склонные уравнивать регулирование поведения и программные алгоритмы и игнорировать этический, аксиологический и социокультурный подтекст права.

Еще одной проблемой юридической футурологии в контексте цифровизации является, как нам кажется, увлечение новизной и прогрессивностью цифровизации как явления. Это заставляет искать и видеть принципиальные изменения там, где их нет. Для примера приведем еще один вариант альтернативных регуляторов будущего. В докладе Т.Я. Хабриевой, директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, на VI Московском юридическом форуме [7] в качестве одного из вариантов была представлена разработка института, названная модульным регулированием. Модуль включает в себя следующие элементы:

- международно-правовые стандарты;
- законы и подзаконные акты;
- акты толкования международных стандартов и национального законодательства;
- акты технического регулирования;
- иные социальные регуляторы (этика, обычаи, корпоративные нормы).

Сама идея комплексного модульного регулирования в условиях конвергенции технологий логична и перспективна. Но состав модуля вызывает сомнения, он сформирован механистически, на базе неочевидного критерия. Во-первых, такое искусственное объединения сущностно-разных элементов в одно целое противоречит научной методологии. Во-

вторых, сами элементы модуля чего-то принципиально нового в теорию регулирования не приносят, все перечисленное охватывается уже известными категориями системы нормативного регулирования, элементом которой, в свою очередь, является право, выражающееся в различных источниках. Иными словами, заявляемая новизна модульного регулирования для условий технологической революции выглядит невнятно.

Выше мы говорили о двух тенденциях изучения проблем цифровизации на современном этапе: отраслевое исследование отдельных технологий с предложениями по точечному реформированию имеющегося законодательства, с одной стороны, и философско-умозрительное, этико-ориентированное прогнозирование рисков и угроз изменения регулятивного контекста под влиянием цифровизации – с другой. В этих двух крайностях не хватает середины: концептуальной, комплексной теоретико-правовой разработки моделей правового регулирования и правотворчества для высокотехнологичного общества. Нет ничего более практичного, чем хорошая теория. Право высоких технологий надо не только понимать как правоприменительную деятельность, но и рассматривать его с концептуальных и доктринальных позиций.

Цифровизация – междисциплинарная проблема, и прогностическое изучение ее, в том числе с точки зрения угроз в отдаленной перспективе, необходимо. Однако пока теоретики права и отраслевые с воодушевлением обсуждают проблемы потенциальной правосубъектности роботов (что само по себе дело нужное), в мире параллельно формируется правовое регулирование, техническое регулирование, которое создается неюристами, спорадически и без концептуальной разработки.

Выводы

Очевидно, задачей на перспективу для ученых-юристов является создание превентивного правового регулирования, не допускающего распространения цифровых технологий и автоматизации в сферы, где решаются судьбы людей. Ближайшими задачами являются исследования рисков широкого распространения цифровых технологий в разных сферах

общественной жизни. «Можно ли это автоматизировать?» и «Нужно ли это автоматизировать?» – два разных вопроса, ответы на которые могут помочь найти баланс между технологическим прогрессом и социальной стабильностью. Аналогичные вопросы нужно задать себе и по отношению к цифровизации.

Права те, кто говорит, что не надо регулировать прогресс. В правовом регулировании нуждаются не технологии, а отношения с использованием технологий. А что касается страшилок про ИИ и тотальную цифровизацию, то большая часть проблем лежит в сфере естественного интеллекта, а не искусственного. В том смысле, что регулировать надо действия носителей естественного интеллекта при проектировании интеллекта искусственного. А при таком взгляде на вопрос право остается востребованным регулятором с высоким регулятивным потенциалом, а необходимость неких принципиально иных регуляторов поведения оказывается спорной.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

The research was funded by RFBR, research project No. 18-29-16129.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Журавлева, А. Опасности цифровизации или цифровизация в опасности : [Обзор круглого стола в рамках V Digital City Forum РБК (Материалы подготовлены редакцией партнерских проектов РБК+)] / А. Журавлева // Digital Forum РБК. – Вып. № 5, 25 июня [2019 г.]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://spb.plus.rbc.ru/news/5cb448c57a8aa90a3814c68e>. – Загл. с экрана.

2. Иванов, А. А. О глубине механизации права / А. А. Иванов // Закон. – 2018. – № 5. – С. 35–41. – Электрон. текстовые дан. – Доступ из справ.-правовой сист. «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.07.2019).

3. Информационная безопасность России в цифровой экономике: экономические и правовые аспекты / Е. Е. Фролова, Т. А. Полякова, М. Н. Дудин, Е. П. Русакова, П. А. Кучеренко // Journal of advanced research in law and economics. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 89–95.

4. Иншакова, А. О. Цифровые технологии альтернативных методов разрешения споров: зарубежная практика и перспективы применения в России / А. О. Иншакова, Ю. А. Тымчук // Право и управление. XXI век. – 2018. – № 1 (46). – С. 23–31.

5. Снижение киберрисков в сфере электронных платежей: организационно-правовые меры / М. Н. Дудин, В. Н. Заско, Е. Е. Фролова, Н. Г. Павлова, Е. П. Русакова // Journal of advanced research in law and economics. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 78–88.

6. Халин, В. Г. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В. Г. Халин, Г. В. Чернова // Управленческое консультирование. – 2018. – № 10. – С. 46–63.

7. XVI Международная научно-практическая конференция «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции» (Кутафинские чтения) : материалы конференции. Ч. 1 / ред. совет: В. Н. Синюков, А. В. Корнев, С. В. Липень, С. М. Зубарева [и др.]. – М. : Проспект, 2019. – 408 с.

REFERENCES

1. Zhuravleva A. Opasnosti tsifrovizatsii ili tsifrovizatsiya v opasnosti. Obzor kruglogo stola v ramkax V Digital City Forum RBK [The Dangers of Digitalization or Digitization is in Danger. Overview of the Round Table in the Framework of the V Digital City Forum RBC] (Materials prepared by the editorial staff of the partner projects, RBC+). *Digital Forum RBC*, Iss. 5, June 25, 2019. URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/5cb448c57a8aa90a3814c68e>.

2. Ivanov A. A. O glubine mashinizatsii prava [On the Depth of Mechanization of Law]. *Zakon [Law]*, 2018. no. 5, pp. 35-41. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus” (accessed 11 July 2019).

3. Frolova E.E., Polyakova T.A., Dudin M.N., Rusakova E.P., Kucherenko P.A. Informatsionnaya bezopasnost Rossii v tsifrovoy ekonomike: ekonomicheskiye i pravovye aspekty [Information Security of Russia in the Digital Economy: The Economic and Legal Aspects]. *Journal of advanced research in law and economics*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 89-95.

4. Inshakova A.O., Tymchuk Yu.A. Tsyfrovye tekhnologii alternativnykh metodov razresheniya sporov: zarubezhnaya praktika i perspektivy primeneniya v Rossii [Digital Technology Alternative Dispute Resolution: Foreign Practice and Prospects of Application in Russia]. *Pravo i upravleniye [Law and Management. Twenty-First Century]*, 2018, no. 1 (46), pp. 23-31.

5. Dudin M.N., Zasko V.N., Frolova E.E., Pavlova N.G., Rusakova E.P. Snizhenie kiberriskov v sfere elektronnykh platezhey: organizatsionno-

pravovye mery [Mitigation of Cyber Risks in the Field of Electronic Payments: Organizational and Legal Measures]. *Journal of advanced research in law and economics*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 78-88.

6. Khalin V. G., Chernova G. V. Tsifrovizatsiya i ee vliyaniye na rossiyskuyu ekonomiku i obshchestvo: preimushchestva, vyzovy, ugrozy i riski [Digitalization and Its Impact on Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management Consulting], 2018, no. 10, pp. 46-63.

7. Sinyukov V.N. , Kornev A.V. , Lipen S.V., Zubareva S.M. et al., eds. XVI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Rossiyskaya pravovaya sistema v usloviyakh chetvertoy promyshlennoy revolyutsii» (Kutafinskije chteniya): materialy konferentsii. Ch. 1 [16th International Scientific and Practical Conference “Russian Legal System in the Conditions of the Fourth Industrial Revolution” (Kutafin Readings). Conference Proceedings. Part 1]. Moscow, Prospect Publ., 2019. 408 p.

Information about the authors

Yana V. Gaivoronskaya, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Federal University, Ajax, 10, 690065 Vladivostok, Russian Federation, yanavl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7606-4444>

Olga I. Miroshnichenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), LL.M, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Federal University, Ajax, 10, 690065 Vladivostok, Russian Federation, olga-star.05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8248-6782>

Информация об авторах

Яна Владимировна Гайворонская, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Дальневосточный федеральный университет, пос. Аякс, 10, 690065 г. Владивосток, Российская Федерация, yanavl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7606-4444>

Ольга Игоревна Мирошниченко, кандидат юридических наук, LL.M, доцент кафедры теории и истории государства и права, Дальневосточный федеральный университет, пос. Аякс, 10, 690065 г. Владивосток, Российская Федерация, olga-star.05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8248-6782>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.4>

UDC 347.5
LBC 67.404.2

Submitted: 15.09.2019
Accepted: 10.10.2019

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF THE SOURCE OF INCREASED DANGER IN THE INFORMATION AND DIGITAL ERA

Sophia R. Deryugina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the development of the latest information and telecommunication technologies used in the civil law sphere transforms the understanding and application of tort liability for damage caused by a source of increased danger. The identified mechanism requires a scientific analysis to determine the essential changes in the institution of a source of increased danger. The implementation of activities related to the sources of increased danger implies the presence of a threat of harm to the subjects of law. To ensure the greatest protection of subjects, digital technologies are used. The purpose of the study: to determine the characteristics of the concept “owner of a source of increased danger”, to consider the impact of digital technologies on the institution of a source of increased danger. **Methods:** general method; general scientific method (logical (induction, deduction, analysis, synthesis), system); private law (formal legal, comparative legal). Results: the content of the concept “owner of the source of increased danger” is revealed. The problem of lack of transparency of information about the owner of the vehicle, its causes and consequences is raised. Considered the actual use of digital technologies today in this area and proposed ways to develop the protection of subjects of law from the possibility of illegal actions. **Conclusions:** the characteristics of the basic concept of “owner of a source of increased danger” are defined, the influence of digital technologies on the institution of a source of increased danger is considered. It is revealed that the identification of the concepts “owner of the source of increased danger” and “owner of the property” can lead to a mixture of proprietary relations and non-contractual obligations, requiring their specific legal regulation. The analysis of the new electronic title is carried out, as well as the further prospects of its development are revealed. The approximate list of data necessary for safety of the subject which enters the legal relationship connected with use by the vehicle is specified.

Key words: information technologies, delictual liability, civil responsibility, source of increased danger, owner of the source of increased danger, vehicle, electronic title.

Citation. Deryugina S.R. Transformation of the Institute of the Source of Increased Danger in the Information and Digital Era. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 35-39. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.4>

УДК 347.5
ББК 67.404.2

Дата поступления статьи: 15.09.2019
Дата принятия статьи: 10.10.2019

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ КАК СЛЕДСТВИЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Софья Романовна Дерюгина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: разработка новейших информационно-телекоммуникационных технологий, применяемых в гражданско-правовой сфере, трансформирует понимание и применение деликтной ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Осуществление деятельности, связанной с этим источником предполагает наличие угрозы причинения вреда субъектам права. Для обеспечения наибольшей защиты субъектов применяются цифровые технологии. Выявленные проблемы механизма применения

цифровых технологий для защиты субъективных прав требуют проведения научного анализа для определения сущностных изменений института источника повышенной опасности. **Цель:** охарактеризовать понятие «владелец источника повышенной опасности», рассмотреть влияние цифровых технологий на институт источника повышенной опасности. В процессе анализа использовались следующие **методы:** всеобщий – диалектический и метафизический; общенаучные – логический (индукция, дедукция, анализ, синтез), системный; частноправовые – формально-юридический, сравнительно-правовой. **Результаты:** раскрыто наполнение термина «владелец источника повышенной опасности». Рассмотрена проблема отсутствия прозрачности сведений о владельце транспортного средства, ее причины и следствия. Проанализировано фактическое применение цифровых технологий в сфере отношений, связанных с использованием источника повышенной опасности, и предложены способы развития охраны субъектов права от возможности противоправных действий. Представлен анализ нового электронного паспорта транспортного средства, а также определены дальнейшие перспективы его использования. **Выводы:** выявлено, что отождествление понятий «владелец источника повышенной опасности» и «владелец имущества» может привести к смешению вещного и обязательственного внедоговорного отношений, требующих своего специфического правового регулирования. Указан примерный перечень данных, необходимых для обеспечения безопасности субъекта, который вступает в правоотношения, связанные с использованием транспортного средства.

Ключевые слова: информационные технологии, деликтная ответственность, гражданско-правовая ответственность, источник повышенной опасности, владелец источника повышенной опасности, транспортное средство, электронный ПТС.

Цитирование. Дерюгина С. Р. Трансформация института источника повышенной опасности как следствие развития информационно-телекоммуникационных технологий // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 35–39. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.4>

Введение

В связи с небывалым темпом развития информационно-телекоммуникационных технологий существенно видоизменяется облик современного общества. Цифровые экономические отношения, привлекая своим удобством, вытесняют привычные нам традиционно-хозяйственные. В научной литературе справедливо отмечается, что имеющиеся теоретические разработки в юридической доктрине уже не отвечают потребностям современного общества [2, с. 7].

В настоящее время в гражданский оборот вводятся новейшие цифровые разработки. Указанная модификация приводит к изменению понимания и применения деликтной ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Поэтому изучение данного вопроса и последовательное закрепление в законодательстве нового правового регулирования института источника повышенной опасности является актуальной задачей гражданского права.

Эксплуатация транспортного средства (далее – ТС), выступающая одной из основных составляющих данного института, предполагает наличие непосредственной опасности для субъектов гражданско-правовых отно-

шений. В связи с этим причинение вреда источником повышенной опасности выделяют в специальный деликт, который обусловлен отсутствием фактического причинителя вреда и противоправности в его деятельности. Характеристики субъекта правоотношения и его действий не имеют значения для возникновения данного обязательства, необходимо только условие причинения вреда.

Содержание понятия «владелец источника повышенной опасности»

Отличительная особенность института источника повышенной опасности отражается в содержании понятия «владелец источника повышенной опасности». Владелец признается лицо: 1) обладающее соответствующим правомочием, а именно – правом собственности, хозяйственного ведения или другим вещным правом; 2) фактически эксплуатирующее данный объект либо иначе осуществляющее за ним контроль. Указанные признаки позволяют пресечь неопределенность в судебной практике и отграничить ответственность владельцев источников повышенной опасности от других лиц, связанных с такими источниками иными материальными правоотношениями.

Согласно законодательству собственником является лицо, выступающее в роли владельца, пользователя, распорядителя имуществом, у которого есть соответствующие правоустанавливающие документы на имущество. Владелец в свою очередь – лицо, имеющее право на владение, пользование имуществом. Согласно указанному определению владельцу необходимо осуществлять эксплуатацию объекта, и только в этом случае применимы нормы ст. 1079 ГК РФ. Следовательно, отождествление понятий «владелец источника повышенной опасности» и «владелец имущества» может привести к смешению вещного и обязательственного внедоговорного отношений, требующих своего специфического правового регулирования.

Владелец источника повышенной опасности признается титульным владельцем при наличии правоустанавливающих документов, указанных законодательством, является титульным владельцем, что подтверждается наличием правоустанавливающих документов, указанных законодательством. Эксплуатация источника повышенной опасности в качестве владельца такового возможна только на гражданско-правовых основаниях, к чему не относится управление данным источником по трудовому договору. Помимо этого, при определении ответственности владельца неподконтрольного объекта необходимо учитывать в чьих интересах проводилось использование объекта. Вместе с тем осуществление деятельности, создающей повышенную опасность для окружающих без специального разрешения или иных обстоятельств, влияющих на вину владельца, не играет роли при квалификации лица в качестве владельца источника повышенной опасности.

Ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, наступит только при условии, что данный объект материального мира либо деятельность не могли быть в должной степени проконтролированы человеком и вред был причинен теми опасными свойствами источника, которые обуславливают признание его таковым. Это обстоятельство имеет важное значение для квалификации содеянного и, соответственно, определения общей или повышенной ответственности. Из-за указанной специфики законода-

тель устанавливает особую защиту потерпевших от действия источников повышенной опасности посредством закрепления порядка, при котором отсутствие вины не освобождает владельца данного источника от деликтной ответственности.

Цифровые технологии как способ обеспечения безопасности и защиты субъектов права при эксплуатации источника повышенной опасности

Указом Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [7, с. 24] устанавливаются основные положения эффективного развития информационного общества в России. Одним из главных принципов настоящей Стратегии является обеспечение безопасности и защиты российских граждан при использовании цифровых технологий. Однако в настоящее время возникают системные проблемы правового регулирования отношений с использованием сети Интернет, в том числе обусловленные отсутствием необходимой информации, обеспечивающей возможность защиты субъективных прав граждан [1, с. 58].

Полагаем, что целесообразно указание в цифровой системе сведений и о ТС, и о его владельце. Например, с 2019 г. в России планируется полностью заменить бумажные паспорта транспортных средств (далее – ПТС) на электронные [6, с. 5]. Представляется необходимым указание в ПТС сведений, содержащих информацию о собственнике ТС, наличии обременительных отношений, касающихся данного объекта (ТС), авариях, ремонте [4, с. 7].

Оформлением электронного паспорта могут заниматься таможенные органы, автопроизводители, органы ГИБДД и др. [6, с. 9]. Следовательно, информация из электронного ПТС предоставляется в наиболее полном объеме только представителям органов государственной власти (отделы ГИБДД, ФНС, ФССП) [5, с. 6]. Однако персональные данные самого владельца могут быть указаны только при его согласии с применением всех положений ФЗ «О персональных данных» [8,

с. 59]. При этом информация должна быть полностью защищена от искажения субъектами гражданско-правовых отношений. Однако возможная затянутость процесса, потеря исходных данных, зависание и неполадки систем в связи с огромным информационным потоком понижают эффективность внедрения цифровых технологий в эту отрасль. Преодолением таких негативных факторов может послужить замена технологического оборудования современными цифровыми машинами, налаживание процесса функционирования обслуживающей инфраструктуры и правовой базы.

Доступ к данным электронного ПТС получит будущий владелец, который официально переоформляет вещное право на ТС [3, с. 56] (в настоящее время при заключении договора купли-продажи автомобиля покупатель лишен возможности отследить историю ТС, следовательно, становится более уязвимым для недобросовестного продавца). Ему будут доступны сведения о фактическом существовании автомобиля, статусе электронного ПТС, наличии обременений на ТС. Однако такую информацию нельзя считать полноценной [6, с. 23]. Наибольшая открытость процесса эксплуатации ТС текущим владельцем приводит к более высокой защищенности третьих лиц, вступающих в договорные отношения с субъектом, владеющим ТС.

Выводы

Стремительный переход индустриального общества в информационное с объективной необходимостью влечет совершенствование методов правового регулирования данной сферы отношений. Возможность полного возмещения вреда, причиненного гражданским правонарушением, повлекшим возникновение деликтного обязательства, является гарантией гармоничного развития социума на пути формирования правового государства. Трансформация института источника повышенной опасности происходит посредством внедрения информационно-телекоммуникационных технологий. Информационные технологии, являющиеся неотъемлемой частью жизни потребителей нашего времени, не только предоставляют людям новые возможности, но и спо-

собствуют повышению уровня защиты прав граждан. Следовательно, введение электронных ПТС позволит повысить уровень защищенности субъектов, вступающих в гражданско-правовые отношения с владельцем ТС. При этом необходимо законодательно установить ограничения для получения и использования данной информации в зависимости от того, в какие гражданско-правовые отношения вступают стороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иншакова, А. О. Системные проблемы правового регулирования деятельности информационных агрегаторов / А. О. Иншакова, М. В. Севастьянов, Т. В. Дерюгина // *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT* / ed. by E. G. Popkova. – [Б. м.] : Springer, 2019. – P. 58–64. – (Studies in Computational Intelligence).
2. Иншакова, А. О. Юридическая ответственность из деликтных обязательств: межотраслевые интерпретации современной юридической мысли // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 4–12. – DOI: <https://doi.org/10.15688/le.jvolsu.2018.1.1>.
3. Касенова, М. Б. Идентификация лиц в Интернете и киберпространство социальных сетей / М. Б. Касенова // *Юрист*. – 2014. – № 6. – С. 56–60.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.08.1994 № 938 «О государственной регистрации автотранспортных средств и других видов самоходной техники на территории Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 1994. – 22 авг. (№ 17). – 276 с.
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 05.10.2017 № 1212 «О некоторых вопросах, связанных с введением в Российской Федерации электронного паспорта транспортного средства и электронного паспорта шасси транспортного средства» // *Российская газета*. – 2017. – 18 окт. (№ 235). – 75 с.
6. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22.09.2015 № 122 «Об утверждении Порядка функционирования систем электронных паспортов транспортных средств (электронных паспортов шасси транспортных средств) и электронных паспортов самоходных машин и других видов техники» // *Евразийский экономический союз*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.eaunion.org>. – Загл. с экрана.
7. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информа-

ционного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Загл. с экрана.

8. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – 31 июля (№ 31). – 543 с.

REFERENCES

1. Inshakova A.O., Sevastyanov M.V., Deryugina T.V. *Sistemnye problemy pravovogo regulirovaniya deyatelnosti informatsionnykh agregatorov* [Systemic Problems of Legal Regulation of Information Aggregators]. Popkova E.G. ed. *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. Springer, 2019, pp. 58-64. (Studies in Computational Intelligence).

2. Inshakova A.O. *Yuridicheskaya otvetstvennost iz deliknykh obyazatelstv: mezhotraslevye interpretatsii sovremennoy yuridicheskoy mysli* [Legal Liability of Tort Obligations: Interdisciplinary Interpretations of Modern Legal Thought]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2018, vol. 17, no. 1, pp. 4-12. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2018.1.1>.

3. Kasenova M.B. *Identifikatsiya lits v Internete i kiberprostranstvo sotsialnykh setey* [Identification of Persons in Internet and Cyberspace of Social Networks]. *Yurist* [Jurist], 2014, no. 6, pp. 56-60.

4. *Postanovlenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 12.08.1994 № 938 «O gosudarstvennoy registratsii avtomototransportnykh sredstv i drugikh vidov samokhodnoy tekhniki na territorii Rossiyskoy Federatsii»* [Genesovlenie of the Government of the Russian Federation of 12.08.1994 no. 938 “About the State Register of Motor Vehicles and Other Types of Self-Propelled Equipment in the Territory of Russia of Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy*

Federatsii [Collection of Legislative Acts of the Russian Federation], 1994, August 22, no. 17. 276 p.

5. *Postanovlenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 05.10.2017 № 1212 «O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s vvedeniem v Rossiyskoy Federatsii elektronnoy pasporta transportnogo sredstva i elektronnoy pasporta shassi transportnogo sredstva»* [Genesovlenie Pravitelstvo RF ot 05.10.2017 N 1212 “About Some Questions Connected with Introduction in the Russian Federation of the Electronic Passport Vehicles and Electronic Passports of the Chassis Vehicles”]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2017, October 18, no. 235. 75 p.

6. *Reshenie Kollegii Evraziyskoy ekonomicheskoy komissii ot 22.09.2015 № 122 «Ob utverzhdenii Poryadka funktsionirovaniya sistem elektronnykh pasportov transportnykh sredstv (elektronnykh pasportov shassi transportnykh sredstv) i elektronnykh pasportov samokhodnykh mashin i drugikh vidov tekhniki»* [Decision of Board of the Eurasian Economic Commission of 22.09.2015 No. 122 “About the Statement of the Order of Functioning of Systems of Electronic Passports of Vehicles (Electronic Passports of the Chassis of Vehicles) and Electronic Passports of Self-Propelled Cars and Other Types of Equipment”]. *Evraziyskiy ekonomicheskii soyuz* [Eurazian Economic Union]. URL: <http://www.eaeunion.org>.

7. *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.05.2017 № 203 «O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody»* [The Decree of the President of the Russian Federation of May 09, 2017 No. 203 “About Strategy of Development of Information Society in the Russian Federation for 2017-2030”]. *Ofitsialnyy Internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internrt-Portal of Legal Information]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

8. *Federalnyy zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ (red. ot 31.12.2017) «O personalnykh dannykh»* [Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ (As Amended on 31.12.2017) “On Personal Data”]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection Legislation of the Russian Federation], 2006, July 31, no. 31. 543 p.

Information about the Author

Sophia R. Deryugina, Master Student, Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sofiaderugina3764@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3650-8821>

Информация об авторе

Софья Романовна Дерюгина, магистрант кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sofiaderugina3764@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3650-8821>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.5>

UDC 340.1
LBC 67.0

Submitted: 06.09.2019
Accepted: 02.10.2019

INDISCREET CHARM OF DIGITALIZATION¹

Yana V. Gaivoronskaya

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Olga I. Miroshnichenko

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Alexey Yu. Mamychev

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

Introduction: digitalization is a new trend of social development on the whole and the legal and political regulation in particular. The digitalization tempts and fascinates, attracts by its novelty and modernity. The idea of a fundamental change in the social order and social regulation under the digitalization influence in a broad sense is in the air and is already perceived as an axiom. At the same time, most people, both non-specialists in the area of social regulation, and even narrow professionals, will find it difficult to answer the question: what exactly will fundamentally change in the world, in society and in the economy, with the widespread introduction of digital technologies? As a result, the publications in the media and many scientific works resemble Hollywood blockbuster scenarios in the technocratic dystopia style, which leads researchers away from solving real problems of the legal regulation of changing social relations. The **purpose** of the study: to determine the model of interaction of law and digitalization in relation to the current level of technology development. Research **objectives:** to define the concept of digitalization; to consider the main trends in research on issues related to the large-scale spread of digitalization and artificial intelligence (AI) technologies; to determine the limits of the real impact of digitalization on the law and legal regulation. **Methods:** the system, structural and functional methods, the methods of analysis and synthesis, expert evaluation. **Results:** the paper describes one of the trends of modern interdisciplinary research, called by the authors “the effect of digitalization”. In relation to the sphere of legal regulation, the effect of digitalization is manifested in an attempt to see the fundamental novelty in relations using the latest technical means; the relations carried out in electronic form and/or using digital, network, telecommunication technologies, artificial intelligence. It is argued that the mediation of social relations with the latest technologies does not always lead to the change in the essence of relations and the need to create fundamentally new models of social regulation. **Conclusions:** digitalization in relation to the law appears in the modern world in two qualities: as an independent social phenomenon and as a tool designed to give the legal mechanisms efficiency and accessibility. At the present level of technology development the digitalization in relation to the law should be considered as a tool to improve the legal regulation quality. The Russian practice of “digitalization for the sake of digitalization” is dangerous and inefficient in social and economic terms.

Key words: digitalization, artificial intelligence, digitalization of law, legal regulation, social regulation, essence of law, law.

Citation. Gaivoronskaya Ya. V., Miroshnichenko O. I., Mamychev A. Yu. Indiscreet Charm of Digitalization. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 40-47. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.5>

УДК 340.1
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 06.09.2019

Дата принятия статьи: 02.10.2019

НЕСКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

Яна Владимировна Гайворонская

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Ольга Игоревна Мирошниченко

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Алексей Юрьевич Мамычев

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Российская Федерация

Введение: цифровизация – новый тренд социального развития вообще и правового и политического регулирования в частности. Она манит и очаровывает, привлекает новизной и современностью. Идея принципиального изменения социального уклада и социального регулирования под воздействием цифровизации в широком смысле «витают в воздухе» и воспринимается как аксиома. При этом большая часть людей, и непрофессионалов в сфере социального регулирования, и узких специалистов, затруднится ответить на вопрос: а что именно так изменится в мире, социуме и экономике с внедрением цифровых технологий? В результате публикации в СМИ и многие научные работы напоминают сценарии научно-фантастических фильмов, что уведит ученых от решения реальных проблем правового регулирования меняющихся общественных отношений. **Цель исследования:** определить модели взаимодействия права и цифровизации применительно к современному уровню развития технологий. **Задачи:** охарактеризовать понятие «цифровизация»; рассмотреть основные тенденции исследований по вопросам, связанным с масштабным распространением технологий искусственного интеллекта и цифровизации; установить пределы реального влияния этого процесса на право и правовое регулирование. **Методы:** системный, структурно-функциональный, анализ, синтез, экспертная оценка. **Результаты:** описывается одна из тенденций современных междисциплинарных исследований, названная авторами эффектом цифровизации. Применительно к сфере правового регулирования этот эффект проявляется в попытке увидеть новизну: в отношениях с использованием новейших технических средств; отношениях, осуществляемых в электронной форме и/или с применением цифровых, сетевых, телекоммуникационных технологий, искусственного интеллекта. Утверждается, что опосредование общественных отношений новейшими техническими разработками не всегда ведет к изменению их сути и необходимости создавать принципиально новые модели социального регулирования. **Выводы:** цифровизация по отношению к праву предстает в современном мире в двух качествах: как самостоятельное социальное явление и как инструмент, предназначенный для придания правовым механизмам оперативности и доступности. На современном уровне развития технологий цифровизацию по отношению к праву необходимо рассматривать как инструмент повышения качества правового регулирования. Российская практика «цифровизации ради цифровизации» опасна и неэффективна в социальном и экономическом планах.

Ключевые слова: цифровизация, искусственный интеллект, диджитализация права, правовое регулирование, социальное регулирование, сущность права, право.

Цитирование. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И., Мамычев А. Ю. Нескромное обаяние цифровизации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 40–47. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.5>

Введение

Сейчас много говорят о цифровизации как новом тренде социального развития вообще и правового регулирования в частности. Цифровизация манит и очаровывает, привлекает новизной и современностью. О ней говорят юристы, экономисты, теологи, управленцы, философы, инженеры, аналитики, программисты и обычные люди. Технологический прогресс совершается столь быстрыми темпами, а преобразования последних двух десятилетий настолько заметны и ощутимы, что создается впечатление глобальных изменений, кардинально трансформирующих социальное устройство. При этом диджитализация, искус-

ственный интеллект (ИИ), нейронные сети, блокчейн, роботы-судьи, электронное правотворчество, дроны, беспилотники и др. воспринимаются зачастую как единый снежный ком смыслов, условно обозначаемый термином «цифровизация». Идея принципиального изменения социального уклада под воздействием цифровизации в широком смысле «витают в воздухе» и является аксиомой. Вероятно, в силу наглядности и футуристичности в рамках цифровизации больше внимания привлекает ИИ. Юристов и философов волнуют вопросы правосубъектности роботов, распространения на них прав человека (робота?), цифрового общества с тоталитарным контролем машин над поведением человека, защиты ин-

теллектуальной собственности и авторских прав в отношении результатов творчества ИИ, вытеснения людей с рынков труда за счет роботизации производства, электронного правосудия и т. д. В результате рассуждения о будущем правового регулирования в контексте цифровизации превращаются в некую антологию научной фантастики. В глазах обывателя, да и многих специалистов распространение ИИ в областях права и социального регулирования выглядит как голливудский блокбастер, технократическая антиутопия на тему восстания машин, порабощения человека и торжества рациональной внеморальной «машинной» логики. Подобная направленность характерна и для публикаций в СМИ [8], и для работ ученых и популяризаторов науки [10]. При этом большая часть людей, и непрофессионалов в сфере социального регулирования, и узких специалистов, затруднится ответить на вопросы: а что именно изменится в мире, социуме и экономике с широким внедрением цифровых технологий? изменится сейчас, в ближайшие годы, а не в новой реальности посттехнократического общества?

Эффект цифровизации

При изучении вопроса можно выделить ряд тенденций и основных проблем, которые становятся объектом обсуждения юридической общественности в предметном поле диджитализации и ИИ. Первая тенденция: подавляющее большинство собственно юридических практикоориентированных исследований имеет отраслевой, узкопредметный характер, будучи сосредоточенными на проблемах правового регулирования отдельных технологий или последствий их использования (например, вопросы интеллектуальной собственности и авторских прав в отношении результатов творчества ИИ [7, с. 56]; цифровые технологии альтернативных методов разрешения споров [5, с. 23]; правовые риски и способы защиты электронных платежей [9, с. 78] и иные вопросы информационной безопасности [4, с. 89]; гражданско-правовой и налогово-правовой статус криптовалюты; пределы государственного вмешательства при использовании блокчейн-технологий; корреляция законодательства о защите персональных данных и возмож-

ностей сбора и обработки информации современными системами ИИ; применение электронных и сетевых технологий в избирательном процессе и т. д.). Вторая тенденция: теоретико-правовые, концептуальные исследования в данном тематическом поле по большей части имеют либо обзорный, либо умозрительно-философский, этико-ориентированный характер, будучи более похожими на научную фантастику, чем на юридические работы. Они не предлагают новых моделей собственно правового регулирования, а рассматривают потенциально возможные варианты развития событий в случае очередного технологического рывка и тотального распространения цифровых технологий и ИИ. В этих работах речь идет о роботах-юристах, роботах-судьях, возможном отмирании права и замене его программным кодом как особым регулятором, принципиально иных субъектах права, роботике и взаимодействии между новыми юнитами, электронными сущностями, которые вытеснят право как социальное (в смысле межчеловеческое) по своей природе явление.

Однако в результате эффекта «нескромного обаяния» цифровизации во многом происходит подмена понятий, практические вопросы правового регулирования заменяются футурологическими прогнозами. Если вникнуть в суть проблемы, то появится закономерный вопрос: а что нового привнесет цифровизация в социальное и правовое регулирование? Очарованные эффектом новизны и прогрессивности технологий, мы рискуем плодить псевдосущности и погрязнуть в «терминологической» юриспруденции, пытаясь создавать новые понятия и правовые режимы для каждой технологической инновации.

Примером эффекта цифровизации являются публикации в СМИ, формирующие тональность восприятия проблемы. В частности, в прошлом году в электронных масс-медиа прошло сообщение: «Беспилотный автомобиль убил человека». Суть инцидента такова: в 2018 г. беспилотный автомобиль компании Uber сбил 49-летнюю женщину. В г. Феникс, штат Аризона, около 10 ч вечера 49-летняя Хелен Эрцберг пересекала дорогу, катая свой велосипед вне зоны пешеходного перехода. В нее врезался автомобиль, который двигался в автономном режиме со скоростью около

65 км/ч, однако за рулем находился оператор. Женщина скончалась в госпитале от полученных травм [1]. Читая подобные новости, люди в лучшем случае начинают рассуждать о юридической ответственности ИИ, точнее, его статусе вне-ответственности, строить футуристические прогнозы и формулировать принципы роботэтики будущего, в худшем – сеять панику в соцсетях и распространять страшилки-антиутопии. Инцидент, по сути, находится в правовом поле с точки зрения современного правового регулирования. И автодорожные общественные отношения, и испытания транспортных средств и технически сложных приборов – все это урегулировано правом. Иной специфики, кроме наличия в ситуации транспортного средства с новой электронной начинкой, в данной ситуации нет, но эффект цифровизации заставляет видеть ее.

Эффект цифровизации выражается в попытках автоматизировать, оцифровать, компьютеризировать и информатизировать в кратчайшие сроки как можно больше сфер, независимо от целесообразности, готовности общественного сознания и даже наличия инфраструктуры.

Мы ни в коем случае не хотим заявить, что отношения с использованием цифровых технологий и ИИ не нуждаются в особом правовом регулировании, футуристические прогнозы бесполезны или разработка кодексов роботэтики не нужна. И регулирование отношений, основанных на цифровых, электронных, сетевых и телекоммуникационных технологиях, необходимо, и роботэтика должна быть разработана превентивно. Вопрос заключается в другом.

В одном из интервью Игорь Ашманов, президент IT-компании «Крибрум», эксперт по ИИ, так ответил на вопрос журналиста о возможности взять под контроль ИИ, способный к обучению: «Наверное, мы смотрим много интересных научно-фантастических фильмов... и нам кажется, что искусственный интеллект – это некая штука, которая может принимать решения за людей, влиять на них, формировать социальные отношения и в какой-то момент выйти из-под контроля. Но, по крайней мере, в ближайшие лет 300 это невозможно. Никакая машина не способна заменить человека просто из-за различной природы бытия» [6, с. 6]. Вторит ему и Артем Кирьянов,

юрист, член Общественной палаты РФ: «Обучая искусственный интеллект что-то распознавать, мы добиваемся того, что он начинает делать это лучше, чем человек. Но никакого саморазвития или осознания себя там в принципе нет» [6, с. 6]. О.А. Ястребов, директор Юридического института РУДН, пишет о том, что модель человеческого мозга пытались создать давно, а первое устройство такого плана появилось еще в 1832 году. «Однако на сегодняшний день человечество смогло воссоздать лишь интеллект четырехлетнего ребенка. Об узкой направленности функционирования искусственного интеллекта был сделан вывод главой робототехнического центра фонда Сколково А. Ефимовым» [11, с. 321].

Когда читаешь такие мнения, возникает вопрос: а не торопимся ли мы с прогнозами и на то ли тратим научные усилия?

Цифровизация: инструмент или новая реальность?

Охарактеризуем терминологический аппарат. Основная проблема заключается в том, что, читая в СМИ о цифровизации и ИИ, большая часть населения не имеет ни четкого, ни примерного представления о ней. У многих сейчас, по выражению одного из экспертов, – «цифровая разруха в головах» [3]. Если начать серьезно заниматься этим вопросом, то выяснится, что понятийная проблема вытесняет на первый план. Неоднозначностью понятий отличаются и научные исследования – термин «цифровизация» употребляется в меру фантазии говорящего.

По нашему мнению, на сегодняшний день можно выделить три основных значения, в которых используется данный термин:

- переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую;
- «оцифровывание» информации, ее перевод в цифровой формат для последующего хранения, распространения и использования;
- широкий комплекс экономических, управленческих, социальных процессов, связанных с применением и широким распространением собственно цифровых, компьютерных, информационных, электронных и сетевых (телекоммуникационных) технологий, систем ИИ в современной жизни.

Последнее определение представляется наиболее широким. Рассмотрим его подробнее.

Самой яркой частью тренда цифровизации является ИИ. Именно с ним связана большая часть утопических страшилок, включая отмирание права в цифровой реальности, и неразрешимых проблем социального регулирования. Еще одна неотъемлемая часть цифровизации – информационная безопасность, угрозы и риски которой сейчас активно изучаются и широко обсуждаются в среде специалистов и СМИ. Серьезная проблема, на наш взгляд, состоит в том, что большая часть юристов исключена из этого информационного контекста и подключается к обсуждению тренда с явным запозданием. Эксперты в сфере цифровизации – это специалисты из сферы цифровой экономики, информационной и кибербезопасности, аналитики данных, инженеры, программисты. Они решают реальные вопросы, формируют проблемное поле правового регулирования, определяют угрозы цифровизации и ответы на них. По сравнению с форумами IT-специалистов и экономистов юридические дискуссии выглядят слабо. В нашей работе мы намеренно используем публицистические материалы и интервью экспертов-неюристов: их взгляд на ситуацию в большей мере отражает практику и проблемы российской цифровизации.

Одним из наиболее актуальных в плане информационной безопасности на сегодняшний день является вопрос доверия к разработчикам аналитических систем, в том числе на основе ИИ. «ИИ предназначен для помощи в принятии решений на основании обработки больших объемов данных, но мы не всегда знаем, какие алгоритмы в него заложены создателями, насколько они корректны, – сказал С. Никитин, менеджер по продукту «Газинформсервис», в своем выступлении на V Digital City Forum РБК. – А ведь от этого зависит результат, который выдаст система» [2].

Эффект цифровизации – это во многом эффект Пандоры: каждая проблема порождает следующую. Право по сути своей – социальное явление, давно существующее и доказавшее свою эффективность и социальную полезность. Цифровизация – новое явление, в отношении которого пока неясно, создаст ли оно

новую, принципиально иную реальность или окажется лишь формой отношений и средством коммуникации. Во втором случае принципы строения общества и социального регулирования концептуально не меняются.

Цифровизация сегодня может восприниматься правом в двух смыслах, по-разному определяющих модели взаимодействия права и цифровизации применительно к современному уровню развития технологий. Во-первых, ее можно понимать глобально, не только как новый тренд развития социальных процессов, но и новую реальность, этап эволюции, технологическую эру, которая принципиально трансформирует производство и распределение социальных благ, социальные ценности, социальное устройство, политику, право и культуру. В эре цифровизации естественным образом изменится роль и значение права, его содержание или место в обществе. Во-вторых, цифровизацию можно рассматривать как инструмент для осуществления различных социально полезных целей, предлагающий более удобные и оперативные формы предоставления информации, участия в общественных отношениях, доступа к социальным благам. В свое время мануфактуры переросли в капиталистическое производство, изменив в конечном итоге социальный и политический строй. Автомобиль породил новые сферы промышленности, отрасли права и виды правоотношений, но ничего принципиально не трансформировал в социальном устройстве и системе ценностей человека. Хотя и то, и другое было проявлением технического прогресса своего времени. Опосредование общественных отношений новейшими технологиями не всегда ведет к изменению сути отношений и необходимости создавать принципиально новые модели социального регулирования.

«За деревьями не видно леса» – эта народная мудрость в определенном смысле характеризует ситуацию с правовым регулированием цифровизации и цифровых технологий в России. Попытка среагировать на «хайп» порождает стремление точно и быстро урегулировать известными правовыми средствами все новые формы цифровой реальности. Но это не дает возможности оценить происходящие процессы в целом, на концептуальном уровне сформировать отношение к данным яв-

лениям. Сначала надо ответить на вопросы: насколько нужны такие изменения? долговечны и самостоятельны ли они?

Для сегодняшнего уровня технологий цифровизация – это всего лишь средство, обеспечивающее реализацию субъективных прав, оперативность и эффективность правового регулирования. Глобальная опасность данного процесса – это «цифровизация ради цифровизации». По мнению экспертов, в России практика цифровизации многих процессов делает нулевой их эффективность, например, по словам В. Пронина, ведущего системного инженера Digital Design, «при строительстве нового квартала: используя модные Big Data и ИИ, одевая AR-очки, но при этом связывая жилые дома с городом все той же тропинкой вдоль шоссе. Или в медицине – используя сверхсовременные средства связи, аналитику и мобильные приложения, но оставив стандартные диагнозы на все случаи жизни и прописывая гомеопатию для щитовидки» [11].

Искусственное внедрение цифровизации в потребительскую среду часто порождает неудобства и нарушения актуальных прав людей. Типичная ситуация в отделениях известного банка во Владивостоке (и, думается, не только там): консультанты готовы помочь с оплатой квитанций при условии, что люди соглашаются подключить автоматический платеж, биометрическую идентификацию или какую-либо другую услугу для отчета. При нежелании это сделать – хамство и отказ в содействии, в результате человек остается один на один с намертво зависшим терминалом. Другой пример: сотрудник ГИБДД возит в машине все необходимое для автоматизированного выставления штрафов, но оборудование не в порядке, поэтому он заполняет бланки вручную. Эффективность инспектора при этом остается низкой, но такое положение устраивает всех [3]. Вот это – реальность цифровизации для огромных территорий провинциальной России, где материальная и техническая база для современных инноваций просто отсутствуют. На данный момент ситуация такова: терминалы перманентно не могут считывать штрих-код с квитанций по коммунальным услугам, и с этих позиций «война машин» в глазах обывателя выглядит по-иному, гораздо менее романтично, но в опре-

деленном смысле и более страшно. Кроме того, российскую цифровизацию затрудняет непонимание чиновниками смысла данного процесса. По словам Д. Петрова, гендиректора «Комфортел», о цифровизации много говорят в связи с посылом от главы государства, но зачастую подменяют ее автоматизацией или переводом информации в цифровую форму с бумажных носителей [3].

Все это – серьезные проблемы, которые необходимо решать сейчас с помощью имеющихся правовых средств.

Выводы

В настоящий момент требуется разграничить реальные и умозрительные проблемы цифровизации. По отношению к праву она предстает в двух качествах: как самостоятельное социальное явление и как инструмент, предназначенный для придания правовым механизмам оперативности и доступности. На современном уровне развития технологий цифровизацию по отношению к праву необходимо рассматривать как инструмент повышения качества правового регулирования. Российская практика «цифровизации ради цифровизации» опасна и неэффективна в социальном и экономическом планах.

Всем юридическим исследованиям цифровизации, на наш взгляд, не хватает концептуального, теоретико-правового уровня. Именно сейчас необходимо создавать и обосновывать новые модели правового регулирования, определяющие параметры системы права (необходимых отраслей) и принципы правового регулирования, которые должны сохранить актуальность в течение долгого времени и поставить ограничения социальным экспериментам на базе технологических новинок. Главное, что может обеспечить право, – сохранить человека и достигнутый уровень гуманности, не позволив поддаться обманчивому очарованию прогресса.

По изначальной задумке польза ИИ и в целом цифровизации – поддержка принятия решений, а не вытеснение человека из этого процесса. Технологии должны помогать ему, поскольку изначально технический прогресс направлен на улучшение качества жизни. «Цифровизация ради цифровизации» – опас-

ный тренд, который актуализирует основной вопрос биоэтики: а нужен ли прогресс, если после него не будет человека?

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16129.

The research was funded by RFBR, research project No. 18-29-16129.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспилотный автомобиль убил человека // *Голос Америки*. – 2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.golos-ameriki.ru/a/uber-fatal-accident/4305948.html>. – Загл. с экрана.
2. Журавлева, А. Опасности цифровизации или цифровизация в опасности / А. Журавлева // *Digital Forum РБК*. – 2019. – 25 июня (№ 5). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://spb.plus.rbc.ru/news/5cb448c57a8aa90a3814c68e>. – Загл. с экрана.
3. Журавлева, А. «У нас цифровая разруха в головах» / А. Журавлева // *Digital Forum РБК*. – 2019. – 25 июня (№ 5). – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://spb.plus.rbc.ru/news/5cbec60f7a8aa9474e4a3954>. – Загл. с экрана.
4. Информационная безопасность России в цифровой экономике: экономические и правовые аспекты / Е. Е. Фролова [и др.] // *Journal of advanced research in law and economics*. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 89–95.
5. Иншакова, А. О. Цифровые технологии альтернативных методов разрешения споров: зарубежная практика и перспективы применения в России / А. О. Иншакова, Ю. А. Тымчук // *Право и управление. XXI век*. – 2018. – № 1 (46). – С. 23–31.
6. Лория, Е. Игры без разума: что нам даст и чего лишит искусственный интеллект / Е. Лория, В. Нодельман // *Известия*. – 2019. – 19 апр. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://iz.ru/869200/elena-loriia-valeriia-nodelman/igry-bez-razuma-chto-nam-dast-i-chego-lishit-iskusstvennyi-intellekt>. – Загл. с экрана.
7. Мотовилова, Д. А. Перспективы авторско-правовой защиты результатов, созданных системами искусственного интеллекта, с позиции американского права / Д. А. Мотовилова // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. – 2019. – № 23. – С. 56–67.
8. Роботы уже недовольны людьми: искусственный интеллект впервые рассказал о себе // *Новые известия*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://newizv.ru/news/science/22-08-2019/>

roboty-uzhe-nedovolny-lyudmi-isskustvennyy-intellekt-vpervye-rasskazal-o-sebe. – Загл. с экрана.

9. Снижение киберрисков в сфере электронных платежей: организационно-правовые меры / М. Н. Дудин [и др.] // *Journal of advanced research in law and economics*. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 78–88.

10. Стивен Хокинг предупреждает – искусственный интеллект может положить конец человечеству // *NEURONUS.com*. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://neuronus.com/?newsid=1287>. – Загл. с экрана.

11. Ястребов, О. А. Искусственный интеллект в правовом пространстве / О. А. Ястребов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. – 2018. – Т. 22, № 3. – С. 315–327.

REFERENCES

1. Bepilotnyy avtomobil ubil cheloveka [Unmanned Vehicle Killed a Man]. *Golos Ameriki* [Voice of America], 2018. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/uber-fatal-accident/4305948.html>.
2. Zhuravleva A. Opasnosti tsifrovizatsii ili tsifrovizatsiya v opasnosti [The Dangers of Digitalization or Digitization Is in Danger]. *Digital Forum RBC*, 2019, June 25, vol. 5. URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/5cb448c57a8aa90a3814c68e>.
3. Zhuravleva A. «U nas tsifrovaya razrukha v golovakh» [“We Have a Digital Devastation in the Heads”]. *Digital Forum RBC*, 2019, June 25, vol. 5. URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/5cbec60f7a8aa9474e4a3954>.
4. Frolova E.E., Polyakova T.A., Dudin M.N., Rusakova E.P., Kucherenko P.A. Informatsionnaya bezopasnost Rossii v tsifrovoy ekonomike: ekonomicheskiye i pravovye aspekty [Information Security of Russia in the Digital Economy: The Economic and Legal Aspects]. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 89-95.
5. Inshakova A.O., Tymchuk Yu.A. Tsyfrovye tekhnologii alternativnykh metodov razresheniya sporov: zarubezhnaya praktika i perspektivy primeneniya v Rossii [Digital Technology Alternative Dispute Resolution: Foreign Practice and Prospects of Application in Russia]. *Pravo i upravleniye. XXI vek* [Law and Management. Twenty-First Century], 2018, no. 1 (46), pp. 23-31.
6. Loria E., Nodelman V. Iгры bez razuma: chto nam dast i chego lishit iskusstvennyy intellekt [Game Without Reason: That Will Give Us and What Will be Deprived of Artificial Intelligence]. *Izvestiya* [Lime], 2019, April 19. URL: <https://iz.ru/869200/elena-loriia-valeriia-nodelman/igry-bez-razuma-chto-nam-dast-i-chego-lishit-iskusstvennyi-intellekt>.
7. Motovilova D.A. Perspektivy avtorsko-pravovoy zashchity rezultatov, sozdannykh systemami

iskusstvennogo intellekta, s pozitsii amerikanskogo prava [Prospects for Copyright Protection of the Results Created by Artificial Intelligence from the Perspective of American Law]. *Zhurnal suda po intellektualnym pravam* [The Journal of Peoples; Intellectual Rights Court], 2019, no. 23, pp. 56-67.

8. Roboty uzhe nedovolny lyudmi: iskusstvennyy intellekt vpervye rasskazal o sebe [Robots are Already not Satisfied with Peoples: Artificial Intelligence First Told About Itself]. *Novyie izvestiya* [News]. URL: <https://newizv.ru/news/science/22-08-2019/roboty-uzhe-nedovolny-lyudmi-isskusstvennyy-intellekt-vpervye-rasskazal-o-sebe>.

9. Dudin M.N., Zasko V.N., Frolova E.E., Pavlova N.G., Rusakova E.P. Snizheniye kiberrisikov v

sphere elektronnykh platezhey: organizatsionno-pravovye mery [Mitigation of Cyber Risks in the Field of Electronic Payments: Organizational and Legal Measures]. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2018, vol. 9, no. 1, pp.78-88.

10. Stephen Hawking preduprezhdayet – iskusstvennyy intellekt mozhet polozhit konets chelovechestvu [Stephen Hawking Warns - Artificial Intelligence Can Put an End to Humanity]. *NEURONUS.com*. URL: <https://neuronus.com/?newsid=1287>.

11. Yastrebov O.A. Iskusstvennyy intellekt v pravovom prostranstve [Artificial Intelligence in the Legal Space]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law], 2018, vol. 22, no. 3, pp. 315-327.

Information about the Authors

Yana V. Gaivoronskaya, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Federal University, Ajax, 10, 690065 Vladivostok, Russian Federation, yanavl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7606-4444>

Olga I. Miroshnichenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), LL.M, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Federal University, Ajax, 10, 690065 Vladivostok, Russian Federation, olga-star.05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8248-6782>

Alexey Yu. Mamychев, Doctor of Sciences (Politics), Candidate of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Federal University, Ajax, 10, 690065 Vladivostok, Russian Federation, mamychев@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-7967>

Информация об авторах

Яна Владимировна Гайворонская, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Дальневосточный федеральный университет, пос. Аякс, 10, 690065 г. Владивосток, Российская Федерация, yanavl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7606-4444>

Ольга Игоревна Мирошниченко, кандидат юридических наук, LL.M, доцент кафедры теории и истории государства и права, Дальневосточный федеральный университет, пос. Аякс, 10, 690065 г. Владивосток, Российская Федерация, olga-star.05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8248-6782>

Алексей Юрьевич Мамычев, доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Дальневосточный федеральный университет, пос. Аякс, 10, 690065 г. Владивосток, Российская Федерация, mamychев@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-7967>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.6>

UDC 347.44
LBC 67.404.2

Submitted: 14.09.2019
Accepted: 10.10.2019

THE WORDING OF A CONTRACT IN ELECTRONIC FORM¹

Marina Yu. Kozlova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in the modern economy, registering the wording of a contract with the help of electronic documents has acquired the character of a stable trend. The **aim** of the study is to identify the main trends in the practice of exchanging electronic documents for the conclusion or execution of a civil contract. The paper uses the **methods** of description and interpretation; the theoretical methods of formal and dialectical logic. **Results:** the main reasons why the agreement of the parties is put in the form of a written document are determined. The judicial practice positions concerning the recognition of a message exchange by e-mail, text messages in the messengers, as a form of the civil contract are studied. It is established that the agreement of the parties shall determine the possibility of exchanging electronic documents, and the addressee and sender of electronic messages shall be identified: if the message reliably comes from the party under the contract and is received by the other party, the content of this message binds the parties. In the study of the problem of binding the affiliate entity by the agreement concluded by purchasing or ordering services on the Internet, it is determined that in the vast majority of cases, consumers are not familiar with the terms of contracts that they conclude. And although the ignorance of the actual information about the contract does not entail, as a rule, the negative consequences for the buyer (customer), in the event of a conflict, the court may conclude that the consumer is not bound by the terms of the contract to which he acceded, due to the fact that he did not understand its meaning. **Conclusions:** an electronic document – a scanned copy of a paper document, a letter sent by e-mail, a document posted on the company's website as an accession agreement – is a full-fledged document in which the will of the parties to the agreement can be expressed. The specifics of electronic forms require establishing the possibility to identify the person issuing the document confirming the fact of a conscious accession to the agreement, determining the precise content of the agreement.

Key words: contract, contract form, electronic document, exchange of electronic documents, the Internet trade.

Citation. Kozlova M. Yu. The Wording of a Contract in Electronic Form. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 48-53. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.6>

УДК 347.44
ББК 67.404.2

Дата поступления статьи: 14.09.2019
Дата принятия статьи: 10.10.2019

ТЕКСТ ДОГОВОРА В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ¹

Марина Юрьевна Козлова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в современной экономике оформление текста договора с помощью электронных документов приобрело характер устойчивой тенденции. **Цель исследования:** выявить основные направления развития в практике обмена электронными документами для заключения или исполнения гражданско-правового договора. В статье используются **методы** описания и интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. **Результаты:** определены основные причины, в силу которых соглашение сторон облекается в форму письменного документа. Изучены позиции судебной практики относительно признания обмена сообщениями по электронной почте, текстовыми сообщениями в мессенджерах формой гражданско-правового договора. Установлено, что соглашением сторон должна быть определена возможность обмена электронными документами, а адресат и отправитель электронных сообщений – идентифицироваться: если сообщение достоверно исходит от стороны по договору и получено другой стороной, то его содержа-

ние связывает их. При исследовании проблемы связанности присоединившегося субъекта соглашением, заключенным путем покупок или заказа услуг в Интернете, выявлено, что в подавляющем большинстве случаев потребители не знакомятся с условиями договоров. Незнание действительной информации о договоре не влечет, как правило, негативных последствий для покупателя (заказчика), поэтому при возникновении конфликта суд может прийти к выводу о несвязанности потребителя условиями договора, к которому он присоединился в силу того, что не уяснил его смысл. **Выводы:** электронный документ – сканированная копия бумажного документа, письмо, направленное по электронной почте, документ, размещенный на сайте компании в качестве договора присоединения. Он является полноценным документом, выражающим волю сторон договора. Специфика электронной формы требует установления возможности идентифицировать лицо, от которого исходит документ, подтверждения факта осознанного присоединения к договору, определения точного содержания соглашения.

Ключевые слова: договор, форма договора, электронный документ, обмен электронными документами, интернет-торговля.

Цитирование. Козлова М. Ю. Текст договора в электронной форме // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 48–53. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.6>

Введение

Для большинства договоров, заключаемых в соответствии с российским гражданским законодательством, требуется письменная форма: договор должен существовать в виде единого документа, подписанного сторонами, или нескольких документов, которыми обмениваются стороны. В этом случае правовые последствия заключенной сделки возникают с момента облечения ее в письменную форму. Такая форма обеспечивает интересы как самих контрагентов, воля которых приобретает определенность и окончательность, так и третьих лиц, получающих возможность уяснить содержание соглашения сторон.

Цифровизация экономики, подразумевающая компьютерную алгоритмизацию производственных, транспортных, коммуникационных и других процессов [1, с. 31], порождает, соответственно, и электронный документооборот. Электронный документ имеет безусловные отличия от бумажного, поскольку в него технически проще внести изменения, но сложнее обнаружить и доказать их. Его авторство может быть подтверждено только на основании презумпции авторства того лица, от которого исходит документ. В то же время документ в электронной форме скорее рассматривается участниками оборота в качестве копии, требующей подтверждения на бумаге. Перед правом стоят проблемы определения минимально необходимых признаков, которые достаточны для признания электронного документа или обмена электронными

документами, договором, а также связанности лица, присоединяющегося к договору путем совершения действий в сети Интернет.

Текст договора, заключенного путем обмена сообщениями в электронной форме

В связи с развитием технологий стороны предпочитают обмениваться электронными документами, в частности по электронной почте, хотя не всегда такого рода обмен признается заключением договора. Суду должны быть представлены доказательства того, что лицо, осуществляющее переписку, имело полномочия действовать от имени контрагента и направляло сообщения в адрес другой стороны договора. Действует презумпция, в соответствии с которой письмо, отправленное с электронного почтового ящика, указанного в официальных документах, считается сообщением стороны договора. Хотя следует учитывать, что идентификация лица, направившего его, в какой-то мере носит условный характер – действия, совершаемые в Интернете, не имеют столь явно выраженной привязки к конкретной личности и могут быть совершены кем угодно [8]. Договор может заключаться посредством и сообщений по электронной почте, и обмена сканированными копиями документов.

О договорных отношениях может свидетельствовать переписка по электронной почте в совокупности с совершением каких-либо активных действий в пользу одного из участ-

ников отношений (например, оплаты) [2]. Само по себе наличие переписки не всегда свидетельствует о заключении договора, поскольку стороны могут не прийти к соглашению по поводу его существенных условий.

Получение или отправка сообщения с использованием адреса электронной почты, известного как почта самого лица или служебная почта его компетентного сотрудника, свидетельствует о совершении этих действий самим лицом, пока им не доказано обратное (при установлении соблюдения порядка проведения проверки и изъятия доказательств) [5].

Полномочия лица, осуществляющего переписку от имени контрагента, должны быть подтверждены, иначе обмен документами по поводу заключения договора не может подтверждать факт его заключения [4]. Если стороны в своем соглашении условились о признании юридической силы документов, направляемых по электронной почте, то игнорирование сообщений почты рассматривается как уклонение от исполнения обязательств [6].

В качестве доказательства заключения договора путем обмена электронными письмами суды рассматривают их распечатку с указанием адресов электронной почты и времени отправления. При этом должно быть предоставлено подтверждение принадлежности электронной почты тому или иному контрагенту: это может быть как условие договора, так и указание на официальных бланке или сайте организации. Стороны спора могут обратиться к нотариусу за удостоверением доказательства – электронной переписки, а также дать суду возможность непосредственно обозреть переписку. Как правило, стороны не только определяют официальные адреса электронной почты, но и указывают конкретного работника, ответственного за взаимодействие с контрагентом, и сообщения посредством электронного адреса такого работника также принимаются во внимание.

Контрагенты могут своим соглашением исключить возможность общения посредством электронной почты, определив перечень способов передачи сообщений. Однако чаще всего стороны, напротив, согласовывают возможность переписки по электронной почте. Типичным условием является, например, следующее: «Стороны договорились вести ин-

формационный обмен с использованием адресов электронной почты, указанных в реквизитах сторон договора».

Судами в качестве доказательств по спорам, связанным с договорными отношениями, принимаются во внимание сообщения не только по электронной почте, но и в мессенджерах (например, WhatsApp). Обычно сообщениями в мессенджерах и социальных сетях стороны обмениваются уже в процессе исполнения договора, например, при обнаружении каких-либо недостатков товара или услуги. В частности, в них может содержаться информация о принятии всей партии товара без каких-либо оговорок [7]. В случае если стороны договора пришли к соглашению о необходимости составления какого-либо письменного документа при обнаружении недостатков товара или услуг, обмен сообщениями в мессенджерах не будет рассматриваться как доказательство существования указанных недостатков. Кроме того, если стороны в договоре определили порядок обмена юридически значимыми сообщениями, то суды не принимают подобную переписку в качестве надлежащего доказательства [3].

Переписка может быть рассмотрена как подтверждение существования договорных отношений, если отправитель и получатель однозначно идентифицируются. Необходимо учитывать, что в мессенджерах обычно используется разговорный язык, а не деловой, что не всегда позволяет доподлинно установить смысл текста, а также принадлежность переписки к согласованию условий договора или его исполнению.

В случае если договор заключается посредством обмена сообщений по электронной почте, отсутствует единый текст, из которого следуют условия соглашения. Содержание соглашения возможно установить исключительно на основе текста писем, документов, а также фактических действий сторон. Обмен сканированными копиями бумажных документов позволяет более точно согласовать волю сторон. В процессе обмена документами по электронной почте принципиальным является вопрос об идентификации сторон соглашения: если сообщение достоверно исходит от стороны по договору и получено другой стороной, то содержание этого сообщения связывает их.

Текст договора, заключенного путем присоединения к предложению контрагента в сети Интернет

Предложение заключить договор может содержаться в самостоятельном документе, размещаемом в сети Интернет и прямо именуемом публичной офертой. Договор также может быть заключен путем совершения действий через веб-сайт (например, покупка товаров, заказ услуг через интернет-магазин, или интернет-аукцион, а также посредством приложений для смартфона). Как раз на подобные ситуации рассчитана новая редакция ст. 160 ГК РФ, действующая с 1 октября 2019 г., устанавливающая правило, согласно которому письменная форма сделки считается соблюденной, если сделка совершена с помощью электронных и других технических средств.

Например, договоры могут заключаться путем подтверждения согласия в предлагаемых формах на сайте или использования функционала сайта / мобильного приложения. Как правило, такие договоры заключаются с потребителями, то есть физическими лицами, которые заказывают товары или услуги для своих личных нужд. При заключении подобных договоров используется прием, предполагающий отсылку к иным документам, имеющимся на сайте, что отличает такого рода потребительские договоры и ставит потребителя в невыгодное, по сравнению с предпринимателем, положение. Таким образом, требуются значительные затраты времени и усилий для того, чтобы выяснить действительные условия договора.

Кроме того, текст договора является типовым, составляется продавцом или исполнителем и потенциально может содержать несправедливые для присоединяющейся стороны условия. Как указывается в п. 1 ст. 3 Директивы Совета Европейских сообществ от 5 апреля 1993 г. «О несправедливых условиях в договорах с потребителями» (93/13/ЕЭС), договорное условие несправедливо, если приводит к значительному дисбалансу в правах и обязанностях в ущерб потребителю [10].

Основной юридической проблемой является связанность потребителя условиями соглашения в том случае, если он в действитель-

ности не ознакомился с ними. Согласно исследованиям даже для соглашений, где потребители должны подтвердить, что они прочитали и согласились с условиями, прежде чем покупать продукт, и эти условия заметны и доступны, процент людей, которые действительно прочитали их, находится в диапазоне от 0,05 до 0,22 % [9]. Несмотря на то, что продавец или исполнитель должны обеспечить возможность ознакомиться с условиями договора, реально контролировать этот процесс практически невозможно. Поэтому не исключено, что при возникновении конфликта суд может прийти к выводу о несвязанности потребителя условиями договора, к которому он присоединился.

Размещение формуляра договора таким образом, чтобы потребитель обязательно ознакомился с ним, должно способствовать информированию потребителя и защите его интересов. При этом нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что потребитель не критически относится к условиям договора, осуществляемого посредством сети Интернет, и подписывается под условиями, даже если они несправедливые. В то же время следует признать, что онлайн-торговля носит массовый характер, сумма сделки не является значительной для покупателя (заказчика), поэтому незнание действительной информации о заключаемом договоре, как правило, не влечет для него негативных последствий. Кроме того, эффективными можно признать процедуры разрешения споров, используемых на крупных торговых площадках, таких как AliExpress: это так называемые «споры», которые ведутся сначала с продавцом, а затем с администрацией торговой площадки, и завершаются в большинстве случаев удовлетворением требований потребителя.

Выводы

Текст гражданско-правового договора может содержаться в электронных документах, которыми обмениваются стороны или к которым присоединяется одна сторона по предложению другой в сети Интернет. К электронным документам относятся: сканированная копия бумажного документа, письмо, направленное по электронной почте, документ, раз-

мещенный на сайте компании в качестве договора присоединения. Специфика электронной формы требует установления возможности идентифицировать лицо, от которого исходит документ, подтверждения факта осознанного присоединения к договору, определения точного содержания соглашения. При этих условиях текст соглашения сторон будет содержаться в электронных документах, а обмен – считаться соблюдением письменной формы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00251 «Тенденции развития языковых средств юридической техники гражданско-правового договора».

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-011-00251 “The tendencies of juridical technique’s language means development in civil contract”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров, А. И. Цифровые токены в инструментарии современной внешнеторговой деятельности хозяйствующих субъектов юрисдикций БРИКС /А. И. Гончаров, М. В. Гончарова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 3. – С. 31–42. – (На англ.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.5>.

2. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2019 № 19-КГ18-49. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1754708 (дата обращения: 30.08.2019). – Загл. с экрана.

3. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.08.2019 по делу № А56-54185/2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/7d51458f-a394-40fb-a88c-817e504ee2ce> (дата обращения: 05.09.2019). – Загл. с экрана.

4. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 01.04.2019 по делу № А62-3369/2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/8049f9d2-a5fa-43d2-be4d-c67cf014fc24> (дата обращения: 20.07.2019). – Загл. с экрана.

5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12.11.2013 № 18002/12. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.arbitr.ru/bras.net/>

f.aspx?id_casedoc=1_1_50541280-07f7-48b2-b0c0-8d561b047348 (дата обращения: 20.07.2019). – Загл. с экрана.

6. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 29.03.2019 по делу № А40-26540/18-3-185. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/8fdd4555-6e96-4526-99d4-5c9cf0fe4d6e> (дата обращения: 25.08.2019). – Загл. с экрана.

7. Решение Арбитражного суда Новосибирской области по делу от 29.03.2019 № А45-17427/2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/433a97a1-6f0f-4049-b758-9f591b6b4480> (дата обращения: 22.08.2019). – Загл. с экрана.

8. Савельев, А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование /А. И. Савельев. – 2-е изд. – М.: Статут, 2016. – 640 с.

9. Bakos, Ya. Does Anyone Read the Fine Print? Consumer Attention to Standard Form Contracts (January 1, 2014) / Ya. Bakos, F. Marotta-Wurgler, D.R. Trossen // *Journal of Legal Studies*. – 2014. – Jan., vol. 43, № 1. – P. 1–35. – DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1443256>.

10. Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on unfair terms in consumer contracts. – Electronic text data. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31993L0013:en:HTML> (date of access: 28.08.2019).

REFERENCES

1. Goncharov A.I., Goncharova M.V. Tsifrovye tokeny v instrumentarii sovremennoy vneshnetorgovoy deyatel'nosti khozyaystvuyushchikh subyektov yurisdiktsii BRIKS [Digital Tokens in the Tools of Modern Foreign Trade Activities by Economic Entities of the BRICS Jurisdictions]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, vol. 18, no. 3, pp. 31-42. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.3.5>.

2. *Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 19.03.2019 № 19-KG18-49* [Determination of the Supreme Court in Case 19KG18-49 Dated March 19, 2019]. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1754708 (accessed 30 August 2019).

3. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 22.08.2019 po delu № A56-54185/2018* [Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District in Case No A56-54185/2018 Dated August, 22, 2019]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/7d51458f-a394-40fb-a88c-817e504ee2ce> (accessed 5 September 2019).

4. *Postanovlenie Dvadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 01.04.2019 po delu № A62-3369/2018* [Resolution of the Twentieth Arbitration Court of Appeal in case No A62-3369/2018 dated

April 1, 2019]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8049f9d2-a5fa-43d2-be4d-c67cf014fc24> (accessed 20 July 2019).

5. *Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 12.11.2013 №18002/12* [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration court of the Russian Federation of 12.11.2013 № 18002/12]. URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_50541280-07f7-48b2-b0c0-8d561b047348 (accessed 20 July 2019).

6. *Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy ot 29.03.2019 po delu № A40-26540/18-3-185* [The Decision of the Arbitration Court of Moscow in Case No A40-26540/18-3-185 Dated March 29, 2019]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8fdd4555-6e96-4526-99d4-5c9cf0fe4d6e> (accessed 25 August 2019).

7. *Reshenie Arbitrazhnogo suda Novosibirskoy oblasti po delu ot 29.03.2019 № A45-17427/2018* [The

Decision of the Arbitration Court of the Novosibirsk Region in Case No A45-17427/2018 Dated March 29, 2019]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/433a97a1-6f0f-4049-b758-9f591b6b4480> (accessed 22 August 2019).

8. Savelyev A.I. *Elektronnaya kommertsiya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie* [E-Commerce in Russia and Abroad: Legal Regulation]. Moscow, Statut Publ., 2016. 640 p.

9. Bakos Ya., Marotta-Wurgler F., Trossen D.R. Does Anyone Read the Fine Print? Consumer Attention to Standard Form Contracts. *Journal of Legal Studies*, 2014, January, vol. 43, no. 1, pp. 1-35. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1443256>.

10. *Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on unfair terms in consumer contracts*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31993L0013:en:HTML> (accessed 28 August 2019).

Information about the Author

Marina Yu. Kozlova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Leading Researcher, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kozlova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6651-4392>

Информация об авторе

Марина Юрьевна Козлова, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, kozlova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6651-4392>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.7>

UDC 34.347.45
LBC 67.0

Submitted: 25.07.2019
Accepted: 25.08.2019

SMART CONTRACT: THE CONCEPT, LEGAL NATURE, FEATURES OF CONCLUSION AND EXECUTION

Nizami Elmar ogli Safarli

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper is devoted to a new phenomenon in business activity in the conditions of IT development that contribute to the creation of secure contractual relations on the Internet on the basis of transactions executed through smart contracts. The author notes that the need for amendments that could fill the loopholes in the current legislation is obvious. And, first of all, it concerns Blockchain technology – the algorithm that mediates the safe development, conclusion and execution of smart contracts. Blockchain technology is considered in the paper as one of the safest means for concluding and executing smart contracts. The author argues that the study of the concept, legal nature and essence of smart contracts is relevant in the light of spreading their share in the total array of transactions in the world economy in conjunction with the changing domestic legislation governing the relevant sphere, as well as the international integration processes affecting the intensification of foreign economic activity of the Russian Federation. The smart contract concepts formulated by the Russian legislator in the process of upgrading the array of statutory regulation under conditions of economy digitalization are studied and compared. The features of conclusion and protection of the smart contract in the civil legislation of the Russian Federation are analyzed. In order to fully articulate the concept of the smart contract, reflecting its essence, functional purpose and legal nature, it is proposed to create a special law that would focus on the conclusion and implementation of “the smart contract” and the specification of the general norms of the civil code. At the same time, the norms of other special laws would supplement and correct the provisions fixed by this act depending on the sphere of managing and the legal regulation branch. The concept of the smart contract is formulated; its value for economic and contractual activity, and also the advantages and disadvantages of its application are established. The possible classifications of smart contracts are given.

Key words: business activity, contractual relations, electronic contracts, digital law, blockchain, cryptocurrency, smart contract, civil legislation.

Citation. Safarli N.E. ogli. Smart Contract: The Concept, Legal Nature, Features of Conclusion and Execution. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 54-60. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.7>

УДК 34.347.45
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 25.07.2019
Дата принятия статьи: 25.08.2019

СМАРТ-КОНТРАКТ: ПОНЯТИЕ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ

Низами Эльмар оглы Сафарли

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья посвящена новому явлению в предпринимательской деятельности – смарт-контрактам (так называемым «умным договорам»), способствующим созданию безопасных договорных отношений в сфере Интернета и IT-технологий. Одним из самых безопасных средств заключения договоров является технология блокчейн, в рамках которой функционирует данный тип контрактов. **Цель:** рассмотреть и охарактеризовать понятие «смарт-контракт», определить его место в российском законодательстве. **Методы:** в работе использованы сравнительно-правовой метод, а также методы системности и анализа.

Результаты: утверждается, что исследование понятия, правовой природы и сущности смарт-контрактов актуально в связи с распространением увеличением их доли в общем массиве сделок в мировой экономике. Изучаются и сопоставляются трактовки термина «смарт-контракт», сформулированные российским законодателем в процессе модернизации массива правового регулирования в условиях цифровизации национальной экономики; анализируются особенности заключения и охраны смарт-контракта в гражданском законодательстве РФ. Отмечается необходимость поправок, которые могли бы восполнить образовавшиеся в действующем законодательстве пробелы в отношении блокчейна в целом и смарт-контрактов в частности. **Выводы:** предлагается создать специальный закон, отражающий сущность понятия «смарт-контракт», его правовую природу и функциональное назначение, а также ориентированный на заключение и реализацию «умного договора», конкретизацию общих норм Гражданского кодекса. При этом предполагается, что нормы иных специальных законов дополняли бы и корректировали закрепленные этим актом положения в зависимости от сферы хозяйствования и отрасли правового регулирования. Дается формулировка термина «смарт-контракт»; отмечается его значение для хозяйственно-договорной деятельности, а также преимущества и недостатки применения. Приводятся возможные классификации смарт-контрактов.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, договорные отношения, электронные договоры, цифровое право, блокчейн, криптовалюта, смарт-контракт, гражданское законодательство.

Цитирование. Сафарли Н. Э. оглы. Смарт-контракт: понятие, правовая природа, особенности заключения и исполнения // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 54–60. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.7>

Введение

Развитие IT-технологий настолько стремительное, что сегодня затрагивает все сферы человеческой жизни, вследствие чего появляются, новые упрощенные способы ведения жизнедеятельности. Не осталось в стороне и право, упорядочивающее эти процессы. Юристов уже не удивляют такие слова, как «блокчейн» или «криптовалюта». Интернет-пространство вызывает все большее доверие как у простых граждан, так и у субъектов хозяйственной деятельности. IT-технологии способствуют созданию в Интернете безопасных предпринимательских правоотношений, договорной основой которых зачастую становятся сделки, в том числе оформленные посредством смарт-контрактов, так называемых «умных договоров». При этом договорные отношения развиваются гораздо стремительнее, чем нормы, направленные на их регулирование, что, по утверждению специалистов, является следствием выполнения правом одной из важнейших функций – стабилизации [10].

В российском законодательстве договорное право основывается на достаточном массиве правовых норм, которые способны урегулировать порядок заключения, изменения или расторжения гражданско-правовых договоров, в том числе электронных. Гражданским пра-

вом предусматривается определение природы и различных условий таких договоров. Однако процесс совершенствования договорного права с учетом развития IT-технологий и смарт-контрактов неизбежен. Необходимость поправок, которые смогли бы восполнить образовавшиеся пробелы в действующем законодательстве, очевидна. Прежде всего это касается технологии блокчейна (Blockchain) – алгоритма, опосредующего безопасное развитие, заключение и исполнение смарт-контрактов.

Характеристика технологии блокчейн

Блокчейн – построенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка содержащих информацию блоков. Данная технология интенсивно развивается на протяжении последнего десятилетия. Определение блокчейна впервые было дано в докладе Всемирного экономического форума: «Это технологический протокол, который позволяет обмен данными напрямую между различными договаривающимися сторонами внутри сети без необходимости посредников» [2]. В основе этой технологии заложена система распределенного ведения реестра, в которой отсутствует централизованное хранилище данных, что делает блокчейн одним из самых безопасных средств для хранения и передачи информации, а также совершения сделок и раз-

личных операций, в том числе в сфере криптовалют. Помимо финансовой сферы блокчейн нашел свое применение и во многих других сферах деятельности, в частности в сфере интеллектуальной собственности.

Понятие «смарт-контракт» в мировом законодательстве

Понятие «смарт-контракт» распространилось по всему миру с небывалой скоростью и уже внедряется в российское законодательство. Ранее в законах не было аналога «умному договору», поэтому необходимость создания правовых мер, которые смогут обеспечить его заключение и исполнение с учетом защиты интересов сторон, очевидна.

Идея смарт-контракта (smart contract) была сформулирована и предложена в 1994 г. ученым в области информатики, криптографии и права Ником Сабо [4]. Заключалась она в том, что описание всех условий «умного контракта» должно осуществляться с помощью математических инструментов и языков программирования. Непосредственно смарт-контракт Ник Сабо описывал в своих работах как электронный алгоритм, предназначенный для автоматизации процесса исполнения контрактов в блокчейне [12]. Однако практическая реализация такого контракта на том этапе развития технических возможностей была невозможна. Лишь в 2008 г. Сатоши Накамото предложил концепцию блокчейна, а практически ее реализовали только в 2009 году. В российском праве интерес к данному понятию возник всего несколько лет назад.

Принцип действия смарт-контракта заключается в следующем: содержание договора записывается в виде кода в компьютерной программе, отслеживающей и обеспечивающей исполнение обязательств. Стороны сделки прописывают в таком контракте условия, а также санкции за их невыполнение [11, с. 205–213].

Исследование понятия, правовой природы и сущности смарт-контрактов представляется актуальным, учитывая тенденции к их распространению в мировой экономике в совокупности с меняющимся отечественным законодательством, регулирующим соответствующую сферу, и международными интеграционными процессами, влияющими на ин-

тенсификацию внешнеэкономической деятельности Российской Федерации.

Понятие «смарт-контракт» в российском законодательстве

Для того чтобы узнать, как формируется «умный договор», необходимо сделать отсылку на законопроекты, которые разрабатываются государством на сегодняшний день. В период с 2017 г. по настоящее время в законодательстве возникло несколько законопроектов, нацеленных на обеспечение охраны смарт-контрактов.

В законопроекте, предложенном Центральным Банком РФ, понятие «смарт-контракт» характеризуется как «договор в электронной форме, который определяет исполнение прав и обязательств путем совершения в автоматическом порядке цифровых записей в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [5]. Отметим, что данное определение является наиболее распространенным, однако, на наш взгляд, не в полной мере отображающим сущность смарт-контракта.

В проекте ФЗ «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинг)» понятие «смарт-контракт» схоже с понятием, закрепленным в проекте «О цифровых и финансовых активах». В нем также содержится уточнение, согласно которому при использовании смарт-контрактов возможно совершение действий, которые будут направлены на установление, изменение и прекращение прав и обязанностей участников инвестиционной платформы [6].

Характеристика смарт-контракта, которая предлагается в проекте ФЗ «О цифровых финансовых активах» [7] Министерством финансов РФ, является, по нашему мнению, усеченной и ориентированной на транзакции, однако для данного исследования необходимы расширенные понятия, нацеленные на заключение контрактов.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствует нормативно закрепленное понятие «смарт-контракт». В попытке легализовать и законодательно закрепить его определение наиболее успешными представляются Центральный Банк РФ и Министерство финансов

РФ. На наш взгляд, можно говорить о том, что смарт-контракт в гражданском праве является лишь условием договора о его автоматическом исполнении, а не сам договор.

Особенности заключения и охраны смарт-контракта в гражданском законодательстве РФ

Анализируя вопросы правового регулирования заключения смарт-контрактов, необходимо обратиться к проекту, разработанному с целью внесения изменений в ГК РФ [8]. Согласно данному документу в ГК РФ необходимо ввести такие понятия, как «цифровое право» и «цифровые деньги».

Рассмотрим данные термины в непосредственной связи с заключением смарт-контрактов. В тех ситуациях, когда законом предусмотрено право на объект гражданского права (исключением являются нематериальные блага), сделка может быть заверена совокупностью электронных данных. В этом случае под совокупностью подразумевается цифровой код, которые расположены в электронной системе, отвечающей критериям децентрализованной информационной системы. Созданная информационная система обязана обеспечивать лицу уникальный код, позволяющий в любое время ознакомиться с описанием соответствующего объекта гражданских прав. Именно цифровой код будет являться цифровым правом в гражданском законодательстве.

Под цифровыми деньгами понимается совокупность данных в электронной информационной системе. Однако эта совокупность не удостоверяет право на какой-либо объект гражданского права, но способствует осуществлению платежей пользователями этой системы.

Следует уточнить, что к указанному проекту опубликована Пояснительная записка, в которой уточняется, что факт сделки, совершенной при помощи цифровых прав, в том числе смарт-контрактов, не оспаривается участниками [9]. Так, после регистрации и опознавания пользователей в системе, все их действия ведутся при помощи электронного алгоритма, а лицо, желающее приобрести данный объект или заключить сделку, получает свои права на данный объект при помощи наступления описанных ранее обстоятельств.

Следовательно, такая сделка происходит компьютеризовано, без каких-либо вмешательств той или иной стороны. В момент ее совершения цифровое право списывается у продавца и переходит покупателю, а деньги – у покупателя и переходят продавцу согласно условиям, которые были заключены между ними. По общему правилу такое списание нельзя оспаривать (исключением является вмешательство в программу).

В момент заключения этого договора стороны должны осознавать результаты совершения своих действий и дальнейшие последствия. Так, воля на заключение договора включает волю на его исполнение.

Следовательно, законодатель уточняет, что иных норм, которые регулировали бы заключение смарт-контракта, не требуется, поскольку необходимые нормы уже существуют в ГК РФ.

Очевидно, что нормы ст. 420–434 ГК РФ несколько не противоречат заключению смарт-контрактов [3, с. 17]. Так, для заключения и обычных договоров, и договоров с применением IT-технологий необходимо соглашение двух или нескольких лиц, между которыми будет достигнуто соглашение по поводу существенных условий. Договор в любом из его проявлений, в письменной или электронной формах, будет заключен только с направлением оферты одной стороной и ее акцепта другой. Статьей 434 ГК РФ также закреплено, что договор может быть заключен путем обмена электронными документами, передаваемыми по связи и с достаточной точностью способными заверить, что данное предложение исходит от лица, которое является стороной в договоре [1].

Результаты

Нормы ГК РФ могут применяться для составления, заключения и исполнения смарт-контрактов. Однако изучив проекты, представленные законодателем на данный момент, можно констатировать, что в них не отражается в полной мере сущность смарт-контрактов и не предоставляются гарантии на его реализацию. Они не направлены на полное раскрытие сути смарт-контракта как программного кода и не изучают его функциональную роль в качестве обес-

печительного обязательства и способа исполнения обязательства одной стороной перед другой. Полагаем, что для полного раскрытия понятия «смарт-контракт» необходимо создать самостоятельный закон, который был бы ориентирован именно на заключение и реализацию «умного договора» и конкретизацию общих норм ГК РФ. Вместе с тем нормы иных специальных законов дополняли бы и корректировали закрепленные этим законом положения в зависимости от сферы хозяйствования и отрасли правового регулирования.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Смарт-контракт является алгоритмом, предназначенным для автоматизации процесса исполнения контрактов. Иначе его можно определить, как набор правил и последовательность действий для их исполнения. Эти правила изначально хранятся в качестве условий контракта, далее проводится их автоматическая проверка, а затем выполняются условия согласно цифровому протоколу.

В зависимости от объема внесенных данных смарт-контракты подразделяются: на автоматизированные в полном объеме, то есть абсолютно все условия сделки прописаны в программе; автоматизированные частично, то есть одна часть условий прописана в программе, другая – на бумажном носителе.

Кроме того, смарт-контракты классифицируются в соответствии со сферой применения: на контракты в сфере контроля имущественных отношений; финансовые сервисы – торговля на бирже, участие в аукционах и др.; исполнение обязательств по различным формам банковских кредитных продуктов в момент наступления событий; социальные сервисы, включая проведение различного рода голосований, выборов, процессы страхования; организацию управления доставкой и хранением продуктов.

Наиболее обоснованным для целей гражданского права будет рассмотрение смарт-контракта как формы заключения договора, а не его вида.

Значение этих контрактов прежде всего обусловлено такими преимуществами, как

самоисполняемость (главная цель данной технологии); прозрачность сделки (можно отследить все действия по исполнению смарт-контракта); защита от внесения изменений, не утвержденных сторонами; возможность совершения сделок анонимно.

Существенной проблемой является отсутствие законодательного закрепления смарт-контрактов как формы заключения гражданско-правовых соглашений. К числу минусов их использования можно также отнести: смарт-контракты – это программный код, который опосредует возможность ошибок и сбоев в программе, что подразумевает необходимость привлечения специалиста по IT-технологиям и оплату его услуг; до сих пор отсутствует детальное регулирование правоотношений и правоприменительная практика по правовым вопросам, связанные со смарт-контрактами (на сегодняшний день приняты только базовые положения); обнаруживается крайне низкий уровень распространенности в России системы смарт-контрактов, поскольку согласно внутреннему регулированию они должны дублироваться на бумажном носителе, что противоречит природе смарт-контрактов, ориентированной на замену бумажного документооборота цифровым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ (ред. 23.05.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Анищенко, А. Вызов цифровой экономики: смарт-контракты и цифровые права / А. Анищенко // Зуйков и партнеры. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://zuykov.com/ru/about/articles/2019/05/20/vyzov-ciffovoj-ekonomiki-smart-kontrakty-i-cifrovu> (дата обращения: 31.05.2019). – Загл. с экрана.
3. Дядькин, Д. С. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования / Д. С. Дядькин, Ю. М. Усольцев, Н. А. Усольцева // UNIVERSUM: Экономика и юриспруденция. – 2018. – № 5 (50). – С. 17–20.
4. Мамаева, Н. В. Смарт-контракты / Н. В. Мамаева // Наука и образование. – 2018. – № 4 (27). – С. 11–12.
5. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.ib.ru/law/81> (дата обращения: 14.04.2019). – Загл. с экрана.

6. Проект Федерального закона «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)»: [текст по состоянию на 25.01.2018]. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/48806/20180125_02.pdf (дата обращения: 14.04.2019). – Загл. с экрана.

7. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о цифровых финансовых активах)»: (текст ко второму чтению). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Проект Федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://lexfeed.ru/law/424632-7> (дата обращения: 14.04.2019). – Загл. с экрана.

9. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»: [не действует]. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».

10. Civil law in the digital economy: analysis of doctrinal adaptation trends / A. O. Inshakova, E. I. Inshakova, A. J. Ryzhenkov, M. V. Sevostyanov / Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952-2018). – Cham : Springer Nature. – 2019. – [In print].

11. Kalinina, A. E. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts / A. E. Kalinina, A. O. Inshakova, A. I. Goncharov // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / ed. by E. G. Popkova. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – Vol. 826. – P. 205–213. – (Studies in Computational Intelligence).

12. Szabo, N. The Idea of Smart Contracts / N. Szabo. – Electronic text data. – Mode of access: http://szabo.best.net/smart_contracts_idea.html (date of access: 01.06.2019). – Title from screen.

REFERENCES

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ : (red. ot 23.05.2018) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) Dated November 30, 1994 No. 51-FZ: (As Amended on May 23, 2018)]. *Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.

2. Anishchenko A. Vyzov tsifrovoy ekonomiki: smart-kontrakty i tsifrovyye prava [The Challenge of the Digital Economy: Smart Contracts and Digital Rights]. *Zuykov i partnery* [Zuikov and Partners]. URL: <https://zuykov.com/ru/about/articles/2019/05/20/vyzov-cifrovoj-ekonomiki-smart-kontrakty-i-cifrovoy> (accessed 31 May 2019).

3. Dyadkin D.S., Usoltsev Yu.M., Usoltseva N.A. Smart-kontrakty v Rossii: perspektivy zakonodatelnogo regulirovaniya [Smart Contracts in Russia: Prospects of Legislative Regulation]. *UNIVERSUM: Ekonomika i yurisprudentsiya* [UNIVERSUM: Economics and Jurisprudence], 2018, no. 5 (50), pp. 17-20.

4. Mamaeva N.V. Smart-kontrakty [Smart Contracts]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education], 2018, no. 4 (27), pp. 11-12.

5. *Proekt Federalnogo zakona № 419059-7 «O tsifrovyykh finansovykh aktivakh»* [The Draft Federal Law No 419059-7 “On Digital of Financial Aassets”]. URL: <https://www.ib.ru/law/81> (accessed 14 April 2019).

6. *Proekt Federalnogo zakona «Ob alternativnykh sposobakh privlecheniya investitsiy (kraudfandinge)»* [Draft Federal Law “On Aternative Ways of Attracting Investments (Crowdfunding)”]. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/48806/20180125_02.pdf (accessed 14 April 2019).

7. *Proekt Federalnogo zakona № 419059-7 «O tsifrovyykh finansovykh aktivakh i o vnesenii izmeneniy v otdelnye zakonodatelnye akty Rossiyskoy Federatsii (o tsifrovyykh finansovykh aktivakh)»* [Draft Federal Law No 419059-7 “On Digital Financial Assets and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation (On Digital Financial Assets)”]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.

8. *Proekt Federalnogo zakona № 424632-7 «O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu, vtoruyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii»* [Draft Federal Law No. 424632-7 “On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation”]. URL: <https://lexfeed.ru/law/424632-7> (accessed 14 April 2019).

9. *Poyasnitelnaya zapiska k projektu federalnogo zakona № 424632-7 «O vnesenii izmeneniy v chasti pervuyu, vtoruyu i chetvertuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii»* [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 424632-7 “On Amendments to Parts One, Two and Four of the Civil Code of the Russian Federation”]. Access from “Garant” Informational and Legal Web Portal.

10. Inshakova A.O., Inshakova E.I., Ryzhenkov A.J., Sevostyanov M.V. Civil Law in the Digital Economy: Analysis of Doctrinal Adaptation Trends. *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age*:

Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952-2018). Cham, Springer Nature, 2019. [In print]

11. Kalinina A.E., Inshakova A.O., Goncharov A.I. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts. Popkova E.G. ed. *Ubiquitous Computing and the*

Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT. Cham, Springer Science + Business Media, 2019, vol.826, pp. 205-213. (Studies in Computational Intelligence).

12. Szabo N. *The Idea of Smart Contracts*. URL: http://szabo.best.net/smart_contracts_idea.html (accessed 1 June 2019).

Information about the Author

Nizami Elmar ogli Safarli, Postgraduate Student, Department of Civil and Private International Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, nizami1994@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4568-5774>

Информация об авторе

Низами Эльмар оглы Сафарли, аспирант кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, nizami1994@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4568-5774>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.8>

UDC 347.45.47
LBC 47.404.2

Submitted: 28.08.2019
Accepted: 03.10.2019

E-PROCUREMENT AS A WAY TO PROTECT THE PUBLIC INTEREST¹

Marina V. Shmeleva

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Introduction: the paper is devoted to the study of legal mechanisms in the area of public procurement, which can ensure the protection of the public interest and respect for fundamental human rights and freedoms. Modern international law requires that the public procurement regulations include the standards for the protection of fundamental human rights. There are serious loopholes in the Russian procurement legislation regarding the application of human rights protection standards in the performance of contractual obligations. For this **purpose**, the author reveals the hierarchy of interests of all the subjects of legal relations in the area of procurement and the main ways of violations of human rights and the public interest. By means of **methods** of scientific knowledge, first of all, comparative jurisprudence, the system of public procurement in comparison with the contract system of the USA was considered. The paper also uses specific methods of scientific knowledge, including: system-structural, formal-logical, as well as special legal methods of normative interpretation. **Results:** it is pointed out that the lowest-price competition often encourages States to support unscrupulous contractors who violate the fundamental human rights, fail to comply with the occupational safety standards and pay low wages. In particular, in Russia, the law does not allow obliging customers to only enter into a contract with those procurement participants who are ready to ensure compliance with the labor rights. In such a situation, human rights could only be protected by ensuring transparency in the procurement process. In turn, achieving transparency of procurement is only possible with the use of digital technologies. **Conclusions:** according to the results of the study, it should be assumed that the current procurement rules in Russia at each stage need to be improved in terms of filling in the loopholes in the human rights procurement standards aimed at ensuring respect for fundamental human rights. The active use of IT-technologies is required for the development and implementation of self-executing agreements in a single information system.

Key words: public procurement, e-procurement, digitalization of procurement, human rights mechanisms in procurement, procurement legislation.

Citation. Shmeleva M.V. E-Procurement as a Way to Protect the Public Interest. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 61-66. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.8>

УДК 347.45.47
ББК 47.404.2

Дата поступления статьи: 28.08.2019
Дата принятия статьи: 03.10.2019

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЗАКУПКИ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ¹

Марина Владимировна Шмелева

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Введение: статья посвящена исследованию правовых механизмов, которые способны обеспечить защиту общественных интересов и соблюдение основополагающих прав и свобод человека в сфере государственных закупок. Современные нормы международного права требуют, чтобы нормативное регулирование государственных закупок включало стандарты защиты основных прав человека. В российском закупочном законодательстве существуют серьезные пробелы в части применения стандартов защиты прав человека при выполнении обязательств по контракту. С **целью** исправления сложившейся ситуации, автор раскрывает иерархию интересов всех субъектов правоотношений в сфере закупок и основные способы нарушений прав человека и общественных интересов. С помощью **методов** научного познания,

прежде всего сравнительного правоведения, рассмотрена система государственных закупок в сравнении с контрактной системой США. Кроме того, в работе использованы частные методы научного познания, в том числе системно-структурный, формально-логический, а также специально-юридические методы нормативного толкования. **Результаты:** отмечено, что конкуренция самой низкой цены часто побуждает государство оказывать поддержку недобросовестным подрядчикам, нарушающим основополагающие права человека, не соблюдают нормы охраны труда и платят низкую заработную плату. В частности, в России закон не позволяет обязывать заказчиков при проведении закупок заключать контракт только с теми участниками закупок, которые готовы обеспечивать соблюдение трудовых прав. В такой ситуации защиту прав человека можно осуществить только путем обеспечения прозрачности закупочного процесса. В свою очередь достижение этой прозрачности возможно исключительно при использовании цифровых технологий. **Выводы:** действующие в России правила закупок на каждом этапе нуждаются в усовершенствовании в части восполнения пробелов в правозащитных стандартах закупок, направленных на обеспечение соблюдения основных прав человека. Требуется активное использование ИТ-технологий в целях разработки и внедрения самоисполняемых контрактов в единую информационную систему.

Ключевые слова: государственные закупки, электронные закупки, цифровизация закупок, правозащитные механизмы в закупках, законодательство о закупках.

Цитирование. Шмелева М. В. Электронные закупки как способ защиты общественных интересов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 61–66. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.8>

Введение

Система государственных закупок является эффективным инструментом концентрации необходимых ресурсов (интеллектуальных, материальных, технологических, трудовых) для осуществления поставленных перед государством задач. Она оказывает определяющее влияние на выполнение основных функций государства, удовлетворение общественных потребностей, реализацию приоритетных национальных проектов.

Очевидно, что государственные закупки осуществляются в целях удовлетворения разнонаправленных общественных и частных интересов. С одной стороны, они проводятся в интересах общества, государства и организаций с государственным участием, с другой – потенциальных поставщиков (исполнителей, подрядчиков). Более того, закупки могут выступать эффективным средством защиты основных прав и свобод каждого отдельного человека, например, когда с их помощью обеспечивается защита интересов профсоюзных организаций или соблюдение прав широкого круга лиц в области охраны труда, запрета на принудительный труд и соблюдения трудовых норм.

Поскольку интересы у всех субъектов правоотношений в сфере государственных закупок имеют разнонаправленный характер, зачастую они могут вступать в противоречие друг с другом. Так, заказчик стремится к полному и качественному удовлетворению своих

потребностей за минимальную цену (в европейских странах – за оптимальную), участник закупки – к извлечению прибыли любыми доступными способами, в том числе путем поставки некачественного товара, государство – к максимальной эффективности закупок и экономии бюджетных средств.

Данное противоречие объяснимо и не вызывает удивления: участник закупки желает при максимизации доходов минимизировать издержки, а заказчику, как правило, необходимо выполнить государственное задание и, как следствие, делать это приходится в условиях ограниченного бюджетного финансирования.

На сегодняшний день отсутствует методика определения значимости разнонаправленных общественных интересов и чаще всего приоритет того или иного интереса решается каузально, что на практике приводит к неизбежному конфликту интересов.

В связи с этим представляется необходимым на доктринальном уровне оптимально гармонизировать общественные и частные интересы в сфере государственных закупок, а на законодательном – установить иерархию значимости таких интересов.

Иерархия интересов в государственных закупках

Стандарт защиты прав человека действует во многих нормативных правовых актах Российской Федерации, включая Конституцию

РФ, ГК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, УК РФ, УПК РФ. Оно заложено и в международных правовых актах. Так, «Всеобщая декларация прав человека» ограничивает осуществление прав человека с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения требований общественного порядка и общего благосостояния [2, ст. 29].

Цель регламентирования интересов в закупках – это создание такой конфигурации прав и обязанностей всех субъектов правоотношений в сфере государственных закупок, при которой максимально обеспечены целостность и сохранность прав отдельного физического или юридического лица, не ущемляющих интересы государства и общества.

Российское закупочное законодательство постоянно находится в поиске приемлемого баланса интересов всех субъектов правоотношений в сфере государственных закупок, в том числе это подтверждается и ст. 31 Закона о контрактной системе [4], согласно которой закрепляется принцип недопущения конфликта интересов между участниками закупки и заказчиком. Указанный принцип выражается в качестве одного из единых требований, предъявляемых ко всем без исключения участникам закупок.

Таким образом, не ставя перед собой невыполнимой задачи по достижению в закупках тождества общих и частных интересов, постараемся выявить разумное и эффективное сосуществование интересов в сфере закупок на всеобщее и личное благо.

Одним из способов гармонизации частных и общественных интересов является осмысление и законодательное закрепление иерархии интересов.

В отечественной литературе выделяется иерархия интересов, которая может быть применима и к сфере закупок [1, с. 105].

Во-первых, общественные интересы. К ним относятся: охрана окружающей среды, обеспечение обороны страны, безопасности государства, общественного правопорядка и охрана труда.

Во-вторых, государственные интересы. Закупки выступают одним из направлений деятельности государства, напрямую влияющим на доступ граждан к основным услугам, таким как образование, здравоохранение и др.

Любой гражданин как пользователь результатов государственных закупок должен обладать правом подать жалобу на некачественно оказанную услугу (плохо отремонтированную детскую площадку, некачественную дорогу и так далее), а уполномоченный орган государственной власти – оперативно и объективно рассмотреть жалобу и принять решение, в том числе провести проверку по этому факту.

Россия уже имеет опыт создания достаточно эффективного механизма процедурного контроля в сфере государственных закупок. Такой же механизм должен быть создан и в отношении контроля за содержательными результатами закупок. Сегодня эти функции фактически никем не осуществляются, хотя нормативно закреплены за органами финансового контроля.

В-третьих, охрана частных интересов. В частности, к относятся: права участников закупки на равный доступ к закупочным процедурам, справедливую и объективную оценку поданных заявок, отсутствие дискриминации и необоснованных ограничений конкуренции по отношению к ним.

В-четвертых, общественные и частные интересы, связанные с реализацией предпринимательских прав (всех остальных, за исключением естественных прав человека). Так, каждый участник закупки имеет интерес в получении прибыли при участии в государственных закупках.

Нарушения прав человека в сфере государственных закупок

Рассмотрим первичные интересы в сфере закупок – общественные. Выработке представленной в настоящей работе позиции отчасти способствовал опыт законодательства США, в котором в случае столкновения частных и общественных интересов также отмечена тенденция к предпочтению интересов большинства.

Современные нормы международного права требуют, чтобы нормативное регулирование государственных закупок включало стандарты уважения к человеческим правам. В российском закупочном законодательстве они не разработаны и не внедрены, и, соот-

ветственно, заказчиками и участниками закупок не выполняются.

В качестве современных примеров нарушений прав человека, связанных с проведением государственных закупок приведем следующие.

1. Подрядчики, которые при исполнении обязательств по контракту не соблюдают трудовое законодательство. Так, субподрядчик на заводе в Тихуане (Мексика), занимающийся изготовлением брони и тактического снаряжения, не выплачивал заработную плату за сверхурочную работу своим сотрудникам [5]. Таким образом, государственные средства направлялись в пользу недобросовестного лица, нарушающего основные человеческие права на отдых и справедливую оплату труда.

2. Подрядчики, которые при исполнении обязательств по контракту, заключенному по результатам проведенных торгов, нарушают права профсоюзных организаций. Так, субподрядчик, участвуя в выполнении крупного оборонного заказа по пошиву униформы для государственных служащих в регионе Теуакан (Мексика), после организации акции протеста профсоюзом уволил 13 его лидеров. После того как рабочие завода проголосовали за присоединение к профсоюзу, субподрядчик закрыл завод, а затем занес в черный список более 400 человек, поддержавших профсоюз от рабочих мест на других заводах [5].

3. Подрядчики, исполнение контрактных обязательств которыми связано с использованием рабства, принудительного труда и торговли людьми. Так, Демократическая Республика Конго выступает ведущим экспортером минералов, таких как кобальт и тантал, необходимых для производства электронных продуктов. Все добывающие отрасли в Конго изобилуют рабством, принудительным трудом и торговлей людьми. Большинство стран мира, в том числе США, ежегодно приобретают указанные минералы для создания электроники для органов исполнительной власти [6].

4. Подрядчики, которые не соблюдают нормы охраны труда, в результате чего гибнут люди. Так, производство одежды для военно-морского флота, сухопутной армии и воздушных сил США осуществлялось на одном из самых опасных заводов в мире. В процессе исполнения обязательств по контракту на пошив

рубашек с морскими логотипами для военно-морского флота США в здании произошел пожар, в котором погибли 112 рабочих [7].

Приведенные выше примеры ясно показывают, что подрядчики, готовые конкурировать за правительственные контракты, нарушат права человека, начиная гонку вне всяких разумных правил. Есть веский аргумент в пользу того, что государства являются соучастниками преступлений против прав человека, поскольку они устанавливают правила этой гонки и пользуются результатами закупок.

На наш взгляд, важно привести два ключевых фактора, способствующих процветанию вышеуказанной деятельности при исполнении государственных контрактов и приводят к бесчеловечным результатам.

Первый фактор – осуществление закупки, в котором главным критерием является низкая цена. В России, к сожалению, в данной сфере традиционно происходит исключительно ценовая конкуренция. Более того, аукционный крен системы закупок только усиливается с каждым годом: доля электронных аукционов с 2017 по 2018 г. выросла с 65,8 до 69,6 %.

Второй фактор – отсутствие квалификационных требований к участникам закупки. Действующее законодательство не разделяет их на квалифицированных и неквалифицированных. Дополнительные требования к участникам закупки предусмотрены только для определенных категорий закупок.

Проведенный анализ закупочного законодательства и административной практики ФАС позволяет прийти к выводу, что для обеспечения максимальной эффективности закупок и достижения экономии необходимо обеспечить доступ к закупкам максимального количества участников. При этом доступность закупочного процесса должна быть обеспечена не для производителя, а для посредника, так как, по мнению представителей ФАС и судебных органов, участник закупки не обязан иметь в наличии товары или необходимые трудовые и материальные ресурсы вплоть до выполнения контракта [3].

На практике это привело к тому, что торги выигрывают профессиональные тендерные игроки, которые затем перепродают контракт

реальным исполнителям, юридически оставаясь стороной контракта, но фактически 100 % отдавая на соисполнение (субподряд), в том числе организациям, также участвовавшим, но не победившим в торгах.

Выводы

Анализ международного опыта позволяет сделать вывод, что конкуренция самой низкой цены часто побуждает государства оказывать поддержку недобросовестным подрядчикам, которые нарушают основополагающие права человека, не соблюдают нормы охраны труда и платят низкую заработную плату. В такой ситуации защиту прав человека можно обеспечить только путем обеспечения прозрачности закупочного процесса.

Именно посредством использования ИТ-технологий можно осуществлять мониторинг за деятельностью подрядчиков и субподрядчиков путем обеспечения большей открытости закупочной деятельности. Идеальный вариант предполагает, что отношения по государственному контракту должны быть самоисполняемыми, то есть все данные о процессе должны передаваться автоматически, поскольку при ручном вводе нельзя исключить человеческий фактор и гарантировать, что пользователь системы указал достоверные данные.

Для максимального использования потенциала цифровой революции в России необходимо также совершенствовать законодательство в части восполнения пробелов в правозащитных стандартах закупок, направленных на обеспечение соблюдения основных прав человека, приводить квалификацию участников закупок в соответствие с требованиями новой экономики и обязать поставщиков по государственным контрактам гарантировать обязательное раскрытие информации о местах выполнения работ (оказания услуг), производства товаров хотя бы в тех случаях, где существует доказанный риск нарушений прав человека.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-

011-00163 «Механизм гражданско-правового регулирования в сфере цифровых государственных и муниципальных закупок».

The study was funded by RFBR in the framework of the scientific project No. 19-011-00163 “Mechanism of civil regulation in the field of digital state and municipal procurement”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавилин, Е. В. Общественный интерес в гражданском праве / Е. В. Вавилин // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.) : сб. науч. ст. – М. : Статут, 2017. – 592 с.
2. Всеобщая декларация прав человека // Организация Объединенных Наций. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights> (дата обращения: 20.08.2019). – Загл. с экрана.
3. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 30.11.2017 по делу № А40-136645/17. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1652 ; 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8444.
5. Claeson, B. S. Subsidizing Sweatshops II 39 / B. S. Claeson ; ed. by S. Brown. – [S.l.] : SweatFree Communities, 2009. – 61 p.
6. U.S. Government is Tops in IT Spending – but with how much waste? // Face the Facts USA. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.facethefactsusa.org/facts/feds-spend-74-billionit#sthash.HJH0hV0J.dpuf> (date of access: 10.02.2019). – Title from screen.
7. Mosk, M. Bangladesh Factory Fire: Patterns for Marine Corps Sweats, Tank Tops Found in Ashes // ABC News. – 2012. – Dec. 4. – Electronic text data. – Mode of access: <http://abcnews.go.com/Blotter/bangladesh-factory-firepatterns-marine-corps-sweats-tank/story?id=17875010&singlePage=true> (date of access: 05.02.2019). – Title from screen.

REFERENCES

1. Vavilin E.V. Obshchestvennyy interes v grazhdanskom prave [Public Interest in Civil Law]. *Sedmoy Permskiy kongress uchenykh-yuristov (g. Perm, 18–19 noyabrya 2016 g.) : sb. nauch. st.* [Seventh Perm Congress of Legal Scholars] (Perm, 18-19 November 2016). Collection

of Scientific Articles]. Moscow, Statut Publ., 2017. 592 p.

2. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka [Universal Declaration of Human Rights]. *Organizatsiya Obyedinennykh Natsiy* [United Nations]. URL: <https://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights> (accessed 20 August 2019).

3. *Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy po delu № A40-136645/17* [Decision of the Moscow Arbitration Court of 30 November 2017 in Case no. A40-136645/17]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”

4. Federalnyy zakon ot 05.04.2013 № 44-FZ «O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipalnykh nuzhd» (v red. ot 27.12.2018) [Federal Law № 44-FZ of 05 April 2013 “On the Contract System in the Procurement of Goods, Works and

Services for State and Municipal Needs” (As Amended on 27 December 2018)]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collected Legislation of Russian Federation], 2013, no. 14, art. 1652; 2018, no. 53 (part I), art. 8444.

5. Claeson B. S. *Subsidizing Sweatshops II* 39. SweatFree Communities, 2009. 61 p.

6. U.S. Government is Tops in IT Spending – but with how much waste? *Face the Facts USA*. URL: <http://www.facethefactsusa.org/facts/feds-spend-74-billionit#sthash.HJH0hVOJ.dpuf> (accessed 10 February 2019).

7. Mosk M. Bangladesh Factory Fire: Patterns for Marine Corps Sweats, Tank Tops Found in Ashes. *ABC News*, 2012, December 4. URL: <http://abcnews.go.com/Blotter/bangladesh-factory-firepatterns-marine-corps-sweats-tank/story?id=17875010&singlePage=true> (accessed 5 February 2019).

Information about the Author

Marina V. Shmeleva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Doctoral Student, Associate Professor, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, Volskaya St., 1, 410056 Saratov, Russian Federation, civil2012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1628-8366>

Информация об авторе

Марина Владимировна Шмелева, кандидат юридических наук, докторант, доцент кафедры гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Вольская, 1, 410056 г. Саратов, Российская Федерация, civil2012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1628-8366>

www.volsu.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.9>

UDC 34.01
LBC 67.0

Submitted: 26.08.2019
Accepted: 03.10.2019

REGULATORY GENERALIZATIONS IN THE SYSTEM OF LAW: THE CONCEPT, BASIC SEARCH PARAMETERS, VARIETIES AND FUNCTIONAL MEANING

Sergey V. Malyugin

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: the approach to the legal system study through the prism of its regulatory properties makes it necessary to study such a phenomenon as regulatory generalizations, to establish its search parameters, varieties and functions performed in the system of law, which is the purpose of this paper. The **methodological framework** for the study is presented by a complex of philosophical, general scientific and specific scientific means of cognition. **Results:** based on studying the scientific legal literature, legislation and law enforcement practice, the paper describes in detail the main parameters, defines the main varieties and functional purpose of regulatory generalizations. **Conclusions:** The obtained research data on regulatory generalizations allow establishing for them an independent place in the system of law that reveals the system of law as a regulatory system consisting of a set of components which are interrelated in meaning and functions. The paper defines regulatory generalizations as relatively independent constructs in the system of law, located in its content-essential section, manifested in the regulatory legal prescriptions, which express general approaches to the legal regulation of public relations and the semantic meaning of positive law.

Key words: system of law, regulatory generalizations, purpose and objectives of legal regulation, principles of law, definitions, general norms, legal regulation, regulatory means.

Citation. Malyugin S.V. Regulatory Generalizations in the System of Law: The Concept, Basic Search Parameters, Varieties and Functional Meaning. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 67-74. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.9>

УДК 34.01
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 26.08.2019
Дата принятия статьи: 03.10.2019

НОРМАТИВНЫЕ ОБОБЩЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРАВА: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ПОИСКОВЫЕ ПАРАМЕТРЫ, РАЗНОВИДНОСТИ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Сергей Владимирович Малюгин

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Введение: подход к исследованию системы права сквозь призму ее нормативно-регулятивных свойств вызывает необходимость изучения такого феномена, как нормативные обобщения, а также выделение его

поисковых параметров, разновидностей и выполняемых функций, что и является **целью** настоящей статьи. **Методологическая основа** представлена комплексом философских, общенаучных и научно-научных средств познания. **Результаты:** на основе изучения научной юридической литературы, законодательства и правоприменительной практики в статье подробно описываются базовые параметры, определяются основные разновидности и функциональное назначение нормативных обобщений. **Выводы:** полученные данные о нормативных обобщениях позволяют представить систему права как нормативно-регулятивную, состоящую из совокупности взаимосвязанных по смысловому значению и выполняемым функциям компонентов. В статье дается определение нормативных обобщений как относительно самостоятельных образований в правовой системе, расположенных в ее содержательно-сущностном срезе, проявляющиеся в нормативных правовых предписаниях, которые выражают общие подходы к правовому регулированию общественных отношений и смысловое значение позитивного права.

Ключевые слова: система права, нормативные обобщения, цель и задачи правового регулирования, принципы права, дефиниции, общие нормы, нормативно-правовое предписание, нормативно-регулятивные средства.

Цитирование. Малюгин С. В. Нормативные обобщения в системе права: понятие, основные поисковые параметры, разновидности и функциональное значение // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 67–74. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.9>

Введение

Изучение системы права как нормативного принудительного порядка и системы норм, регулирующих человеческое поведение (Г. Кельзен) [12, с. 61, 84] позволяет представить данную предметную область юриспруденции в новом качестве и выделить в ней явление нормативных обобщений. В отечественной науке нормативные обобщения находятся в фокусе правоведов [2], получают различную трактовку и именуется как разновидность нормативно-регулятивных средств [43, с. 5], нетипичные нормативные предписания [8, с. 118], средства юридической техники [18, с. 7, 12–13], первичные правовые установления [7, с. 19], более общие правила поведения [17, с. 53], нормативный комплекс [41, с. 30–31], а с позиции логико-языкового подхода к праву – общие нормы, идеи [42, с. 136]. В правоприменительных актах они рассматриваются судами как общие нормы [32], правовые средства межотраслевого характера [29], общий правовой подход к регулированию общественных отношений [38], схожие положения [25], общие принципы правового регулирования и правоприменения [28] и т. д. Указанное подтверждает необходимость научного описания данного феномена в контексте системы права, определения его базовых параметров, видов, выполняемых функций и основных регулятивных свойств.

Поисковые параметры нормативных обобщений

Этимологически «нормативный» (от лат.) означает «устанавливающий норму, правила», «обобщить» – «сделав вывод, выразить основные результаты в общем положении, придать общее значение чему-нибудь» [40]. Это вполне согласуется с логическими операциями мышления как обобщения понятия [15, с. 45], а также в основании деонтической логики нормативных предложений [16, с. 178–179]. Анализ научной юридической литературы, правоприменительной практики и законодательства позволяет выделить следующие *поисковые параметры нормативных обобщений*.

1. Нормативные обобщения являются исходными взаимосвязанными положениями, выражающими общие подходы к правовому регулированию группы общественных отношений. В системе права есть базовые нормативные положения, которые задают правовому регулированию общественных отношений наиболее общий характер. Они по своему смыслу являются фундаментом всех норм права, имеют определяющий характер, наиболее общую (неопределенную) степень нормативности (например, ч. 1 ст. 8, ст. 10, ч. 1 ст. 13, ч. 3 ст. 17 и др. структурные части Конституции Российской Федерации). Нормативные обобщения складываются на различных уровнях (например, Д.М. Азми выделяет 7 таких уровней) [1, с. 6] функцио-

нирования системы права, отражают «общие подходы» к регулированию той или иной группы общественных отношений. Первично обусловленные характером этих отношений они выражают специфику нормативно-регулятивного воздействия на них и в максимальной степени связываются с оформлением государственной властью регулирующего воздействия на общественные отношения [38].

2. Нормативные обобщения занимают в системе права относительно самостоятельное место, имеют межвидовые связи в системе общественных отношений. Место нормативных обобщений в системе права определяется их значимостью в построении системно-структурных связей, которые проявляются в том, что данная система основывается на содержательно-сущностном единстве всех ее элементов. Каждый элемент взаимосвязан между собой наиболее общими подходами к нормативной регуляции. В отличие от «стандартной» модели понимания структуры системы права нормативные обобщения не являются в ней принадлежностью определенного образования, построенного по предметному принципу, и носят межотраслевой внутрисистемный характер. Они оказывают регулирующее воздействие на общественные отношения различных видов и одновременно содержат исходные положения, типичные для различных сфер приложения позитивного права [27].

3. Нормативные обобщения находятся в содержательно-сущностном срезе системы права. Они проявляются в предметной области юриспруденции в связи с другим подходом к объекту исследования. Предметное поле системы права образует совершенно иной слой, поскольку нормативные обобщения представляют собой явление более высокого порядка, операцию мышления по выведению из общности норм права в общие правила поведения, отражающие смысл и назначение права различных уровней воздействия государства на систему общественных отношений.

4. Нормативные обобщения проявляются в различных формах права в качестве нормативных правовых предписаний. Нормативные обобщения по-разному воплощаются в различных формах права. В норма-

тивном правовом акте они, как правило, содержатся в основных положениях, таких как преамбула, предмет регулирования, цели, задачи, принципы, основные понятия нормативного правового акта, назначение. Представляется, что нормативные обобщения могут определяться исходя из совокупности смыслового значения норм (положений) нормативного правового акта (на это указывают данные судебной практики) [32]. Подробное изучение содержания современных судебных прецедентов (например, Великобритании) позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемое явление выражается в структуре судебного прецедента в задачах «области права», принципах, целях «правового режима» [44, п. 82, 97–98, 127–128], связываясь по смыслу с другими правовыми позициями судов, раскрывающими общие подходы к регуляции общественных отношений. В форме правового обычая нормативные обобщения обнаружить не представилось возможным: вероятно, что в связи с присущей обычаям регуляцией одной разновидности общественных отношений сложить их в общие подходы к правовому регулированию довольно сложно. В правовых текстах нормативные обобщения проявляются в правовых предписаниях, которые, как указывает М.Л. Давыдова, выступают формой текстуального выражения правовой нормы [10] или веления вспомогательного характера (дефинициях, декларациях, оперативных, распространительных предписаниях и т. д.), но каждое на элементарном уровне выражает волю законодателя и обладает свойством нормативности [9, с. 103].

5. Нормативные обобщения являются источниками смыслового выражения позитивного права. В процессе реализации (применения) права поиск содержания нормативных предписаний является важным с точки зрения понимания правил поведения, адресованных субъектам права. Система права здесь выступает в качестве основного источника поиска нормативного содержания права. В юридической практике поиск смысла положений позитивного права осуществляется в том числе путем обращения к нормативным обобщениям, которые именуются по-разному: взаимосвязанными нормами права [23], целями [35], задачами [4], принципами [31], дефи-

ниями [33], общими положениями правового института [34], общими подходами к регулированию отношений применительно к отраслевому правовому режиму (отраслям права) [26], смыслом закона (целью законодательного регулирования [30]), существом законодательного регулирования [24]. Все это свидетельствует об особой значимости нормативных обобщений как источников познания наиболее важной и сущностной информации в действующей совокупности правил поведения.

Разновидности нормативных обобщений

Первая разновидность проявления нормативных обобщений – *принципы права*. К их наиболее сущностными признаками относятся: выраженность в праве, главные начала [3, с. 102], фундаментальные идеи, определяющие содержание и общий характер правового регулирования общественных отношений, выраженные в нормативных предписаниях [19, с. 199], нормативно-руководящие положения, отражающие закономерные, существенные, типичные и системообразующие процессы в национальном и/или международном праве [11, с. 14–38], нормативные обобщения высокого уровня, «сгустки правовой материи». Правовые принципы являются наиболее значимыми в условной иерархии нормативных обобщений, содержат важные и существенные нормативно-правовые предписания.

Вторая разновидность нормативных обобщений – *цель и задачи правового регулирования*. Они формализуются в виде целей законодательства, целеполагающих подходов к его развитию и, как представляется, в смысле юридической политики. Цель правового регулирования определяется в юриспруденции по-разному: как желаемый результат действия [37], достижение социально полезных результатов и создание необходимых условий для прогрессивного развития [39], «идеальное выражение должного или возможного поведения людей» [13, с. 31–38], обеспечение беспрепятственного движения интересов субъектов права к социальным ценностям [22, с. 428, 435]. Его задачи характеризуются как составная часть цели в данный период исторического развития общества, этап на пути к конечной цели [14, с. 375]. Цель и задачи правового регулирования являются вполне определен-

ным и детализированным отражением принципов права, выражаются в цели и задачах нормативного правового акта, определяются законодательной политикой, которая переносит наиболее общие установки государственной власти в область позитивного права.

Третья разновидность нормативных обобщений – *правовые дефиниции*. К их наиболее существенным признакам относятся: определяющее легальное (позитивно-правовое) определение тех или иных юридических понятий [20, с. 399], указывающие на смысл, который вложил законодатель в ту или иную категорию, позволяющие описать предмет или явление с помощью выделения его основных, сущностных свойств или черт [5, с. 59], способствующие цивилизованной ориентации человеческой практики [6, с. 65], нормативные предписания высокого уровня обобщения [36, с. 610]. Следует отметить, что правовые дефиниции, не являясь в строгом смысле нормами права, все же обладают свойством нормативности, поскольку вбирают в себя в системе действующего правового регулирования определенный смысл.

Четвертая разновидность нормативных обобщений – *общие нормы*. В юридической литературе по функциональной роли выделяются общие нормы, под которыми понимаются такие предписания, присущие общей части той или иной отрасли права и распространенные на все или большую часть ее институтов [21, с. 164–165]. Общие нормы являются широко распространенными как в международном, так и в отечественном нормативном правовом регулировании различных областей общественных отношений (ст. 8.1, 309 ГК РФ, ч. 1 ст. 4.1 КоАП РФ, ч. 1 ст. 80 СК РФ, ч. 1 ст. 30 ЖК РФ и др.).

Рассмотренные виды нормативных обобщений позволяют выделить их основное *функциональное назначение в системе права*. Включенные в действующее нормативное правовое регулирование, то есть принятые обществом, формализованные и трансформированные государственной властью, они выполняют регулятивно-динамическую и регулятивно-статическую функции, поскольку содержат сущностные и важные требования к поведению участников общественных отношений. Нормативные обобщения, обладающие мини-

мальной нормативностью и максимальной абстрактностью, выступают в качестве ориентиров при толковании правовых текстов, являются основой в устранении коллизий и пробелов при правореализационной (правоприменительной), а также исходными компонентами правотворческой деятельности.

Выводы

Полученные исследовательские данные о нормативных обобщениях позволяют выделить их в самостоятельный кластер в системе права, что раскрывает данную систему как нормативно-регулятивную, состоящую из совокупности взаимосвязанных по смысловому значению и выполняемым функциям компонентов. Практическая значимость зафиксированных в ходе изучения нормативных обобщений видится в появлении в правовой системе смыслообразующих компонентов, помогающих правильно толковать правовые тексты и осуществлять правовое строительство.

Выделенные поисковые параметры нормативных обобщений, особенности внешнего оформления и выполняемых в системе права функций позволяют определить их как относительно самостоятельные образования, расположенные в содержательно-сущностном срезе правовой системы, проявляющиеся в нормативных правовых предписаниях, которые выражают общие подходы к правовому регулированию общественных отношений и смысловое значение позитивного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азми, Д. М. Об основаниях выделения отраслей права / Д. М. Азми // Адвокат. – 2010. – № 7. – С. 5–10.
2. Алексеев, С. С. Право: азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
3. Алексеев, С. С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права : курс лекций. В 2 т. Т. 1 / С. С. Алексеев ; науч. ред. Р. К. Русинов. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – 396 с.
4. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 12.01.2015 по делу № 33-294. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Власенко, Н. А. Судебные правовые дефиниции: природа, функции, основания деления и виды / Н. А. Власенко // Журнал российского права. – М.: Норма, 2009. – № 12. – С. 58–67.
6. Власенко, Н. А. Юридическая техника / Н. А. Власенко, А. В. Стародубцев ; под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. – М.: Эксмо, 2009. – 272 с.
7. Гойман, В. И. Действие права: (Методологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Гойман Владимир Иванович. – М., 1992. – 42 с.
8. Горшенев, В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве / В. М. Горшенев // Советское государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113–118.
9. Давыдова, М. Л. Нормативно-правовое предписание как начальный уровень правовой нормативности / М. Л. Давыдова // Конфликтология. – 2011. – № 4. – С. 100–108.
10. Давыдова, М. Л. Правовая норма, нормативное предписание, законодательное исключение – разнопорядковые категории / М. Л. Давыдова // Юридические исследования. – 2016. – № 4. – С. 37–44. – DOI: 10.7256/2409-7136.2016.4.18805.
11. Ершов, В. В. Принципы права: актуальные теоретические и практические проблемы / В. В. Ершов // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI междунар. науч.-практич. конф. (г. Москва, 18–22 апреля 2016 г.). В 2 ч. Ч. 1 / ред. совет: В. М. Сырых, В. Н. Власенко. М.: РГУП, 2017. – С. 14–38.
12. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен ; пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. – СПб.: Алет-Пресс, 2015. – 542 с.
13. Керимов, Д. А. Категория цели в советском праве / Д. А. Керимов // Правоведение. – 1964. – № 3. – С. 31–38.
14. Керимов, Д. А. Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.
15. Кириллов, В. И. Логика : учеб. для юрид. вузов / В. И. Кириллов, А. А. Старченко ; под ред. проф. В. И. Кириллова. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – М.: Велби : Проспект, 2008. – 240 с.
16. Кнапп, В. Логика в правовом сознании / В. Кнапп, А. Герлох ; под ред. и со вступ. ст. А. Б. Венгерова. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
17. Кропачев, Н. М. Механизм уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Кропачев Николай Михайлович. – СПб., 2000. – 59 с.
18. Крохалев, С. В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. Сравнительное исследование на основе правовых систем России и Франции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Крохалев Сергей Вадимович. – Екатеринбург, 2005. – 32 с.
19. Лаврусь, С. Ю. Реализация принципов права в юридической практике : дис. ... канд. юрид.

наук / Лаврусь Светлана Юрьевна. – Самара, 2005. – 239 с.

20. Нерсисянц, В. С. Общая теория государства и права / В. С. Нерсисянц. – М. : Норма : Инфра-М, 2012. – 560 с.

21. Нормы советского права : проблемы теории / В. К. Бабаев [и др.] ; под ред. В. К. Бабаева, М. И. Байтина. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 248 с.

22. Общая теория государства и права: академический курс. В 3 т. Т. 3. Государство, право, общество / отв. ред. М. Н. Марченко. – М. : Норма, 2007. – 518 с.

23. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.06.2013 № 56-АПГ13-6 по делу № А41-2760/10. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.03.2018 по делу № 305-ЭС17-17260, А40-28789/2014. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Письмо ФАС России от 26.11.2018 № ВК/96368/18 «О рассмотрении обращения». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.10.2016 № 09АП-49096/2016 по делу № А40-41378/16. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2005 № 9-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.01.2010 № 1-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.03.2017 № 9-П. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

30. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2017 № 51. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

32. Постановление Президиума ВАС РФ от 18.05.2010 № 1059/10 по делу № А45-4646/2009. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

33. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 24.09.2013 по делу № А43-31194/2012. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

34. Постановление ФАС Московского округа от 15.07.2010 № КГ-А40/5898-10 по делу № А40-15847. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

35. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2015 № 16АП-64/2015 по делу № А61-1624/2014. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

36. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. – М. : Юристь, 2001. – 656 с.

37. Рабинович, П. М. О юридической природе целей правовых актов / П. М. Рабинович // Правоведение. – 1971. – № 5. – С. 28–35.

38. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.05.2019 № 15 «Об общих подходах к установлению особых мер защиты прав и интересов отдельных категорий потребителей». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

39. Теория государства и права : учебник / под ред. В. М. Сырых. – М. : Былина, 1998. – 512 с.

40. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., перераб. – М. : Мир и Образование : Оникс, 2012. – 1376 с.

41. Уфимцева, Е. В. Отраслеобразование в современном российском праве (доктринальные основы и критерии) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Уфимцева Екатерина Владимировна. – Екатеринбург, 2017. – 36 с.

42. Черданцев, А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография / А. Ф. Черданцев. – М. : Норма : Инфра-М, 2012. – 320 с.

43. Шафиров, В. М. Норма права и нормативные обобщения / В. М. Шафиров // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. М. М. Журавлева, А. М. Барнашова, В. М. Зуева. – Томск, 2011. – С. 5–7.

44. Judgment of 4 November 2018 // United Kingdom Supreme Court. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2018/56.html>.

REFERENCES

1. Azmi D.M. Ob osnovaniyakh vydeleniya otrasley prava [About the Bases of Allocation of Branches of Law]. *Advokat* [Lawyer], 2010, no. 7, pp. 5-10.

2. Alekseev S.S. *Pravo: azbuka, teoriya, filozofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC, Theory, Philosophy. Comprehensive Research Experience]. Moscow, Statut Publ., 1999. 712 p.

3. Alekseev S.S. *Problemy teorii prava: Osnovnye voprosy obshchey teorii sotsialisticheskogo prava: kurs lektsiy. V 2 t. T. 1* [Problems of the Theory of Law: the Main Issues of the General Theory of Socialist Law. Course of Lectures. In 2 vols. Vol. 1]. Sverdlovsk, Izd-vo Sverdl. yurid. in-ta, 1972. 396 p.

4. *Apellyatsionnoe opredelenie Permskogo kraevogo suda ot 12.01.2015 po delu № 33-294* [Appellate Determination of Perm Regional Court of 12.01.2015 in Case No. 33-294]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.

5. Vlasenko N.A. Sudebnye pravovye definitsii: priroda, funktsii, osnovaniya deleniya i vidy [Judicial Legal Definitions: Nature, Functions, Bases of Division and Types]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law]. Moscow, Norma Publ., 2009, no. 12, pp. 58-67.
6. Vlasenko N.A., Starodubtsev A.V. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 272 p.
7. Goyman V.I. *Deystvie prava: (Metodologicheskii analiz): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Effect of Law: (Methodological Analysis). Dr. jurid. abs. diss.]. Moscow, 1992. 42 p.
8. Gorshenev V.M. Netipichnye normativnye predpisaniya v prave [Atypical Regulations in Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1978, no. 3, pp. 113-118.
9. Davydova M.L. Normativno-pravovoe predpisanie kak nachalnyi uroven pravovoy normativnosti [Legal Regulation As the Initial Level of Legal Regulation]. *Konfliktologiya* [Conflictology], 2011, no. 4, pp. 100-108.
10. Davydova M.L. Pravovaya norma, normativnoe predpisanie, zakonodatelnoe isklyuchenie – raznoporyadkovye kategorii [Legal Rule, Regulatory Requirement, the Legislative Exception – Variable Category]. *Yuridicheskie issledovaniya* [Legal Research], 2016, no. 4, pp. 37-44. DOI: 10.7256/2409-7136.2016.4.18805.
11. Ershov V.V. Printsipy prava: aktualnye teoreticheskie i prakticheskie problemy [Principles of Law: Actual Theoretical and Practical Problems]. Syrykh V.M., Vlasenko V.N. eds. *Printsipy prava: problemy teorii i praktiki: materialy XI mezhdunar. nauch.-praktich. konf. (g. Moskva, 18–22 aprelya 2016 g.). V 2 ch. Ch. 1* [Principles of Law: Problems of Theory and Practice Proceedings of the XI International Scientific Conference (Moscow, 18–22 April 2018). In 2 parts. Part 1]. Moscow, RGPU Publ., 2017, pp. 14-38.
12. Kelzen G. *Chistoe uchenie o prave* [Pure Doctrine of Law]. Saint Petersburg, Alef-Press Publ., 2015. 542 p.
13. Kerimov D.A. Kategoriya tseli v sovetskom prave [Category of Purpose in Soviet Law]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1964, no. 3, pp. 31-38.
14. Kerimov D.A. *Filosofskie problemy prava* [Philosophical Problems of Law]. Moscow, Mysl Publ., 1972. 472 p.
15. Kirillov V.I., Starchenko A.A. *Logika: ucheb. dlya yurid. vuzov* [Logic: Textbook for Law Schools]. Moscow, Velbi Publ., Prospekt Publ., 2008. 240 p.
16. Knapp V., Gerlokh A. *Logika v pravovom soznanii* [Logic in Legal Consciousness]. Moscow, Progress Publ., 1987. 312 p.
17. Kropachev N.M. *Mekhanizm ugolovno-pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [The Mechanism of Criminal Law Regulation. Dr. jurid. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2000. 59 p.
18. Krokhaliev S.V. *Kategoriya publichnogo poryadka v mezhdunarodnom grazhdanskom protsesse. Sravnitelnoe issledovanie na osnove pravovykh sistem Rossii i Frantsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Category of Public Order in International Civil Procedure. Comparative Study Based on the Legal Systems of Russia and France. Cand. jurid. abs. diss.]. Ekaterinburg, 2005. 32 p.
19. Lavrus S.Yu. *Realizatsiya printsipov prava v yuridicheskoy praktike: dis. ... kand. yurid. nauk* [Implementation of the Principles of Law in Legal Practice. Cand. jurid. diss.]. Samara, 2005. 239 p.
20. Nersesyants V.S. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General Theory of State and Law]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2010. 560 p.
21. Babaev V.K. et al. *Normy sovetskogo prava: problemy teorii* [Norms of Soviet Law. Problems of Theory]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1987. 248 p.
22. Marchenko M.N. ed. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskii kurs. V 3 t. T. 3. Gosudarstvo, pravo, obshchestvo* [General Theory of State and Law: Academic Course. In 3 vols. Vol. 3. State, Law, Society]. Moscow, Norma Publ., 2007. 518 p.
23. *Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 19.06.2013 № 56-APG13-6 po delu № A41-2760/10* [Definition Of The Supreme Court Of The Russian Federation Federation from 19.06.2013 № 56-APG13-6 in the case No. A41-2760/10]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.
24. *Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 15.03.2018 po delu № 305-ES17-17260, A40-28789/2014* [Definition Of The Supreme Court Of The Russian Federation Federation of 15.03.2018 in case No. 305-ES17-17260, A40-28789/2014]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.
25. *Pismo FAS Rossii ot 26.11.2018 № VK/96368/18 «O rassmotrenii obrashcheniya»* [The Letter of the FAS of Russia from 26.11.2018 Number of VC/96368/18 “On Consideration of the Appeal”]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.
26. *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 25.10.2016 № 09AP-49096/2016 po delu № A40-41378/16* [Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 25.10.2016 No. 09AP-49096/2016 In the Case № A40-41378/16]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.
27. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 14.07.2005 № 9-P* [The Decision Of The Constitutional Court Of the Russian Federation from 14.07.2005 No. 9-P]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.
28. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21.01.2010 № 1-P* [The Decision Of The Constitutional Court Of the Russian Federation of 21.01.2010 No. 1-P]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.

29. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 24.03.2017 № 9-P* [The Decision Of The Constitutional Court Of the Russian Federation of 23.03.2017 No. 9-P]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.

30. *Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 14.03.2014 № 16* [Resolution of the Plenum of the Russian Federation FROM 14.03.2014 No. 16]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.

31. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 19.12.2017 № 51* [Resolution Of The Plenum Of The Supreme Court Russian Federation dated 19.12.2017 No. 51]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.

32. *Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 18.05.2010 № 1059/10 po delu № A45-4646/2009* [Resolution of the Presidium of the SAC of the Russian Federation 18.05.2010 No. 1059/10 in case No. a 45-4646/2009]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.

33. *Postanovlenie FAS Volgo-Vyatskogo okruga ot 24.09.2013 po delu № A43-31194/2012* [Resolution of the Federal Volga-Vyatka okruga from 24.09.2013 on the case number A43-31194/2012]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.

34. *Postanovlenie FAS Moskovskogo okruga ot 15.07.2010 № KG-A40/5898-10 po delu № A40-15847/09-13-77* [Resolution of the FAS of the Moscow district from 15.07.2010 No. KG-A40/5898-10 on trial No. A40-15847/09-13-77]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.

35. *Postanovlenie Shestnadsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 10.02.2015 № 16AP-64/2015 po delu N A61-1624/2014* [Ruling of the Sixteenth century-court of appeal of 10.02.2015 No. 16AP-64/2015 case no. A61-1624/2014]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.

36. Marchenko M.N. ed. *Problemy teorii gosudarstva i prava: ucheb. posobie* [Problems of Theory of State and Law. Textbook]. Moscow, Yurist Publ., 2001. 656 p.

37. Rabinovich P.M. O yuridicheskoy prirode tsey ley pravovykh aktov [On the Legal Nature of the Purposes of Legal Acts]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1971, no. 5, pp. 28-35.

38. *Rekomendatsiya Kollegii Evraziyskoy ekonomicheskoy komissii ot 21.05.2019 № 15 «Ob obshchikh podkhodakh k ustanovleniyu osobnykh mer zashchity prav i interesov otdelnykh kategoriy potrebiteley»* [Recommendation of the Board of the Eurasian econominating Commission of 21.05.2019 No. 15 “About Approaches to the Establishment of Special Protection Measures Rights and Interests of Certain Categories of Consumers-LEU”]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlus”.

39. Syrykh V.M. ed. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnyk* [Theory of State and Law. Textbook]. Moscow, Bylina Publ., 1998. 512 p.

40. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: About 100 000 Words, Terms and Phraseological Expressions Applications]. Moscow, Mir i Obrazovanie Publ., Oniks Publ., 2012. 1376 p.

41. Ufimtseva E.V. *Otrasleobrazovanie v sovremennom rossiyskom prave (doktrinalnye osnovy i kriterii): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Branch Formation in Modern Russian Law (Doctrinal Bases and Criteria). Cand. jurid. abs. diss.]. Ekaterinburg, 2017. 36 p.

42. Cherdantsev A.F. *Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudentsii: monografiya* [Logical-Linguistic Phenomena in Jurisprudence. Monograph]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2012. 320 p.

43. Shafirov V.M. Norma prava i normativnye obobshcheniya [Rule of Law and Normative Generalizations]. Zhuravleva M.M., Barnashova A.M., Zueva V.M. eds. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti: sb. st.* [Legal Problems of Strengthening the Russian Statehood. Collection of Articles]. Tomsk, 2011, pp. 5-7.

44. Judgment of 4 November 2018. *United Kingdom Supreme Court*. URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2018/56.html>.

Information about the Author

Sergey V. Malyugin, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Komsomolskaya St., 21, 620137 Yekaterinburg, Russian Federation, svm707@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1186-9855>

Информация об авторе

Сергей Владимирович Малугин, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Уральский государственный юридический университет, ул. Комсомольская, 21, 620137 г. Екатеринбург, Российская Федерация, svm707@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1186-9855>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.10>

UDC 342, 316
LBC 60.56

Submitted: 06.09.2019
Accepted: 01.10.2019

LEGAL AWARENESS DYNAMICS OF THE POPULATION OF THE SOUTH OF RUSSIA: COGNITIVE ASPECT¹

Lyudmila V. Klimenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Oksana Yu. Posukhova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Pavel E. Budaev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the integration processes in the South of Russia are complicated by the ethno-cultural heterogeneity of the macroregion, different levels of socio-economic development of the subregions and differences in the societal values of the ethno-territorial communities. In these conditions, a similar legal culture serves as the basis for the consolidation of different groups of the population. The **purpose** of the paper is to analyze the dynamics of the legal culture cognitive component of the population of the multi-ethnic territories of Southern Russia. **Methods:** the empirical basis of the study was formed as part of comparative sociological research, when more than two thousand people were interviewed in the Rostov region, Adygea and Kabardino-Balkaria in 2001-2019. **Results:** as a rule, the legal culture of a civil-activist type should dominate in a modernized society, when the population understands and recognizes the priority of human rights and freedoms, legal responsibility, shows respect for the existing laws. Therefore, the study of the cognitive components of the legal culture of South-Russian residents includes the analysis of knowledge and perceptions of the respondents about the basic signs of the legal state, the permissibility of limitations of human rights, the degree of importance of the rights of different actors in society, the status of law, legislation in the case of administrative arrest and witness testimony. **Conclusions:** the empirical tests show a rather low level of specific legal knowledge of the population in all the considered territorial subjects of the South of Russia. Moreover, from the first to the last stages of the study, the dynamics of the knowledge level is decreasing. The priority of the right is not always manifested in the attitudes of the surveyed residents in the macroregion. Against this background, in the Rostov region at different stages of the study a stable group of respondents (about half of the respondents), for whom the legal norm is a legitimate regulator of behavior, was recorded. In the republican segment, the situation is volatile; the lagging dynamics of legal systems of a civil type in the Republic of Adygea and the accelerating one – in Kabardino-Balkaria are revealed.

Key words: legal culture, polyethnic region, the South of Russia, legal knowledge, the North Caucasus republics, ethno-cultural specificity, societal integrity.

Citation. Klimenko L. V., Posukhova O. Yu., Budaev P. E. Legal Awareness Dynamics of the Population of the South of Russia: Cognitive Aspect. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 75-82. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.10>

УДК 342, 316
ББК 60.56

Дата поступления статьи: 06.09.2019
Дата принятия статьи: 01.10.2019

ДИНАМИКА ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮГА РОССИИ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ¹

Людмила Владиславовна Клименко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Оксана Юрьевна Посухова

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Павел Евгеньевич Будаев

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Введение: интеграционные процессы на Юге России затруднены этнокультурной гетерогенностью макрорегиона, разным уровнем социально-экономического развития субрегионов и различиями социальных ценностей этнотерриториальных сообществ. В этих условиях однородная правовая культура выступает основанием консолидации различных групп населения. **Цель** статьи – анализ динамики когнитивного компонента правовой культуры населения полиэтничных территорий Юга России. **Методы:** эмпирическая база сформирована на основе повторно-сравнительных социологических исследований, полученных в 2001–2019 гг. при опросе более 2 000 человек в Ростовской области, республиках Адыгее и Кабардино-Балкарии. **Результаты:** в модернизированном обществе должна, как правило, доминировать правовая культура гражданско-активистского типа, когда население понимает и признает приоритет прав и свобод человека, правовую ответственность, проявляет уважение к действующим законам. Поэтому изучение когнитивного компонента правовой культуры жителей Юга России включает анализ знаний и представлений респондентов о базовых признаках правового государства, допустимости ограничения прав человека, степени важности прав различных субъектов общества, статусе закона, законодательных нормах в случае административного задержания и дачи свидетельских показаний. **Выводы:** эмпирические замеры показывают достаточно низкий уровень конкретных правовых знаний населения во всех рассматриваемых территориальных субъектах Юга России. Причем от первого к последнему этапам исследования динамика уровня знаний понижающаяся. Приоритет права далеко не всегда проявляется в установках опрошенных жителей макрорегиона. На этом фоне, в Ростовской области на разных этапах исследования фиксируется устойчивая группа респондентов (около половины опрошенных), для которых правовая норма – легитимный регулятор поведения. В республиканском сегменте ситуация подвижная, выявляется запаздывающая динамика правовых установок гражданского типа в Адыгее и ускоряющаяся в Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: правовая культура, полиэтничный регион, Юг России, правовые знания, республики Северного Кавказа, этнокультурная специфика, социетальная целостность.

Цитирование. Клименко Л. В., Посухова О. Ю., Будаев П. Е. Динамика правового сознания населения Юга России: когнитивный аспект // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 75–82. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.10>

Введение

Любое многосоставное общество испытывает потребность в интеграции и сохранении социальной устойчивости. В обеспечении и поддержании социальной интеграции одну из центральных ролей играет правовая система. Правовые институты являются инструментами интеграции социальных общностей на основе единых правокультурных норм, ценностей и моделей поведения. Модернизационный вектор развития нашей страны, включающий в качестве важнейшего направления задачу формирования правового государства, предполагает складывание в обществе однородной правовой культуры гражданского типа. Однако этот процесс сопряжен с рядом трудностей, выраженных в разных представлениях населения о законе и справедливости, способах организации вла-

сти, принципе регулирования социальных взаимодействий и характере наказаний.

Наиболее сложной данная проблема является для полиэтничных регионов с укоренившимися компонентами национальных культур. Особым разнообразием этнокультурного состава населения отличается Юг России. Данный макрорегион, включающий Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, продолжает оставаться субъектом, дробящимся на сегменты, границы которых носят не только административный, но и религиозный, языковой, этнический характер [1; 4; 10]. Одной из специфических черт Юга России является сложное переплетение двух соционормативных систем – этнокультурной традиции и права, претендующих на доминирующую роль в организации жизни социума. Народы Северного Кавказа, несмотря на модернизационные процессы, во многом сохранили свои тради-

ционные институты как важный фактор социального воспроизводства.

Вместе с тем соответствие правовых ценностей и установок различных групп населения поликультурных регионов – это важнейший залог солидарного взаимодействия как основания и характерного содержания социального (макроуровневого) единства общества [6]. Подобная постановка проблемы является целью исследования этнокультурной специфики правовой культуры населения Юга России в контексте социальной динамики макрорегиона. В рамках настоящей статьи рассмотрим динамику когнитивного компонента правовой культуры жителей полиэтничных территорий Юга России (на материалах эмпирических исследований 2001–2019 гг.).

Методы исследования

Ученые указывают, что «право является основным, определяющим атрибутом нашего общественного сознания» [11, с. 359], поэтому необходимо осмысление восприятия населением сложившейся конфигурации нормативно-правовой и социокультурных систем. Наиболее распространенным подходом к анализу правовой культуры населения является изучение составляющих ее структурных элементов – правовых знаний, ценностей и моделей поведения [3]. В интеграционных процессах правосознание (знания и ценности) играет ключевую роль, то есть легитимизирует и интернализирует правокультурные установления. Это в свою очередь выступает основанием консолидации различных групп населения.

В модернизированном обществе должна, как правило, доминировать правовая культура гражданско-активистского типа, когда население понимает и признает приоритет прав и свобод человека, правовую ответственность, проявляет уважение к действующим законам [2; 5; 8]. Работы зарубежных ученых показывают, что внедрение современных норм права на территориях традиционной культуры влечет повышение уровня справедливости в целом [12].

Для анализа динамики правовой культуры поликультурных регионов проводилась серия повторно-сравнительных социологических

исследований в нескольких административно-территориальных образованиях Юга России:

– в Республике Адыгея (в 2001 г. опрошено 188 адыгейцев, в 2011 г. – 210, в 2019 г. – 328);

– в Кабардино-Балкарской Республике (в 2001 г. опрошено 208 балкарцев, в 2019 г. – 347 кабардинцев и балкарцев);

– Ростовской области (в 2010 г. опрошено 374 человек, в 2019 г. – 396).

Метод опроса – стандартизированное интервью. Отбор респондентов по полу-возрастным и территориальным квотам происходил по месту проживания (столицы республик и административные центры областей).

Результаты исследования

Анализ когнитивного компонента правовой культуры предполагает изучение показателей знания и понимания населением правовых норм функционирования современного общества, законодательных регуляторов поведения граждан.

Важным знаниевым маркером гражданско-активистского типа правовой культуры является знание населением базовых признаков правового государства. Результаты исследования показывают низкую степень информированности жителей Юга России в данном вопросе. В наибольшей степени осведомлено население Ростовской области, причем за последние 10 лет растет количество «правильных» ответов (защита гражданских прав, приоритет закона, разделение ветвей власти). В республиках Северного Кавказа за исследуемый период, наоборот, сокращается совокупное число ответов, характеризующих атрибуты правового государства. Наиболее заметна отрицательная динамика по позициям обеспечения защиты прав и свобод граждан, а также разделению исполнительной, законодательной и судебной власти. Однако необходимо отметить, что среди городского населения Адыгеи и Кабардино-Балкарии возрос процент установок на доминирование права и закона по отношению к морали или традициям (см. табл. 1).

Анализ результатов ответа на вопрос о том, в каких случаях допустимо ограничение прав человека, показал, что на современ-

ном этапе не больше трети опрошенных жителей Юга России признает абсолютную значимость гражданских прав, а именно: в 2019 г. отметили, что права человека нельзя ограничивать ни при каких условиях, 20,5 % респондентов в Ростовской области, 19,8 % – в Адыгее, 34,9 % – в Кабардино-Балкарии. От первого к последнему этапам опроса распространенность подобных представлений сокращается в ростовском и адыгейском сегментах. На первое место по числу ответов выходит позиция, согласно которой права человека допустимо ограничивать «если это нужно для поддержания порядка и стабильности» (35,9 % – в РО, 20,4 % – в РА, 25,9 % – в КБР). Однако за рассматриваемый период в северокавказских республиках количество респондентов, разделяющих эту ориентацию, уменьшается (в РА – с 38,8 % в 2011 г. до 20,4 % в 2019 г., в КБР – с 38,9 до 25,9 % соответственно).

Таким образом, среди правовых приоритетов права личности далеко не всегда выходят на первое место в сознании населения Юга России. Подобный запрос на стабильность и сильное государство, характерный для российского населения в целом, фиксируют многие специалисты. Одной из причин этого называют реакцию на постоянные политические и экономические преобразования, состояние

длительной социальной транзиции. Поэтому устойчивой является «спайка в сознании многих россиян идей свободы и безопасности в надежде на такой социальный порядок, который бы обеспечивал и то, и другое» [7, с. 26].

Исследование когнитивного измерения правовой культуры предполагает также анализ существующего уровня знаний законодательных установлений, необходимых для принятия гражданами решений в возможных жизненных ситуациях.

Административное задержание является одной из наиболее часто используемых на практике мер административно-процессуального обеспечения [9, с. 195]. Статья 27.5 КоАП РФ определяет общий (3 ч) и специальный (48 ч) сроки административного задержания. Результаты опросов показывают, что на разных этапах осведомленность населения в этом вопросе достаточно низкая. Не больше трети опрошенных смогли верно указать возможные сроки административного задержания. Причем от первого к последнему этапам исследования динамика уровня знаний понижаясь (за исключением КБР) (см. табл. 2).

Другая часто встречающаяся ситуация связана с возможной дачей гражданами свидетельских показаний. Полученные ответы о законодательно установленных нормах ответственности за отказ от дачи показаний демон-

Таблица 1

«Что является главными признаками правового государства?»
(не больше трех вариантов ответа, %)

Варианты ответа	Ростовская область		Адыгея			Кабардино-Балкария	
	2010	2019	2001	2011	2019	2001	2019
верховенство закона для всех, независимо от должности	44,9	40,2	30,4	52,4	28,8	33,3	30,1
все стороны жизни человека регулируются законом	18,7	45,5	21,7	22,9	28,2	12,5	45,3
единство системы правовых органов – суда, прокуратуры и адвокатуры	5,3	14,8	4,4	6,5	7,4	2,8	5,6
порядок, суровость и неотвратимость наказания за преступления	16,0	10,6	27,7	18,1	12,3	19,4	11,2
право и закон имеют большую силу, чем мораль или традиция	11,8	25,4	4,4	6,7	42,9	2,8	28,6
развитая система прав и свобод граждан и их защита	46,0	67,2	63,2	68,6	36,2	45,8	38,5
сильная армия	29,4	6,3	47,8	18,1	6,7	41,7	11,5
четкая система разделение власти между президентом, парламентом, судом	30,5	20,1	39,1	52,4	17,2	25,0	16,1
<i>всего</i>	<i>230,1</i>	<i>238,7</i>	<i>245,7</i>	<i>179,7</i>	<i>183,3</i>	<i>186,9</i>	<i>230,1</i>

Примечание. Многовариантные вопросы предполагают несколько вариантов ответа, поэтому сумма ответов может превышать сто процентов.

стрирует невысокий уровень правовых знаний населения Юга России, который заметно снижается с 2001 по 2019 г. во всех рассматриваемых территориальных сегментах (табл. 3).

Этнические особенности правового сознания проявляются в ответах жителей Юга России на вопрос о том, когда можно нарушить закон. Больше всего респондентов, которые ориентируются на правовую норму как легитимный для них регулятор поведения, находятся в Ростовской области (около половины опрошенных на данном этапе и 9 лет назад). В Адыгее около трети опрошенных демон-

рирует этнически маркированные правовые нормы, и данный показатель в современный период возрос. Но треть адыгейцев также указывает, что закон нарушать нельзя ни при каких обстоятельствах, однако этот показатель с 2011 г. значительно уменьшился. В Кабардино-Балкарии за последние два десятилетия заметно сократились ориентации на этнические регуляторы и возросли гражданско-активистские. Обращает также внимание то, что в северокавказских республиках наблюдается снижение восприятия правовых норм как наказания и системы санкций (табл. 4).

Таблица 2

«На какой срок имеет право сотрудник полиции задерживать граждан без предъявления обвинения?» (один ответ, %)

Варианты ответа	Ростовская область		Адыгея			Кабардино-Балкария	
	2010	2019	2001	2011	2019	2001	2019
на 3 ч	30,6	21,2	18,7	19,4	15,4	16,9	21,9
на 1 сутки	15,1	8,5	13,0	21,4	8,0	15,5	19,9
на 2 суток	9,7	8,5	20,4	7,8	5,6	7,0	16,4
другое	–	9,0	–	5,6	2,5	–	1,8
не имеет права задерживать	34,9	35,4	43,5	39,8	34,0	53,5	26,6
затрудняюсь ответить, другое	9,8	17,4	4,4	9	34,5	7,1	13,4
<i>всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Таблица 3

«Наказывает ли закон за отказ от дачи показаний?» (один ответ, %)

Варианты ответа	Ростовская область		Адыгея			Кабардино-Балкария	
	2010	2019	2001	2011	2019	2001	2019
не наказывает никого	34,4	38,9	30,4	31,4	26,5	20,1	41,9
наказывает подозреваемого	10,2	4,7	4,4	2,9	6,2	10,3	3,8
наказывает подсудимого	6,5	5,3	0,0	6,8	7,4	14,1	6,4
наказывает свидетеля	21,5	5,3	26,1	31,4	6,8	15,4	7,2
наказывает пострадавшего	1,1	1,1	0,0	1,0	4,9	6,4	–
затрудняюсь ответить	26,3	44,7	39,1	26,5	48,1	30,8	40,8
<i>всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Таблица 4

«Когда можно нарушить закон?» (один ответ, %)

Варианты ответа	Ростовская область		Адыгея			Кабардино-Балкария	
	2010	2019	2001	2011	2019	2001	2019
когда закон не согласуется с традициями народа	10,2	5,1	21,9	5,4	31,3	23,4	13,8
когда он не соответствует представлениям Вашего круга, семьи, друзей	7,0	1,5	12,5	3,2	8,6	7,5	2,3
когда он не соответствует Вашим личным убеждениям	11,8	6,2	18,8	9,7	0,6	14,9	8,7
когда за несоблюдение закона не могут наказать	12,3	17,4	12,5	20,4	13,5	19,2	10,4
закон нарушать нельзя ни при каких обстоятельствах	48,7	45,1	28,1	58,1	36,8	27,7	53,3
затрудняюсь ответить, другое	10,0	24,7	6,2	3,2	9,2	7,3	11,5
<i>всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

На современном этапе только половина опрошенных жителей Ростовской области и Кабардино-Балкарии, а также вдвое меньше населения Адыгеи разделяют гражданско-правовые представления о доминировании права личности в обществе. Этноистские установки проявляют по 28 % респондентов из ростовского и кабардино-балкарского сегментов и 46,9 % – из адыгейского. В Адыгее также самый высокий процент указаний на приоритет прав этноса (17,3 %) (рисунок).

Десятилетием раньше в Ростовской области соотношение ответов респондентов было схожим. В Адыгее представленность гражданского типа правовых установок значительно снизилась с 2001 по 2019 г. Здесь выросли подданнические правовые ориентации. В Кабардино-Балкарии фиксируется повышающаяся динамика гражданско-правового типа установок и уменьшающаяся – этноистских и этноцентрических представлений (рисунок).

Выводы

Адекватный уровень знания и понимания правовых регуляторов современной жизни выступает одним из важнейших условий стабильного развития и социетальной целостности поликультурного макрорегиона. Вместе с тем эмпирические результаты проведенных исследований показывают низкий уровень конкретных правовых знаний населения во всех рассматриваемых территориальных субъектах

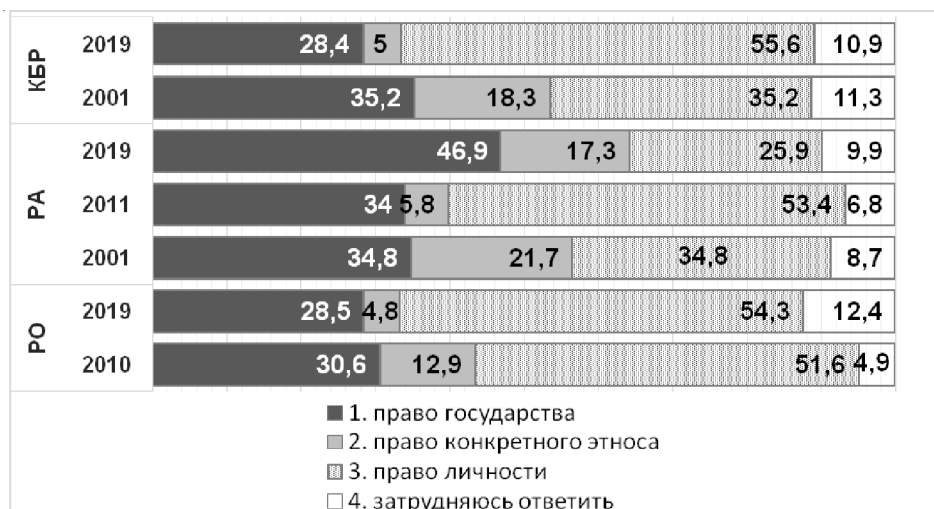
Юга России: меньшинство опрошенных жителей продемонстрировало осведомленность по вопросам о базовых признаках правового государства, существующих законодательных нормах в случае административного задержания и дачи свидетельских показаний. Причем от первого к последнему этапам исследования динамика уровня знаний понижающаяся.

Приоритет права далеко не всегда проявляется в установках опрошенного населения Юга России. Для значительного числа опрошенных ограничение прав человека допустимо, как правило, в целях обеспечения социально-политической безопасности и устойчивости. На этом фоне в Ростовской области на разных этапах исследования проявляется устойчивая группа респондентов (около половины опрошенных), для которых правовая норма является легитимным регулятором поведения. В республиканском сегменте ситуация подвижная, обнаруживается западающая динамика правовых установок гражданского типа в Республике Адыгея и ускоряющаяся – в Кабардино-Балкарии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00270.

The reported study was funded by RFBR in the framework of scientific project no. 19-011-00270.

«Права какого субъекта общества должны доминировать в России для обеспечения нормальной жизни людей?» (один ответ, %)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авксентьев, В. А. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка / В. А. Авксентьев, Г. Д. Гриценко // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 92–99.
2. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–134.
3. Арутюнян, М. Образ и опыт права: правовая социализация в изменяющейся России / М. Арутюнян, О. Здравомыслова, Ш. Курильски-Ожвэн. – М. : Весь Мир, 2008. – 206 с.
4. Денисова, Г. С. От регионального этнокультурного образования к стандарту российской многокультурности / Г. С. Денисова, В. П. Войтенко, Ю. С. Панфилова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2017. – № 4. – С. 210–215.
5. Клейменова, Е. В. Правовая культура и ее стандарты в конституциях Российской Федерации / Е. В. Клейменова, К. А. Моралева // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 50–56
6. Клименко, Л. В. Динамика социетальной сферы Юга России: социокультурное измерение : автореф. дис. ... д-ра социолог. наук / Клименко Людмила Владиславовна. – Майкоп, 2016. – 47 с.
7. Петухов, В. В. Местное самоуправление и гражданское участие / В. В. Петухов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2009. – № 2 (90). – С. 25–48.
8. Смоленский М. Е. Право и правовая культура как базовая ценность гражданского общества / М. Е. Смоленский // Журнал российского права. – М. : Норма, 2004. – № 11. – С. 73–80.
9. Чаннов, С. Е. Некоторые проблемы применения административного задержания / С. Е. Чаннов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 2. – С. 195–205.
10. Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. – М. : ИЭА РАН, 2018. – 561 с.
11. Silbey, S. After Legal Consciousness / S. Silbey // Annual Review of Law and Social Science. – 2005. – № 1. – P. 323–368. – DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.lawsocsci.1.041604.115938>.
12. Rogers, A. The value of ethnography and legal consciousness in a legally plural context / A. Rogers // Abstract from Socio-Legal Studies Association Conference (Bristol, United Kingdom, 27–29 March 2018). – 2018. – P. 41–42. – Electronic text data. – Mode of access: https://docs.wixstatic.com/ugd/af48eb_1b24410b4e934b96b50b0b7eb934f86f.pdf (date of access: 10.07.2019). – Title from screen.

REFERENCES

1. Avksentyev V.A., Gritsenko G.D. Ethnopoliticheskaya situatsiya na Severnom Kavkaze: ekspertnaya otsenka [Ethnopolitical Situation in North Caucasus: Experts Evaluation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2016, no. 1, pp. 92-99.
2. Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kultura i stabilnost demokratii [Civil Culture and Stability of Democracy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1992, no. 4, pp. 122-134.
3. Arutyunyan M., Zdravomyslova O., Kurilski-Ozhven Sh. *Obraz i opyt prava: pravovaya sotsializatsiya v izmenyayushcheysya Rossii* [The Image and Experience of Law: Legal Socialization in a Changing Russia]. Moscow, Ves Mir, 2008. 206 p.
4. Denisova G.S., Voytenko V.P., Panfilova Yu.S. Ot regionalnogo etnokulturnogo obrazovaniya k standartu rossiyskoy mnogokulturnosti [From the Regional Ethno-Cultural Education to the Russian Multiculturalism]. *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS* [State and Municipal Management. Scholar Notes by NCASM], 2017, no. 4, pp. 210-215.
5. Klyemenova E.V., Moraleva K.A. Pravovaya kultura i ee standarty v konstitutsiyakh Rossiyskoy Federatsii [Legal Culture and Its Standards in the Constitutions of the Russian Federation]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2003, no. 1, pp. 50-56.
6. Klimenko L.V. *Dinamika sotsietalnoy sfery Yuga Rossii: sotsiokulturnoe izmerenie: avtoref. dis. ... d-ra sotsiolog. nauk* [The Dynamics of the Societal Sphere of the South of Russia: Sociocultural Dimension. Dr. jurid. abs. diss.]. Maikop, 2016. 47 p.
7. Petukhov V.V. Mestnoe samoupravlenie i grazhdanskoe uchastie [Local Government and Public Participation]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [The Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal], 2009, no. 2 (90), pp. 25-48.
8. Smolenskiy M.E. Pravo i pravovaya kultura kak bazovaya tsennost grazhdanskogo obshchestva [Law and Legal Culture As the Basic Value of Civil Society]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], Moscow, Norma Publ., 2004, no. 11, pp. 73-80.
9. Channov S.E. Nekotorye problemy primeneniya administrativnogo zaderzhaniya [Some Problems of Application Administrative Detention]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law], 2018, no. 2, pp. 195-205.
10. Tishkov V.A., Stepanov V.V. eds. *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity of Russia]. Moscow, IEA RAN Publ., 2018. 561 p.

11. Silbey S. After Legal Consciousness. *Annual Review of Law and Social Science*, 2005, no. 1, pp. 323-368. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.lawsocsci.1.041604.115938>.

12. Rogers, A. The Value of Ethnography and Legal Consciousness in a Legally Plural Context.

Abstract from Socio-Legal Studies Association Conference (Bristol, United Kingdom, 27-29 March 2018), 2018, pp. 41-42. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/af48eb_1b24410b4e934b96b50b0b7eb934f86f.pdf (accessed 10 July 2019).

Information about the Authors

Lyudmila V. Klimenko, Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Department of Business in Hospitality, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, lucl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7696-7830>

Oksana Yu. Posukhova, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Regionalism and Eurasian Studies, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, belloks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5334-9527>

Pavel E. Budaev, Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Management Technology and Tourism Industry, Southern Federal University, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, pavelbudaev@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2950-5542>

Информация об авторах

Людмила Владиславовна Клименко, доктор социологических наук, профессор кафедры бизнеса в сфере гостеприимства, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, lucl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7696-7830>

Оксана Юрьевна Посухова, кандидат социологических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, belloks@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5334-9527>

Павел Евгеньевич Будаев, кандидат социологических наук, доцент кафедры технологии управления и индустрии туризма, Южный федеральный университет, ул. Большая Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, pavelbudaev@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2950-5542>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.11>

UDC 346.62
LBC 67.402

Submitted: 04.09.2019
Accepted: 29.09.2019

ON EXPEDIENCY OF DIVIDING PUBLIC NEEDS IN THE SPHERE OF PURCHASES OF GOODS, WORKS AND SERVICES INTO GENERAL AND INTRA-ORGANIZATIONAL ONES

Vitaliy V. Kikavets

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

Introduction: the financial support of the public interest in the sphere of procurement is inextricably linked with the needs of the state in goods, works and services. At the same time, both state and municipal purchases include, as a rule, not only public needs aimed at performing the state functions, but also the needs of the existence and functioning of the customer as the executor of the state functions. Taking this into account, the **purpose** of the study is to assess the subject of the author's hypothesis on the need to exclude the phrases "state and municipal needs" from the normative legal acts regulating the sphere of procurement, and enshrine at the statutory level a single general concept of "public needs", as well as mandatorily divide them into general and intra-organizational ones. **Methods:** the methodological framework for the research consists of the following methods of scientific knowledge: historicism, systematicity, analysis, synthesis and comparative law. The **results** of the analysis of the normative legal acts regulating the sphere of procurement, the doctrinal literature and real practice allowed us to establish that the budget financing provides the planned and approved customer needs for goods, works, services, which also include the functioning of the customer. The use of the concept of "needs" and their confusion under the name of "state and municipal needs", do not correspond to the meaning of "need", which is a form of realization of the state functions. The concept of "needs" is more often used, both in connection with the implementation of the will and desire of the subject, and the implementation of actions against his will and desire, when he/she is forced by external circumstances or certain forces. The concept of "needs", as a rule, assumes the presence of the subject's own will to achieve a certain goal associated with the need to ensure its existence and activity. Needs are the basis of the manifestation of the subject's interest to achieve something, and the interest itself acts as a conscious need. Needs are not always directed to the interest of the subject. **Conclusions:** the study revealed that in order to unify the conceptual apparatus in the sphere of procurement, it is necessary to introduce and legalize a single concept of "public needs", which will not only reflect its essence and content, but also contribute to the uniformity of its use by the state and municipal customers, state corporations and other customers involved in ensuring public needs. The division of "public needs" into general and intra-organizational ones will allow all stakeholders to clearly assess both the necessity for the declared needs and the amounts declared for funding from the budget. This, if it does not increase the efficiency of budget spending, will at least contribute to their optimization.

Key words: the public interest, public needs, general and intra-organizational needs, budget expenditures, financial support, contracting procurement.

Citation. Kikavets V.V. On Expediency of Dividing Public Needs in the Sphere of Purchases of Goods, Works and Services into General and Intra-Organizational Ones. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 83-89. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.11>

УДК 346.62
ББК 67.402

Дата поступления статьи: 04.09.2019
Дата принятия статьи: 29.09.2019

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ НА ОБЩИЕ И ВНУТРИОРГАНИЗАЦИОННЫЕ

Виталий Викторович Кикавец

Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация

Введение: финансовое обеспечение публичных интересов в сфере закупок неразрывно связано с потребностями государства в товарах, работах, услугах. При этом и государственные, и муниципальные закупки включают, как правило, потребности не только публичные, направленные на выполнение функций государства, но и существования и функционирования самого заказчика как исполнителя этих функций. **Целью** исследования является предметная оценка авторской гипотезы о необходимости исключения из нормативных правовых актов, регулирующих сферу закупок, словосочетания «государственные и муниципальные нужды» и легального закрепления единого общего понятия «публичные потребности», а также обязательного разграничения потребностей на общие и внутриорганизационные. **Методы:** методологическую основу составили методы научного познания (историзм, системность, анализа, синтез) и сравнительно-правовой.

Результаты: бюджетное финансирование обеспечивает запланированные и утвержденные потребности заказчика в товарах, работах, услугах, в состав которых также входит и обеспечение функционирования самого заказчика. Использование понятия «нужды» и его смешение под общим наименованием «государственные и муниципальные нужды» не соответствуют смыслу понятия «потребность», представляющего форму реализации функций государства. Понятие «нужды» чаще используется в связи и с реализацией воли и желания самого субъекта, и с осуществлением действий, которые его вынуждают выполнять внешние обстоятельства или силы. Понятие «потребности», как правило, предполагает наличие у субъекта собственной воли в достижении цели, связанной с необходимостью обеспечения его существования и деятельности. Потребности составляют основу проявления интереса у субъекта к достижению чего-либо, а сам интерес выступает как осознанная потребность. Нужды не всегда направлены на достижение интереса субъекта.

Выводы: в целях унификации понятийного аппарата в сфере закупок необходимо ввести и легализовать единое понятие «публичные потребности», которое будет не только отражать свою сущность и содержание, но и способствовать единообразию его использования государственными и муниципальными заказчиками, государственными корпорациями и иными заказчиками, участвующими в обеспечении публичных потребностей. Разделение публичных потребностей на общие и внутриорганизационные позволит всем заинтересованным лицам наглядно оценить как саму необходимость в заявленных потребностях, так и суммы, заявленные к финансированию за счет бюджета. Указанное должно способствовать не только повышению эффективности расхода бюджетных средств, но и их оптимизации.

Ключевые слова: публичные интересы, публичные потребности, общие и внутриорганизационные потребности, бюджетные расходы, финансовое обеспечение, контрактная система в сфере закупок.

Цитирование. Кикавец В. В. О целесообразности разграничения публичных потребностей в сфере закупок товаров, работ и услуг на общие и внутриорганизационные // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 83–89. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.11>

Введение

Ежегодное увеличение объема расходов бюджетных средств, реализуемых в рамках контрактной системы в сфере закупок, требует акцентированного внимания и контроля, в том числе за эффективностью указанных расходов.

В рамках норм ст. 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации [4] (далее – БК РФ) эффективность использования бюджетных средств определяется получением заданного результата при условии достижения экономии средств бюджета и/или получения наилучшего результата в процессе реализации выделенного объема бюджетных средств. Принимая указанное во внимание, а также то, что результатом (заданным или наилучшим) является конечное удовлетворение потребностей государства в товарах, работах и услугах, полагаем необходимым раскрыть содержание

понятийного аппарата, а именно – понятия «публичные потребности».

Государственные нужды и публичный интерес

Понятие «государственные нужды», под которым значились определяемые установленным порядком потребности Российской Федерации или ее субъектов в продукции для решения общенациональных проблем и задач и обеспечиваемые за счет средств бюджетов и внебюджетных источников, в начале 90-х гг. получило легальное закрепление во многих нормативных правовых актах, однако на сегодняшний день большая часть из них упразднена. В Законе № 94-ФЗ [13] употреблялось, а в Законе № 44-ФЗ [12] без раскрытия содержания используется в настоящее время понятие «государственные и муниципальные нужды».

Из всего многообразия правовых позиций, представленных такими учеными, как Л.В. Андреева [1], О.А. Беляева [2], В.С. Гладков [6], К.В. Кичик [8], В.И. Кузнецовым [9] и др., выделяется определение государственных нужд, сформулированное В.С. Гладковым: «Это юридическая форма выражения публичного интереса, получившего в процессе плановой деятельности уполномоченных органов исполнительной власти последовательную конкретизацию до уровня потребности государства в определенных товарах, работах, услугах, в ходе удовлетворения которых осуществляется государственное управление» [6, с. 22].

Разделяя мнение ученого о публичном интересе, который проявляется в определенной форме, мы не можем согласиться, что эта форма «государственные», а ныне – «государственные или муниципальные нужды». Классификация власти на государственную и муниципальную в настоящее время оставляет спорные моменты и вопросы (сложно поставить на один уровень муниципальной власти маленькие поселки и города-миллионники). Однако с уверенностью возможно констатировать одно – оба вида власти являются публичной, соответственно, в процессе исполнения своих функций реализуют публичные интересы. Публичный интерес – это отражение публичных потребностей, поскольку у государства или муниципального образования, за редким исключением, нет своих интересов – есть только публичные.

Публичные нужды и потребности

Большинство словарей не содержит понятие «нужды». Исключением является «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля, в котором под «нудой», или «нуждой», понимается «неволя, принуждение, крайнее стеснение, надобность, необходимость, недостаток во всем, крайность» [7, с. 1450–1451]. Под «потребностями» составитель понимал «расходы, издержки на какие-либо надобности» [7, с. 935]. Следовательно, потребность связана с определенными издержками, но не продиктована такой острой необходимостью, как нужда. В «Философском энциклопедическом словаре» понятие «потребность» рассматривается во взаимосвязи производства и по-

требления материальных и духовных благ. При этом удовлетворение текущих потребностей неизменно приводит к образованию новых [14, с. 500]. В «Большом энциклопедическом словаре» сделан акцент на том, что осознанные обществом, социальными группами, общностями и индивидами потребности рассматриваются как их интересы [3, с. 949].

Следовательно, потребность проявляется в достижении обществом в рамках своего социально-политического, культурного и финансово-экономического развития определенных целей. В этом случае задача государства – формирование именно разумных потребностей, являющихся залогом рационального расхода бюджетных средств.

Опираясь на вышесказанное, можно констатировать следующее: понятие «потребность» шире, чем «нужда», поскольку включает последнюю. При этом наличие нужды жизненно необходимо, продиктовано природой (дышать воздухом, питаться), а потребность – это результат развития общественного сознания, без которого возможно существование общества, но достаточно затруднительно (дышать свежим воздухом, горячее или калорийное питание и т. д.).

Потребности лежат в основе проявления у субъекта интереса к достижению чего-либо, а сам интерес выступает как осознанная потребность. Нужды не всегда направлены на достижение его интереса. Вместе с тем функционирование любого заказчика обеспечивается систематическим или периодическим приобретением товаров, работ и услуг. Необходимость и фактическое наличие данной потребности позволяет нам классифицировать указанные потребности на внутриорганизационные и собственные.

Слова «нужды» и «потребности» при переводе с русского на английский язык имеют единое значение – «needs», что без уяснения внутреннего смысла и содержания способствует их ошибочному пониманию как тождественных.

Принимая во внимание изложенное, полагаем необходимым рассмотреть вопрос об использовании в нормативных правовых актах, регулирующих закупки, основного и единого понятия «публичные потребности», которое возможно употреблять для всех катего-

рий заказчиков: на федеральном уровне, уровне субъекта Российской Федерации и муниципальном уровне. Таким образом, категория «публичные потребности» может быть реализована в процессе обеспечения потребностей не только государственных, но и муниципальных.

Разграничение публичных потребностей

Вопрос разграничения публичных потребностей рассматривался ранее на уровне теоретических предположений соотношения «государственных нужд и собственных нужд заказчика», согласно которым большая часть ученых приняла сторону объединения всех нужд в единые – «государственные нужды» [8, с. 34–36].

Учитывая организационно-правовую форму юридических лиц, относимых к «категории» заказчик в рамках Закона № 44-ФЗ, а также порядок их финансового обеспечения, данный вывод представляется спорным. Для обеспечения публичных потребностей органы государственной власти и казенные учреждения финансируются путем доведения лимитов бюджетных обязательств, бюджетные автономные учреждения получают субсидии на выполнение государственного (муниципального) задания, иные юридические лица – средства на осуществление капитальных вложений в объекты государственной, муниципальной собственности. При этом в данном процессе упускается тот факт, что каждый заказчик одновременно становится «получателем для себя» определенного количества товаров, объема работ или услуг.

Любой орган или учреждение создается в целях выполнения задач и функций, для чего имеется штат работников, движимое и недвижимое имущество, на содержание, обслуживание и эксплуатацию которых выделяются средства соответствующего бюджета. Данная правовая позиция была легально закреплена в ст. 69 БК РФ (в редакции до 28.04.2007). Согласно статье среди форм предоставления бюджетных средств выделялись средства на обеспечение функционирования бюджетных учреждений и оплату заключенных ими контрактов. Основываясь на данной норме, Счетная палата Российской Федера-

ции также отмечала, что бюджетные учреждения осуществляют размещение заказов для обеспечения государственных или муниципальных нужд только в случаях, когда они представляют соответствующие органы власти и осуществляют по их поручению и за их счет размещение таких заказов [11]. Напомним, что изначально Закон № 94-ФЗ не предполагал в качестве заказчиков бюджетные и автономные учреждения.

В 2007 г. в результате начала реформирования бюджетных учреждений в Закон № 94-ФЗ добавили как заказчиков бюджетные, казенные и автономные учреждения, а в ст. 69.1 БК РФ были внесены изменения, согласно которым к бюджетным ассигнованиям на оказание государственных услуг относятся ассигнования на обеспечение выполнения функций казенных учреждений и предоставление субсидий бюджетным и автономным учреждениям, включая субсидии на финансовое обеспечение выполнения ими государственного задания.

Развивая данную позицию, Минфин Российской Федерации указал, что поскольку бюджетные учреждения созданы для осуществления государственных функций и оказания государственных услуг, они не имеют собственных нужд, а значит, и правовых оснований разделять закупки на производимые для собственных и государственных нужд [10]. На наш взгляд, федеральный орган исполнительной власти не учел то, что не государство, а само бюджетное учреждение в рамках гражданских правоотношений отвечает обязательствам, в том числе и заключенным договорам, всем своим имуществом самостоятельно. Подобное смешение воедино публичных (государственных) и внутриорганизационных потребностей не соответствует эффективному расходу бюджетных средств.

Внутриорганизационные публичные потребности

Представляется уместным привести нормы Генерального соглашения по тарифам и торговле от 30.10.1947 [5], предусматривающего изъятия в части закупок госучреждениями товаров, приобретаемых для внутриорганизационных потребностей, то есть не для пос-

ледующей перепродажи или использования в производстве в коммерческих целях. К сожалению, российские органы власти не обратили должного внимания на данный документ. Следствием этого, в частности, стали масштабные проблемы, связанные с приобретением товаров, продуктов питания, в том числе скоропортящихся, бюджетными учреждениями для последующей продажи физическим лицам в рамках приносящей доход деятельности (например, в буфеты, магазины в образовательных организациях, учреждениях здравоохранения и т. д.). Ассортимент товаров и продуктов значительно сократился в силу обязанности заказчика соблюдать нормы Закона № 44-ФЗ.

Приведем также другой пример. Для руководителя заказчика приобретается в собственность по итогам аукциона автомобиль бизнес-класса со снижением начальной (максимальной) цены контракта 5 млн рублей на 10 %. Заказчик рапортует об эффективности конкурентной закупки, повлекшей эффективный расход бюджетных средств. С одной стороны, цель торгов достигнута, в том числе благодаря электронному аукциону. С другой – непонятно: какой публичный интерес достигнут в процессе пользования дорогостоящей машиной чиновником или руководителем бюджетного, казенного учреждения? Для выполнения служебных задач, должностных функций данные лица могут использовать общественный транспорт, такси, в крайнем случае – автомобили бюджетного сегмента. Аналогичные ситуации – при оплате дорогой мебели, мобильной связи, канцелярских и хозяйственных товаров, командировочных расходов и т. д. Насколько эффективны в процессе обеспечения публичного интереса подобные закупки товаров, работ, услуг для потребностей аппарата заказчика? Каким образом внутриорганизационная потребность в замене имеющейся оргтехники или мебели на новую будет способствовать результативности или эффективности деятельности заказчика?

Расходы на приведенные выше внутриорганизационные потребности заказчика «растворяются» в общей массе бюджетных средств, выделяемых на оплату товаров, работ, услуг для публичных потребностей в целом. Зачастую расходы на содержание аппарата заказчика превышают суммы, предназначенные на обеспечение публичного интереса.

Результаты

Фактическое смещение общих и внутриорганизационных публичных потребностей привело к тому, что заказчики под формулировкой «государственные и муниципальные нужды» стали осуществлять закупки дорогих машин, строительство огромных дорогих зданий, требующих в последствии внушительных затрат на обслуживание и эксплуатацию («дворцы» Пенсионного фонда России и т. д.). В качестве противодействия подобным «законным» действиям заказчиков было введено нормирование закупок определенных товаров и услуг для разных категорий чиновников. Подобная новация, как, впрочем, и многие другие новшества правового регулирования контрактной системы в сфере закупок, не в полной мере способствовала достижению поставленных целей, поскольку реализуется преимущественно внутренними локальными актами заказчика и не соотносится с реальными потребностями общества (публичным интересом). Вместе с тем акцент законодателя на необходимости нормирования в сфере закупок доказывает наличие внутриорганизационных потребностей заказчика, которые не следует смешивать и отождествлять с общими публичными потребностями.

Не устранились проблемы и с реализацией общих публичных потребностей. Например, ежегодное увеличение расходов на благоустройство г. Москвы, в результате которого встречается неоднократная замена не так давно установленных бордюрного камня или тротуарной плитки на новые образцы.

Раздельный учет финансирования общих и внутриорганизационных публичных потребностей заказчика способен наглядно показать эффективность не только государственного или муниципального управления, но и расхода бюджетных средств, направленных на выполнение функций государства, а также существование и функционирование самого заказчика как исполнителя функций государства.

Выводы

В заключении отметим, что эффективности расхода бюджетных средств возможно достичь исключительно продуманным правовым регулированием сферы закупок в соот-

ветствии с ясным и понятным для всех без исключения целеполаганием и концепцией развития. Для этого вместо использования словосочетаний «государственные и муниципальные нужды» в обязательном порядке следует легально закрепить единое понятие «публичные потребности» с обязательным выделением в их составе общих и внутриорганизационных потребностей заказчика. Публичные потребности предлагаем определить как форму реализации публичного интереса в товарах, работах, услугах за счет бюджетных средств и внебюджетных источников.

Указанное позволит не только разделить государственные и муниципальные закупки, сохраняя единые принципы и методы правового регулирования, но и оптимизировать финансовое обеспечение внутриорганизационных потребностей, в том числе сократить нормы потребления, устанавливаемые во многом без учета общественного мнения – основной составляющей публичного интереса. Кроме того, это поспособствует повышению эффективности расхода бюджетных средств путем не только экономии и получения необходимого результата по каждому направлению, но и контроля соотношения расходов на общие и внутриорганизационные публичные потребности. Таким образом, значительная часть бюджетного финансирования будет направлена на реальное удовлетворение публичного интереса с помощью финансирования непосредственно общих публичных, а не внутриорганизационных потребностей заказчика.

Полагаем необходимым рассмотреть вопрос о внесении изменений в статью 34 БК РФ, согласно которым эффективность использования бюджетных средств следует определять, как своевременное и всестороннее обеспечение участником бюджетного процесса в рамках его бюджетных полномочий общих и внутриорганизационных публичных потребностей с использованием наименьшего и/или определенного объема бюджетных средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, Л. В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое ре-

гулирование / Л. В. Андреева. – М. : Волтерс Клувер, 2009. – 191 с.

2. Беляева, О. А. Торги: основы теории и проблемы практики : монография / О. А. Беляева. – М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : Инфра-М, 2015. – 250 с.

3. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия ; СПб. : Норинт, 2000. – 1456 с. : ил.

4. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Гладков, В. С. Государственный заказ в сфере государственного управления экономикой : дис. ... канд. юрид. наук / Гладков Владимир Станиславович. – Ростов н/Д, 2008. – 27 с.

7. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т / В. И. Даль. – М. : Прогресс : Универс, 1994. – Т. 2: И-О. – 912 с. ; Т. 3: П-Р. – 912 с.

8. Кичик, К. В. Государственный (муниципальный) заказ России: правовые проблемы формирования, размещения и исполнения: монография / К. В. Кичик. – М. : Юстицинформ, 2012. – 260 с.

9. Кузнецов, В. И. Правовое регулирование института государственного заказа: дис. ... канд. юрид. наук / Кузнецов Владимир Иванович. – М., 2005. – 188 с.

10. Письмо Минфина РФ от 06.04.2007 № 02-13-10/833. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Письмо Счетной палаты РФ от 04.12.2006 № 01-1658/15-08. – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».

12. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (утратил силу с 01.01.2014). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев [и др.]. – 2-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1989. – 815 с.

REFERENCES

1. Andreeva L.V. *Zakupki tovarov dlya federalnykh gosudarstvennykh nuzhd: pravovoe*

regulirovanie [Procurement of Goods for Federal State Needs: Legal Regulation]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2009. 191 p.

2. Belyaeva O.A. *Torgi: osnovy teorii i problemy praktiki : monografiya* [Trades: Fundamentals of Theory and Problems of Practice. Monograph]. Moscow, Institut zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF Publ., Infra-M Publ., 2015. 250 p.

3. *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [A Large Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed., rev. and ad. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ.; Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1456 p.

4. *Byudzhetnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 31.07.1998 № 145-FZ* [The Budget Code of the Russian Federation]. Access from Reference Legal System "KonsultantPlus".

5. *Generalnoe soglasenie po tarifam i trgovle (GATT 1947)* [General Agreement on Tariffs and Trade (GATT 1947)]. Access from Reference Legal System "KonsultantPlus".

6. Gladkov V.S. *Gosudarstvennyy zakaz v sfere gosudarstvennogo upravleniya ekonomikoy: dis. ... kand. yurid. nauk* [State Order in the Field of Public Administration of the Economy. Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2008. 27 p.

7. Dahl V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: I-O]. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, vol. 2: I-O. 912 p.; vol. 3: P-R. 912 p.

8. Kichik K.V. *Gosudarstvennyy (munitsipalnyy) zakaz Rossii: pravovye problemy formirovaniya, razmeshcheniya i ispolneniya : monografiya* [State

(Municipal) Order of Russia: Legal Problems of Formation, Placement and Execution. Monograph]. Moscow, Yustitsinform, 2012. 260 p.

10. Kuznetsov V.I. *Pravovoe regulirovanie instituta gosudarstvennogo zakaza: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Regulation of the State Order of the Institute. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2005. 188 p.

10. *Pismo Minfina RF ot 06.04.2007 № 02-13-10/833* [Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. Access from Reference Legal System "KonsultantPlus".

11. *Pismo Schetnoy palaty RF ot 04.12.2006 № 01-1658/15-08* [Letter of the Accounts Chamber of the Russian Federation]. Access from "Garant" Informational and Legal Web Portal.

12. *Federalnyy zakon «O kontraktnoy sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennykh i munitsipalnykh nuzhd» ot 05.04.2013 № 44-FZ* [Federal Law "On Contract System in the Procurement of Goods, Works and Services for State and Municipal Needs" of April 5, 2013 No. 44-FL]. Access from Reference Legal System "KonsultantPlus".

13. *Federalnyy zakon «O razmeshchenii zakazov na postavki tovarov, vypolnenie rabot, okazanie uslug dlya gosudarstvennykh i munitsipalnykh nuzhd» ot 21.07.2005 № 94-FZ* [The Federal law "On Placing Orders for Goods, Works and Services for State and Municipal Needs" of July 21, 2005 no. 94-FL]. Access from Reference Legal System "KonsultantPlus".

14. Averincev S.S. et al. eds. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1989. 815 p.

Information about the Author

Vitaliy V. Kikavets, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Financial Law, Russian State University of Justice, Novocheremushkinskaya St., 69, 117418 Moscow, Russian Federation, viking0071@mail.rufinpravo@rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7931-8497>

Информация об авторе

Виталий Викторович Кикавец, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права, Российский государственный университет правосудия, ул. Новочеремушкинская, 69, 117418 г. Москва, Российская Федерация, viking0071@mail.rufinpravo@rsuj.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7931-8497>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.12>

UDC 346.11
LBC 67.405.2

Submitted: 15.09.2019
Accepted: 05.10.2019

DISABILITY CATEGORIZATION AS A JURIDICAL FACT IN TERMS OF SOCIAL PROTECTION AND THE DEVELOPMENT OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP: THE LEGAL EXPERIENCE OF ENGLAND

Oksana N. Petyukova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Alexei I. Railyan

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: due to the fact that the number of disabled people, according to Rosstat, has been 8.25% of the total population of the Russian Federation, the issues of the legislative regulation of the procedure of disability categorization as a juridical fact in social support of invalids, and also in the context of the social entrepreneurship development are relevant at the present stage. Of particular interest in this regard is the positive foreign legal experience of England. **Methods:** using such scientific methods as theoretical analysis, as well as the comparative law and formal-legal methods, the authors of the scientific paper have analyzed the key issues of social support for the disabled in the context of social entrepreneurship in England. **Results:** based on the analysis of the English legislation and scientific literature, the authors of the study have determined that in case of failure to comply with the requirements stipulated by the law, the determination of the fact of disability (the existence of restrictions of the person's vital activity) will be made by the procedural and legal methods. It is revealed that in order to provide measures of social support (individual payment in connection with disability) the determination of the fact of disability is made directly when considering the appeal of a citizen in connection with the purpose of payment. It is emphasized that the Russian legislation should take into account the positive legal experience of England on social enterprises (community interest company).

Key words: law, the disabled, medical-social examination, re-examination, rehabilitation of the disabled, rehabilitation, social protection of invalids, social entrepreneurship.

Citation. Petyukova O.N., Railyan A.I. Disability Categorization as a Juridical Fact in Terms of Social Protection and the Development of Social Entrepreneurship: The Legal Experience of England. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 90-98. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.12>

УСТАНОВЛЕНИЕ ИНВАЛИДНОСТИ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ПРАВОВОЙ ОПЫТ АНГЛИИ

Оксана Николаевна Петюкова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Алексей Иванович Райлян

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в связи с тем что численность инвалидов, по данным Росстата, составила 8,25 % от всего населения Российской Федерации, вопросы законодательного регулирования порядка установления инвалидности в качестве юридического факта в целях социальной поддержки инвалидов, а также в контексте развития социального предпринимательства, безусловно, являются актуальными на современном этапе. Особый интерес в этой связи представляет позитивный зарубежный правовой опыт Англии. **Методы:** используя такие научные методы, как сравнительно-правовой и формально-юридический, а также теоретический анализ, авторы научной статьи проанализировали ключевые вопросы социальной поддержки инвалидов в контексте социального предпринимательства в Англии. **Результаты:** на основании проведенного анализа английского законодательства и научной литературы авторами исследования определено, что в случае нарушения требований, закрепленных законом, установление факта инвалидности (наличие ограничений жизнедеятельности лица) будет производиться процессуально-правовыми методами. Выявлено, что в целях предоставления мер социальной поддержки (индивидуальный платеж в связи с инвалидностью) установление факта инвалидности производится непосредственно при рассмотрении обращения гражданина в связи с назначением выплаты. Подчеркивается, что в российском законодательстве следует учитывать позитивный правовой опыт Англии о социальных предприятиях (community interest company).

Ключевые слова: право, инвалиды, медико-социальная экспертиза, переосвидетельствование, реабилитация инвалидов, реабилитационные мероприятия, социальная защита инвалидов, социальное предпринимательство.

Цитирование. Петюкова О. Н., Райлян А. И. Установление инвалидности как юридический факт в контексте социальной защиты и развития социального предпринимательства: правовой опыт Англии // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 90–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.12>

Введение

Актуальность вопросов законодательного регулирования порядка установления инвалидности в качестве юридического факта в целях социальной защиты инвалидов, а также в контексте развития социального предпринимательства обусловлена тем, что в последние годы реабилитация инвалидов в Российской Федерации постепенно из категории «социальной» перешла в категорию «национальной безопасности». По данным Росстата на 1 января 2018 г. численность инвалидов составила 12,111 млн человек, или 8,25 % от всего населения страны [4].

Установление инвалидности как юридический факт

Согласно российскому законодательству инвалидом является лицо, имеющее нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты, а признание лица инвалидом и определение его потребностей в мерах социальной защиты, включая реабилитацию, проводится в рамках медико-социальной экспертизы [5].

Для обозначения инвалидности в английском праве используется термин «disability»,

что дословно следует понимать как «ограничение возможностей». При этом в английском праве отсутствует понятие медико-социальной экспертизы как специальной процедуры, а порядок установления факта инвалидности, то есть наличия ограничений в возможности передвигаться, работать, вести активную социальную жизнь, зависит от целей такого признания.

Так, Акт о равенстве 2010 г. [7] определяет инвалидность как физическое или психическое нарушение, которое имеет существенное и долгосрочное (двенадцать месяцев и более) негативное влияние на возможности физического лица осуществлять повседневную (обычную) деятельность (ст. 6).

При этом для оценки влияния нарушения здоровья на жизнедеятельность лица необходимо учитывать следующие факторы: подвижность (возможность передвигаться самостоятельно, использовать транспорт, подниматься по ступеням), ловкость рук, координация движений (например, возможность управления автотранспортом), возможность поднимать и переносить бытовые предметы, речь, слух, зрение, память, возможность концентрировать внимание, восприятие опасности и др. [9]

Существенность такого негативного влияния предполагает не только невозможность осуществления повседневной деятельности, но и затруднения в таком осуществлении, например, если обычная деятельность вызывает боль или усталость, имеются ограничения по состоянию здоровья и др. [9]

В ряде случаев факт инвалидности не требует доказывания. Например, если работник зарегистрирован местными органами власти или сертифицированным офтальмологом в связи со зрительным расстройством или слепотой, в случае диагностирования ВИЧ-инфекции, раковых заболеваний, рассеянного склероза.

Вместе с тем Акт о равенстве 2010 г. был принят в целях гармонизации законодательства о недискриминации и совершенствования правового регулирования в части обеспечения равенства граждан (запрет любых форм дискриминации).

В частности, указанный Акт возлагает на работодателей, лиц, осуществляющих

предпринимательскую деятельность (например, в сфере розничной торговли), и других хозяйствующих субъектов обязанности по обеспечению физической доступности помещений для инвалидов и предоставлению им дополнительной помощи (ст. 20).

Акт о равенстве 2010 г. гарантирует защиту прав и законных интересов инвалидов при собеседовании и приеме на работу, включая запрет дискриминации в ходе профессионального тестирования, в части условий труда и заработной платы, возможности карьерного роста и обучения, а также привлечения к дисциплинарной и материальной ответственности, увольнения работника.

В сфере образования также установлен запрет как на прямую дискриминацию, например отказ в приеме в образовательное учреждение в связи с инвалидностью заявителя, так и на косвенную – поддержание условий, препятствующих нормальной жизнедеятельности инвалида (раздел 6 Акта о равенстве 2010 г.).

В этой связи на образовательные учреждения также возложена обязанность по оценке условий жизнедеятельности, предоставлению дополнительной поддержки и помощи, например по обеспечению наличия оборудования, специальных педагогов и др. В штате высших учебных заведений в обязательном порядке предусматривается наличие сотрудника, осуществляющего функции по содействию студентам-инвалидам.

При этом под дискриминацией, в соответствии со ст. 15 Акта о равенстве 2010 г., понимается «неблагоприятное» отношение в связи с инвалидностью лица, не обусловленное правомочностью цели (например, обеспечение безопасности и т. п.).

В то же время указанные выше субъекты освобождаются от ответственности, если будет доказано, что они не знали и не могли знать о факте инвалидности лица, подвергшегося дискриминации.

Таким образом, в целях применения Акта о равенстве 2010 г. не требуется признание факта инвалидности на основании административного акта уполномоченного субъекта, а в случае возникновения спора в связи с дискриминацией лица по признаку инвалидности наличие или отсутствие существенных наруше-

ний жизнедеятельности и разумная невозможность узнать о них будет устанавливаться процессуально-правовыми методами в соответствии с нормами о доказательствах и доказывании.

Обязанность по оценке факторов, влияющих на ограничение возможностей по осуществлению «нормальной» жизнедеятельности и созданию доступной среды, а также условий труда и пр. при этом возлагается на хозяйствующих субъектов (работодателей, образовательные учреждения, лиц, осуществляющих реализацию товаров по договорам розничной купли-продажи, и др.).

Социальная поддержка инвалидов

Несколько по-иному решается вопрос в случае обращения лица за получением мер государственной поддержки.

Так, 6 декабря 2010 г. Правительство Великобритании опубликовало предложения по реформе существующей системы выплат инвалидам, предполагая заменить пособие по инвалидности специальным индивидуальным платежом в связи с инвалидностью. Пособие по инвалидности, введенное в 1992 г., было призвано обеспечить потребности инвалидов в покрытии дополнительных расходов, связанных с условиями жизни. В то же время к 2010 г., по мнению членов Правительства, оно перестало отвечать объективным потребностям. Вместе с тем за такой формулировкой скрывается желание снизить расходы бюджета, так как за десять лет, согласно п. 7.2 Пояснительного меморандума к Инструкции об индивидуальном платеже [8], количество получателей пособия по инвалидности возросло на 40 % – с 2,4 до 3,2 млн, что отмечается именно как негативный фактор.

Индивидуальный платеж в связи с инвалидностью (Personal Independence Payment) представляет собой выплату лицам с длительным нарушением здоровья вследствие физических недостатков (болезни) и (или) психического заболевания для покрытия дополнительных расходов, с которыми такие лица могут столкнуться в целях ведения ими полной, активной и независимой социальной жизни (отсюда и использование в наименовании платежа термина «Independence»), то есть дос-

ловно это платеж в целях обеспечения личной независимости). Таким образом, в определении индивидуального платежа фактически отражено понятие инвалидности для целей получения соответствующей социальной выплаты.

Данный платеж не облагается налогами и не предполагает предшествующую ему выплату получателем специальных взносов, а также не зависит от финансового положения и занятости получателя.

Индивидуальный платеж был введен в апреле 2013 г. в рамках реформы законодательства о социальной защите населения [12] для лиц в возрасте от 16 до 64 лет и заменил пособие по инвалидности для совершеннолетних [11].

Структура данной социальной выплаты представлена двумя элементами:

1) ежедневные расходы – компенсация дополнительных бытовых расходов;

2) расходы, связанные с мобильностью, – компенсация дополнительных расходов лиц с инвалидностью, возникающих в связи с передвижением.

Особенностью Инструкции об индивидуальном платеже в связи с инвалидностью является объединение процедуры принятия решения о назначении выплаты и установления факта инвалидности.

Так, на первом этапе заявитель обращается в Министерство труда и пенсионного обеспечения, далее, после определения предполагаемых оснований получения выплаты в связи с инвалидностью, заявителю предлагается заполнить опросник «Как инвалидность влияет на Вас» и приложить соответствующие доказательства, например медицинскую документацию и т. п. Интересно отметить, что законодательство не предусматривает какого-либо специального перечня документов на этот случай.

После поступления опросника с приложениями дело передается на рассмотрение уполномоченному лицу (assessment provider – «оценщик») для составления заключения, а также сбора дополнительных доказательств и представления окончательного отчета в Министерство труда и пенсионного обеспечения.

При рассмотрении поступившего обращения гражданина задачей работника здра-

вохранения является оценка функционального эффекта, получаемого в результате влияния состояния здоровья заявителя на его жизнедеятельность за двенадцатимесячный период. В этой связи на сертифицированного работника здравоохранения, осуществляющего оценку поступившего обращения, возлагаются следующие обязанности:

- проанализировать информацию из опросника заявителя и представленных документов;

- определить возможность подготовки заключения на основании представленных документов;

- определить необходимость сбора дополнительных доказательств, находящихся, например, у лечащего врача или иных лиц (осуществляющих уход за инвалидом и др.);

- при необходимости провести личную консультацию с заявителем;

- на основании проведенного анализа поступившей информации подготовить отчет для Министерства труда и пенсионного обеспечения относительно итогов рассмотрения заявления с указанием соответствующих рекомендаций.

В указанном отчете должна содержаться следующая информация:

- сведения о заявителе, включая информацию о состоянии здоровья и соответствующих нарушениях, их влиянии на жизнедеятельность лица;

- сведения о текущем курсе лечения;

- сведения о баллах по всем видам активности, исходя из указанных в Приложении 1 к Инструкции об индивидуальном платеже в связи с инвалидностью дескрипторах;

- обоснование выводов исходя из представленных доказательств;

- прогноз состояния здоровья заявителя;

- вывод о необходимости (отсутствии необходимости) дополнительной помощи со стороны Министерства труда и пенсионного обеспечения при оформлении выплаты в связи с инвалидностью.

После сбора всех необходимых сведений, включая при необходимости проведения собеседования с заявителем, сотрудник Министерства труда и пенсионного обеспечения рассматривает обращение и принимает реше-

ние либо о назначении выплаты, либо об отказе в ее назначении.

В случае несогласия заявителя с принятым решением предусмотрена возможность пересмотра дела в обязательном досудебном административном порядке. При неудовлетворительных результатах обжалования в административном порядке защита нарушенных прав лица, обратившегося за получением выплаты в связи с инвалидностью, осуществляется судом.

Интересно отметить, что при рассмотрении обращения вместо формального диагноза прежде всего исследуется индивидуальная возможность лица осуществлять каждодневную деятельность и оценивается общее влияние состояния здоровья и соответствующих нарушений на функциональные способности.

Таким образом, индивидуальный платеж в связи с инвалидностью – это не пособие по инвалидности, а специальная выплата на возмещение дополнительных ежедневных (бытовых) расходов лица, вызванных длительным ухудшением здоровья, которое существует наряду с иными мерами социальной поддержки, оказываемыми Национальной службой здравоохранения (National Health Service) или местными органами власти.

Например, согласно Приложению 1 к Инструкции об индивидуальном платеже при принятии решения о назначении выплаты в связи с инвалидностью необходимо оценить десять факторов, связанных с ежедневной деятельностью заявителя, и два – с мобильностью.

К числу первых относятся приготовление и прием пищи, необходимость следить за состоянием здоровья, умывание и купание, отправление естественных потребностей, одевание и раздевание, речь, чтение, общение, возможность принятия финансовых решений. Ко вторым относятся возможность самостоятельного передвижения, а также планирование и осуществление дальних поездок.

Каждый вид активности содержит ряд дескрипторов, которые характеризуют уровень затруднений в осуществлении соответствующей деятельности. Таким образом, проводящий проверку поступившего обращения работник здравоохранения определяет подхо-

дящий дескриптор, а сотрудник Министерства труда и пенсионного обеспечения устанавливает соответствие выбранного дескриптора представленным доказательствам. При этом каждому дескриптору присвоен определенный балл, а подсчет совокупного балла по всем видам активности позволяет принять решение о назначении выплаты и ее размере – базовом (8 баллов) или повышенном (12 баллов) для каждого из компонентов (передвижение и жизнедеятельность).

Специальные правила предусмотрены в случае обращения для получения индивидуального платежа смертельно больных пациентов (ст. 21 Инструкции об индивидуальном платеже в связи с инвалидностью). К такому относятся лица, страдающие прогрессирующим заболеванием, смерть от которого предположительно может наступить в течение шести месяцев. В таком случае заявителю необходимо представить справку формы DS1500, выданную лечащим врачом. При подтверждении факта смертельного заболевания заявителю автоматически назначается повышенный размер платежа по компоненту «ежедневная деятельность», в то же время размер платежа по компоненту «мобильность» подлежит оценке на общих основаниях.

Еженедельный размер платежа, установленный ст. 24 Инструкции об индивидуальном платеже в связи с инвалидностью, рассчитывается по каждому компоненту в отдельности.

Социальное предпринимательство

Многие вопросы социальной поддержки инвалидов можно решить не только за счет государственного бюджета, но и силами бизнес-сообщества. В настоящее время во многих странах мира распространены идеи социального предпринимательства, закрепленные законодательным образом и широко применяемые на практике.

При этом под социальным предпринимательством понимается социально ответственная деятельность субъектов предпринимательства, направленная на решение социальных проблем, в числе которых, например, обеспечение занятости инвалидов, пре-

доставление востребованных социальных услуг и др. [3].

Анализируя опыт социального предпринимательства в странах англосаксонской правовой семьи, исследователи отмечают, что в Великобритании распространены публичные благотворительные корпорации или корпорации общественной пользы (Public-benefit corporation), а в США – низкодоходные компании или общества с ограниченной ответственностью с низкой прибылью (Low – Profit Limited Liability Company) [6].

Еще в 2006 г. в Великобритании при Кабинете министров был сформирован Отдел социального предпринимательства и финансов. Часто социальное предпринимательство рассматривается как инструмент снижения социальной напряженности в обществе. При этом в Великобритании легализована обязательная необходимость реинвестирования 2/3 прибыли от деятельности в решение социальных проблем, что следует учесть и в законодательном регулировании основных видов социально значимой предпринимательской деятельности в России [1].

Возникновение особой разновидности правовой модели социального предприятия было ознаменовано принятием закона «О регулировании деятельности компаний общественных интересов» (The Community Interest Company Regulations 2005 № 1788) [10].

В Великобритании основное внимание законодателя в этом случае уделяется повышению эффективности рыночных показателей работы социальных предприятий (около 50 % их дохода должно быть образовано в результате продажи товаров и услуг), это разновидность компании, основная цель которой – ведение коммерческой деятельности в интересах определенного сообщества. Социальное предприятие (community interest company) относится к некоммерческим организациям (not-for-profit), получение прибыли не является основной целью его деятельности [2].

Говоря о перспективах развития социального предпринимательства в России, необходимо исходить из принятых в российской правовой доктрине подходов и правового регулирования деятельности в данной сфере, учитывая позитивный зарубежный правовой опыт.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного анализа английского законодательства, регулирующего общественные отношения по установлению инвалидности, социальной защите и развитию социального предпринимательства, можно сделать следующие выводы:

1. Порядок установления факта инвалидности зависит от целей такого признания.

2. В целях применения Акта о равенстве 2010 г., устанавливающего запрет на любые формы дискриминации, не требуется признание факта инвалидности уполномоченным субъектом. При этом обязанность по созданию доступной среды, соответствующих условий труда, учебы и пр. для лиц с ограниченными возможностями возлагается на хозяйствующих субъектов. В случае нарушения требований, закрепленных законом, установление факта инвалидности (наличие ограничений жизнедеятельности лица) будет производиться процессуально-правовыми методами.

3. В целях предоставления мер социальной поддержки (индивидуальный платеж в связи с инвалидностью) установление факта инвалидности производится непосредственно при рассмотрении обращения гражданина в связи с назначением выплаты.

4. В таком случае установление признаков инвалидности осуществляется сертифицированным при Министерстве труда и пенсионного обеспечения работником здравоохранения в соответствии с Инструкцией об индивидуальном платеже в связи с инвалидностью на основании представленных заявителем и дополнительно истребованных доказательств (включая сведения, полученные от лечащего врача или лица, осуществляющего уход, личное собеседование с заявителем). Проведение комплексной коллегиальной медико-социальной экспертизы не предусмотрено.

5. При этом многие вопросы социальной поддержки инвалидов можно решить не только за счет государственного бюджета, но и развивая социальное предпринимательство, учитывая позитивный правовой опыт Англии о социальных предприятиях (community interest company).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гришина, Я. С. Перспективы реализации концептуальной модели правового обеспечения российского социального предпринимательства : концепция Федерального закона «О государственных гарантиях развития социального предпринимательства» / Я. С. Гришина // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». – 2016. – № 1. – С. 34–39.

2. Гришина, Я. С. Сравнительно-правовое исследование социального предпринимательства в странах Америки и Европы / Я. С. Гришина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 111–121.

3. Плетень, А. С. Социальное предпринимательство в современной России: законодательное регулирование и основные направления государственной поддержки / А. С. Плетень // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 10. – С. 94–101.

4. Положение инвалидов // Федеральная служба государственной статистики. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/ (дата обращения: 15.05.2019). – Загл. с экрана.

5. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 27.11.1995. – № 48. – Ст. 4563. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Callison, W. J. The L3C Illusion: Why Low-Profit Limited Liability Companies will not Stimulate Socially Optimal Private Foundation Investment in Entrepreneurial Ventures / W. J. Callison, A. W. Vestal. – Electronic text data. – Mode of access: <https://lawreview.vermontlaw.edu/wp-content/uploads/2012/02/22-Callison-Book-1-Vol.-35.pdf>. – Title from screen.

7. Equality Act 2010. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/contents> (date of access: 13.09.2019). – Title from screen.

8. Explanatory Memorandum to The Social Security (Personal Independence Payment) Regulations 2013. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.legislation.gov.uk/uksi/2013/377/pdfs/uksiem_20130377_en.pdf (date of access: 13.09.2019). – Title from screen.

9. Lewis, T. Proving Disability and Reasonable Adjustments. A Guide to Evidence under the Equality Act 2010, October 2014 / T. Lewis. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.coursehero.com/file/30805083/proving-disability-and-reasonable-adjustmentsdoc/>. – Title from screen.

10. The Community Interest Company Regulations 2005 N 1788. – Electronic text data. – Mode

of access: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2005/1788/contents/made> (date of access: 13.09.2019). – Title from screen.

11. The Social Security (Personal Independence Payment) Regulations 2013. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2013/377/made> (date of access: 13.09.2019). – Title from screen.

12. Welfare Reform Act 2012. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/5/contents> (date of access: 13.09.2019). – Title from screen.

REFERENCES

1. Grishina Ya.S. Perspektivy realizatsii kontseptualnoy modeli pravovogo obespecheniya rossiyskogo sotsialnogo predprinimatelstva: kontseptsiya Federalnogo zakona «O gosudarstvennykh garantiyakh razvitiya sotsialnogo predprinimatelstva» [Prospects for the Implementation of the Conceptual Model of Legal Support for Russian Social Entrepreneurship: The Concept of the Federal Law “On State Guarantees of the Development of Social Entrepreneurship”]. *Predprinimatelskoe pravo. Prilozhenie «Pravo i Biznes»* [Business Law. The Application “Law and Business”], 2016, no. 1, pp. 34-39.
2. Grishina Ya.S. Sravnitelno-pravovoe issledovanie sotsialnogo predprinimatelstva v stranakh Ameriki i Yevropy [Comparative Legal Study of Social Entrepreneurship in the Countries of America and Europe]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Jurisprudence], 2012, no. 2, pp. 111-121.
3. Pleten A.S. Sotsialnoe predprinimatelstvo v sovremennoy Rossii: zakonodatelnoe regulirovanie i osnovnye napravleniya gosudarstvennoy podderzhki [Social Entrepreneurship in Modern Russia: Legislative Regulation and the Main Directions of State Support]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2016, no. 10, pp. 94-101.
4. Polozhenie invalidov [Situation of Persons with Disabilities]. *Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/# (accessed 15 May 2019).
5. Federalnyy zakon ot 24.11.1995 № 181-FZ «O sotsialnoy zashchite invalidov v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of November 24, 1995 N 181-FZ “On the Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of the Legislation of the Russian Federation], 27.11.1995, no. 48, art. 4563. Access from Reference Legal System “Consultant Plus”.
6. Callison W.J., Vestal A.W. *The L3C Illusion: Why Low-Profit Limited Liability Companies will not Stimulate Socially Optimal Private Foundation Investment in Entrepreneurial Ventures*. URL: <https://lawreview.vermontlaw.edu/wp-content/uploads/2012/02/22-Callison-Book-1-Vol.-35.pdf>.
7. *Equality Act 2010*. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/contents> (accessed 13 September 2019).
8. *Explanatory Memorandum to The Social Security (Personal Independence Payment) Regulations 2013*. URL: http://www.legislation.gov.uk/uksi/2013/377/pdfs/uksiem_20130377_en.pdf (accessed 13 September 2019).
9. Lewis T. *Proving Disability and Reasonable Adjustments. A Guide to Evidence under the Equality Act 2010*. October 2014. URL: <https://www.coursehero.com/file/30805083/proving-disability-and-reasonable-adjustmentsdoc/>.
10. *The Community Interest Company Regulations 2005 N 1788*. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2005/1788/contents/made> (accessed 13 September 2019).
11. *The Social Security (Personal Independence Payment) Regulations 2013*. URL: <http://www.legislation.gov.uk/uksi/2013/377/made> (accessed 13 September 2019).
12. *Welfare Reform Act 2012*. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/5/contents> (accessed 13 September 2019).

Information about the Authors

Oksana N. Petyukova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, 4 Veshnyakovskiy Proezd, 4, 109456 Moscow, Russian Federation, oksana55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0127-9747>

Alexei I. Railyan, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Risk Analysis and Economic Security, Financial University under the Government of the Russian Federation, 4 Veshnyakovskiy Proezd, 4, 109456 Moscow, Russian Federation, skink@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5533-791X>

Информация об авторах

Оксана Николаевна Петюкова, доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 4-й Вешняковский проезд, 4, 109456 г. Москва, Российская Федерация, oksana55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0127-9747>

Алексей Иванович Райлян, кандидат юридических наук, доцент кафедры анализа рисков и экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 94-й Вешняковский проезд, 4, 109456 г. Москва, Российская Федерация, skink@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5533-791X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.13>

UDC 347.724
LBC 67.404.9

Submitted: 10.09.2019
Accepted: 03.10.2019

THE ROLE OF CORPORATE AGREEMENT AS A LEGAL MECHANISM FOR REGULATING CORPORATE RELATIONS UNDER THE CIVIL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Elmira F. Baibekova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation

Introduction: the paper is devoted to the study of the institution of corporate agreement incorporated into the Russian legislation in the course of the civil law reform. The **purpose** is to determine the essence, meaning and basic characteristics of the corporate agreement in civil law of Russia, by virtue whereof, the author analyzes the concept of subject of the corporate agreement, the main aspects of its legal nature, and also produces a comparative legal analysis of the correlation of the company's charter and the corporate agreement. Using the **methods** of scientific knowledge, especially the method of system analysis, in order to identify the areas of improvement of the corporate agreement in the field of regulating corporate rights and obligations, the author analyzes the corporate agreement's role in the implementation and protection of the company's corporate rights, as well as in the development of corporate relations. The necessity of further detailed legislative regulation of corporate agreements is argued. **Results:** the legal confirmation of the institution of corporate agreement in the civil legislation of the Russian Federation allowed the participants of business companies to implement and control their corporate rights and obligations, as well as liability for their non-performance, in accordance with this agreement. **Conclusions:** corporate agreement is a relatively new institution for the Russian reality, so it requires special attention. It is of great interest to business, which can be seen in practical examples, even the largest corporations with the state participation become parties to such agreements. The need for a detailed study of the corporate agreement is due to the ambiguous position of the legislator regarding the essence, meaning and content of this agreement. The absence of a solid theoretical basis on these issues can have a very negative impact on the law enforcement practice.

Key words: legal entity, corporation, charter, corporate agreement, corporate legal relations, company member, corporate rights and obligations.

Citation. Baibekova E.F. The Role of Corporate Agreement as a Legal Mechanism for Regulating Corporate Relations under the Civil Legislation of the Russian Federation. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 99-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.13>

УДК 347.724
ББК 67.404.9

Дата поступления статьи: 10.09.2019
Дата принятия статьи: 03.10.2019

РОЛЬ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА КАК ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА РЕГУЛИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Эльмира Фаридовна Байбекова

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Российская Федерация

Введение: в данной статье анализируется институт корпоративного договора, систематизированного в законодательство Российской Федерации в ходе преобразования гражданского законодательства. **Цель** состоит в определении сущности, значения и основных признаков корпоративного договора в гражданском

праве России, в связи с этим автор анализирует понятие предмета корпоративного договора, основные аспекты его правовой природы, а также проводит сравнительно-правовой анализ соотношения устава общества и корпоративного договора. С помощью **методов** научного познания автором в целях выявления направлений совершенствования корпоративного договора в области регулирования корпоративных прав и обязанностей была проанализирована роль корпоративного соглашения в реализации и защите корпоративных прав участников общества. **Результаты:** закрепление корпоративного договора как института гражданского законодательства Российской Федерации дало возможность участникам обществ осуществлять и контролировать корпоративные права и обязанности, а также ответственность за их неисполнение в соответствии с данным договором. **Выводы:** корпоративный договор для российской действительности относительно новый институт, поэтому требует к себе особого внимания. Он представляет огромный интерес для бизнеса, что можно увидеть на практических примерах, членами таких соглашений становятся даже крупнейшие корпорации с государственным участием. Необходимость детального изучения корпоративного договора обусловлена неоднозначной позицией законодателя относительно сущности, значения и содержания данного соглашения.

Ключевые слова: юридическое лицо, корпорация, устав, корпоративный договор, корпоративные правоотношения, участник общества, корпоративные права и обязанности.

Цитирование. Байбекова Э. Ф. Роль корпоративного договора как правового механизма регулирования корпоративных отношений по гражданскому законодательству Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 99–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.13>

Введение

После того как 1 сентября 2014 г. вступили в действие изменения в гражданском законодательстве, возникла ситуация, при которой значительные преобразования произошли в общей части ГК РФ. В качестве одного из наиболее существенных изменений, наступивших в результате принятия рассматриваемого кодифицированного акта, предстает факт закрепления на правовом уровне понятия «корпоративный договор». Положения ст. 67.2 ГК РФ регламентируют, что в процессе осуществления хозяйственной деятельности участникам хозяйственного общества предоставляется право на заключение между собой корпоративного договора, в котором стороны будут договариваться о реализации своих корпоративных прав. Вместе с тем после введения преобразований сложилась ситуация, когда большое количество спорных ситуаций возникло в аспекте определения предмета, сторон, правовой природы рассматриваемого типа договорного акта ввиду рецепции рассматриваемого института, а также в силу того, что в настоящее время еще не сложилась единообразная арбитражная судебная практика.

Если обратиться к анализу современного института корпоративного права, можно выяснить, что в качестве ключевого элемента данного института выступает корпоратив-

ный договор, так как он представляет собой один из наиболее значимых источников регулирования, который пусть не является нормативным источником, но при этом в нем заложены основные правила поведения, которые предполагается в дальнейшем множество раз применять на практике всем членам корпоративного образования [1, с. 121].

Правовая природа корпоративного договора по гражданскому праву РФ

Видные представители науки корпоративного права заняли весьма разнообразные позиции по вопросу определения сущности предмета корпоративного договора. Подобная ситуация обусловлена тем, что долгий период времени отсутствует устоявшаяся практика применения данного института, а также ситуацию усугубляет то, что правовая природа корпоративного договора отличается своим двойственным характером. В результате, по мнению некоторых ученых, предмет корпоративного договора есть не что иное, как исключительно корпоративный элемент. В частности, Д.В. Ломакин придерживается позиции, в соответствии с которой структура предмета корпоративного договора содержит комплекс действий, совершаемых корпорациями-участницами в рамках реализации делегированных им корпоративных прав по определен-

ной схеме, а также включает в себя бездействия, которые могут быть выражены в том, что стороны принимают решение воздержаться от реализации на практике имеющихся у них корпоративных прав [6, с. 14–16].

Мы считаем, что наиболее аргументированной является позиция, которую заняли В.П. Камышанский [3, с. 22] и Ю.Г. Лескова. Ученые расценивают корпоративный договор как единственный тип договора, который не может быть включен в группы договоров гражданско-правового характера общецелевого назначения, а в качестве фундаментальной основы данного типа договора выступает синаллагматический критерий [5, с. 108]. Необходимо также указать, что корпоративный договор в качестве своего предмета определяет обязанность участников субъекта хозяйственной деятельности реализовать свои права корпоративного порядка по определенной модели. Согласно положениям, регламентированным в ст. 2 ГК РФ, в категорию взаимоотношений, подлежащих регламентации со стороны гражданского законодательства, следует включить только те из них, что возникают в процессе участия в деятельности корпоративных организаций и в процессе управления, после чего на законодательном уровне закрепляется наименование данных взаимоотношений – «корпоративные отношения».

Корпоративный договор отличается тем, что ему присущ обязательственный характер, так как он может быть заключен в результате влияния общего принципа свободы договора, и он непосредственно регламентирован в рамках положений ст. 67.2 ГК РФ. В соответствии с положениями п. 1 ст. 67.2 ГК РФ в качестве сторон договора признаются участники хозяйственного общества. При этом положения ст. 9 ФЗ от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ и ст. 7 ФЗ от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ провозглашают, что учредителями (участниками) хозяйственного общества закон признает юридических и физических лиц.

При этом в качестве сторон корпоративного договора могут выступить не только участники хозяйственного общества. Если обратиться к анализу содержания п. 3 ст. 67.2 ГК РФ, можно заключить, что кредиторам и другим третьим лицам, имеющим определенный интерес в реализации договора, предоставля-

ется право на его заключение с участниками хозяйственного общества, и в соответствии с положениями данного соглашения участники хозяйственного общества возлагают на себя обязанность по реализации делегированных им корпоративных прав по определенной модели. Регламентация корпоративных прав и обязанностей осуществлена в нормах п. 1 ст. 67.2 ГК РФ. Перечень корпоративных прав и обязанностей на сегодняшний день не является исчерпывающим, подобный вывод сделан на том основании, что в рассматриваемом пункте присутствует ссылка на возможность его расширения путем включения в формулировку пункта словосочетания «в том числе».

Существует также определенная ссылка, которая содержится в предисловии к письму Центробанка от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» [7]. В ней говорится о том, что в рамках реализации практической деятельности в целях урегулирования корпоративного поведения данная деятельность должна создавать условия, при которых акционеры получают реальную возможность реализовать на практике свои корпоративные права, касающиеся участия в деятельности акционерного общества.

Кроме того, корпоративные права регламентируются также и в положениях абз. 5 ст. 2 ФЗ от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [10], согласно которым понятие «акция» используется в целях регламентации прав, связанных с получением в ходе деятельности акционерного общества определенной доли прибыли, облаченной в форму дивидендов, прав на участие в процессе управления деятельностью акционерного общества, а также прав на определенную долю имущества, которая должна быть оставлена после ликвидации.

Таким образом, резюмируя представленную выше информацию, можно сделать вывод о том, что наряду с правами и обязанностями, которые регламентируются на законодательном уровне в п. 1 ст. 67.2 ГК РФ, положения действующих нормативно-правовых актов содержат в себе ссылки на иные права и обязанности корпоративного характера. В результате осуществления реформаторской деятельности для внесения изменений в структуру гражданского законодатель-

ства, связанной с внесением корректив и дополнений в положения гл. 4 ГК РФ, возникла ситуация, при которой значимость корпоративного договора как одного из методов регулирования взаимоотношений между участниками хозяйственного субъекта в существенной мере повысилась.

Роль корпоративного договора в реализации прав и интересов участников общества

На современном этапе развития общества корпоративный договор также играет одну из самых существенных ролей, так как в качестве аргументов, свидетельствующих о необходимости функционирования института корпоративного договора в российской правовой системе, выступают соображения практического порядка. Прежде всего, современные акционерные общества остро нуждаются в том, чтобы в нашей стране функционировала действенная система корпоративного управления, а также в разработке эффективного механизма, который позволит не допустить развитие определенных типов корпоративных конфликтов. Участники корпоративного общества испытывают острую потребность в том, чтобы их интересы были надлежащим образом осуществлены, а для реализации делегированных им прав корпоративного характера была создана необходимая фундаментальная основа.

Участникам хозяйственного общества предоставляется право на заключение между собой корпоративного договора, в предложениях которого будут рассматриваться аспекты реализации делегированных им корпоративных прав и корпоративных обязанностей. И в данном случае в качестве разновидности корпоративного договора необходимо рассматривать договор о реализации прав участников ООО и акционерное соглашение участников (акционеров) АО [2].

В соответствии с положениями ФЗ «Об акционерных обществах» акционерное соглашение следует анализировать как договор, в котором рассматривается порядок осуществления прав, удостоверенных акциями, а также ряд характерных особенностей осуществления прав на акции. В обусловленных ситуаци-

ях в положениях акционерного соглашения может регламентироваться обязанность по согласованию варианта отдачи своего голоса с другими акционерами, обязанность осуществлять процедуру приобретения или отчуждения акций по заранее зафиксированной цене или в результате наступления некоторых обстоятельств, обязанность, предполагающая необходимость воздержаться или отказаться от реализации процедуры отчуждения акций до того момента, пока не наступят некоторые регламентированные в соглашении обстоятельства, обязанность по согласованной реализации других действий, которые демонстрируют взаимосвязь с процессом управления деятельностью общества, реорганизацией и ликвидацией [9].

Акционерное соглашение составляется в единичном экземпляре, форма составления – письменная. Для его заключения необходимо составить документ и подписать его сторонами, после чего такое соглашение становится обязательным к исполнению для сторон договора.

Практический опыт функционирования отечественной правовой системы свидетельствует о том, что на сегодняшний день имеются определенные вопросы, на которые необходимо получить ответы в процессе признания недействительности решения органа хозяйственного субъекта, если отмечается, что данное решение вступает в противоречия с требованиями акционерного соглашения. Выполнение этого правила на практике может быть реализовано при соблюдении условия, в соответствии с которым в момент принятия рассматриваемого решения в качестве сторон соглашения выступали все участники общества. Принимая во внимание тот факт, что акционерные, то есть корпоративные правоотношения на сегодняшний день развиваются весьма динамично, возникает ситуация, при которой обстоятельства, ввиду наличия которых было заключено акционерное соглашение, с течением времени могут претерпеть существенные, а порой и кардинальные изменения [8, с. 99]. Кроме того, требуется акцентировать внимание на том, чтобы надлежащим образом рассмотреть ограничения, накладываемые на предмет соглашения. В частности, если обратиться к нормам ФЗ «Об акционер-

ных обществах», ГК РФ и пунктам 4.1.11 Концепции развития гражданского законодательства РФ, можно обозначить, что вышеназванные правовые акты закрепляют в качестве предмета соглашения следующие его виды: согласованное голосование участников АО; право или обязанность приобретения и реализации акций; обновление запрета на передачу акций; установление обязанности по осуществлению передачи участникам соглашения дивидендов или других видов выплат [4]. В конечном итоге следует особо подчеркнуть, что в результате выполнения мероприятий, в соответствии с которыми данная возможность заключения акционерного соглашения или корпоративного договора будет закреплена на законодательном уровне, подобное нововведение может оказать положительное воздействие на процесс функционирования самого общества, а также будет разработана эффективная система защиты и практической реализации корпоративных прав акционеров, что в итоге не сможет не оказать благотворного воздействия на развитие института корпоративных взаимоотношений.

Выводы

Резюмируя итоги по результатам проведенного анализа, можно заключить, что в сущности корпоративный договор представляет собой один из наиболее эффективных на сегодняшний день инструментов для управления деятельностью хозяйственного общества со стороны его участников, что предполагает реализацию действий на совместной основе. Иными словами, корпоративный договор в соответствии с его условиями предполагает согласованное использование и распоряжение комплексом делегированных участникам общества корпоративных прав. Положения корпоративного договора не регламентируют структурную организацию и границы компетенции органов субъекта хозяйственной деятельности. Для регламентации указанных вопросов в структуре действующего законодательства имеются определенные положения, а также регламентация осуществляется положениями устава хозяйственного общества. Здесь также необходимо принимать во внимание тот факт, что может существовать

только один устав общества и несколько видов корпоративных договоров.

Прошло 5 лет с момента включения в ГК РФ статьи 67.2. В течение этого достаточно продолжительного периода российские суды в рамках реализации практической деятельности приняли несколько прецедентных решений, вызывающих особый интерес. В результате можно сделать вывод о том, что, несмотря на наличие некоторых недостатков, существующий на сегодняшний день механизм функционирования данных договоров демонстрирует достаточно высокий уровень эффективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев, В. К. Корпоративное право современной России : монография. – 2-е изд. / В. К. Андреев, В. А. Лаптев. – М. : Проспект, 2017. – 352 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ : (ред. от 18.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Камышанский, В. П. Корпоративный договор: юридическая сущность, некоторые проблемы и тенденции / В. П. Камышанский // Актуальные проблемы реформирования гражданского и предпринимательского права : материалы Всерос. очно-заочной науч.-практ. конф. с иностранным участием. – Краснодар : Рос. гос. ун-т правосудия, 2015. – С. 21–26.
4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации : (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11 (ноябрь).
5. Лескова, Ю. Г. Договор как средство саморегулирования предпринимательских отношений / Ю. Г. Лескова // Вестник Академии права и управления. – 2012. – № 27. – С. 107–115.
6. Ломакин, Д. В. Договоры об осуществлении прав участников хозяйственных обществ как новелла корпоративного законодательства / Д. В. Ломакин // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2009. – № 8. – С. 6–26.
7. Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. – 2014. – № 40.
8. Рожкова, М. А. Отдельные аспекты доказывания существенного изменения обстоятельств (по статье 451 ГК РФ) / М. А. Рожкова // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 4. – С. 98–104.

9. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»: (ред. от 15.04.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

10. Федеральный закон РФ от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»: (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

REFERENCES

1. Andreev V.K., Laptev V.A. *Korporativnoe pravo sovremennoy Rossii: monografiya* [Corporate Law of Modern Russia: monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 352 p.

2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ: (red. ot 18.07.2019) [Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994 No. 51-FZ: (as amended on July 18, 2019)]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301.

3. Kamyshansky V.P. *Korporativnyy dogovor: yuridicheskaya sushchnost, nekotorye problemy i tendentsii* [Corporate Agreement: Legal Nature, Some Problems and Trends]. *Aktualnyye problemy reformirovaniya grazhdanskogo i predprinimatelskogo prava: materialy Vserossiyskoy ochno-zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s inostrannym uchastiyem* [Actual Problems of the Reform of Civil and Business Law: Materials of the All-Russian Part-Time Scientific-Practical Conference with Foreign Participation]. Krasnodar, Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet pravosudiya, 2015, pp. 21-26.

4. Kontseptsiya razvitiya grazhdanskogo zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii (odobrena resheniyem Soveta pri Prezidente RF po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatelstva ot 07.10.2009) [The Concept of Development of Civil Legislation of the Russian Federation (Approved by the Decision of the Council under the President of the Russian Federation on the Codification and Improvement of Civil Legislation of 07.10.2009)]. *Vestnik*

VAS RF [VAS Bulletin of the Russian Federation], 2009, no. 11 (November).

5. Leskova Yu.G. *Dogovor kak sredstvo samoregulirovaniya predprinimatelskikh otnosheniy* [The Contract as a Means of Self-Regulation of Entrepreneurial Relations]. *Vestnik Akademii prava i upravleniya* [Bulletin of the Academy of Law and Management], 2012, no. 27, pp. 107-115.

6. Lomakin D.V. *Dogovory ob osushchestvlenii prav uchastnikov khozyaystvennykh obshchestv kak novella korporativnogo zakonodatelstva* [Contracts on the Exercise of the Rights of Participants in Business Entities as a Novelty of Corporate Legislation]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2009, no. 8, pp. 6-26.

7. Pismo Banka Rossii ot 10.04.2014 № 06-52/2463 «O kodekse korporativnogo upravleniya» [Letter of the Bank of Russia dated 10.04.2014 No. 06-52 / 2463 “On the Corporate Governance Code”]. *Vestnik Banka Rossii* [Bank of Russia Bulletin], 2014, no. 40.

8. Rozhkova M.A. *Otdelnyye aspekty dokazyvaniya sushchestvennogo izmeneniya obstoyatelstv (po statye 451 GK RF)* [Some Aspects of Proving a Significant Change in Circumstances (under Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation)]. *Vestnik VAS* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2001, no. 4, pp. 98-104.

9. Federalnyy zakon ot 26.12.1995 № 208-FZ «Ob aktsionernykh obshchestvakh»: (red. ot 15.04.2019) [Federal Law of December 26, 1995 No. 208-FZ “On Joint-Stock Companies”: (as amended on April 15, 2019)]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 1, art. 1.

10. Federalnyy zakon RF ot 22.04.1996 № 39-FZ «O rynke tsennykh bumag»: (red. ot 26.07.2019) [Federal Law of the Russian Federation of 04.22.1996 No. 39-FZ “On the Securities Market”: (as amended on 07.26.2019)]. *Sobranie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 17, art. 1918.

Information about the Author

Elmira F. Baibekova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Corporate Law, Astrakhan State University, Tatischeva St., 20A, 414056 Astrakhan, Russian Federation, karinbey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4955-4293>

Информация об авторе

Эльмира Фаридовна Байбекова, кандидат юридических наук, доцент кафедры корпоративного права, Астраханский государственный университет, ул. Татищева, 20А, 414056 г. Астрахань, Российская Федерация, karinbey@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4955-4293>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.14>

UDC 346
LBC 67.408

Submitted: 04.09.2019
Accepted: 29.09.2019

**PRODUCTION AND ECONOMIC COMPLEX
AS AN ORGANIZATIONAL AND LEGAL (CORPORATE) MODEL
OF ASSOCIATION AND PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT IN RUSSIA**

Tatiana K. Krasilnikova

Volzhsky Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russian Federation

Introduction: the paper is a comprehensive study of the legal problems of creation and operation of industrial and economic complexes. It notes the need to take into account the experience of functioning such associations of economic entities to ensure the social orientation of corporate associations. The **purpose** of the work is to determine the legal nature of a production and economic complex, a kind of which is the financial and industrial group in modern conditions and to identify the features of its legal capacity in the context of the civil law theory and practice. To achieve the goal, such **methods** of scientific knowledge as the historical and legal, comparative and formal legal ones were used. **Results:** the stages of formation and development of production and economic complexes in Russia are considered, their corporate structure is defined, and their features which are general and distinguished from modern types of business associations are revealed. The paper reveals the economic and legal nature of such complexes, their role in the process of cooperation of the national economy. **Conclusions:** modern corporate enterprises are a kind of production and economic complexes.

Key words: corporation, production and economic complex, production association, industrial association, financial and industrial group, holding, legal entity.

Citation. Krasilnikova T.K. Production and Economic Complex as an Organizational and Legal (Corporate) Model of Association and Prospects for Its Development in Russia. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 105-110. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.14>

УДК 346
ББК 67.408

Дата поступления статьи: 04.09.2019
Дата принятия статьи: 29.09.2019

**ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС
КАК ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ (КОРПОРАТИВНАЯ) МОДЕЛЬ
ОБЪЕДИНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ**

Татьяна Константиновна Красильникова

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: данная статья является комплексным исследованием правовых проблем создания и деятельности производственно-хозяйственных комплексов. В ней отмечается необходимость учитывать опыт функционирования такого рода объединений хозяйствующих субъектов для обеспечения социальной направленности деятельности корпоративных объединений. **Целью** работы является определение юридической природы производственно-хозяйственного комплекса, разновидностью которого в современных условиях выступает финансово-промышленная группа; выявление особенностей его правоспособности с позиции цивилистической теории и практики. Для достижения цели использовались такие **методы** научного познания, как историко-правовой, сравнительный и формально-юридический. **Результаты:** рассмотрены этапы становления и развития производственно-хозяйственных комплексов в России, определена их корпоративная структура, выявлены общие и отличительные их признаки с современными видами предпринимательских объединений. В статье раскрывается экономическая и правовая природа такого рода комплексов, их роль в процессе

кооперирования народного хозяйства. **Выводы:** современные корпоративные объединения – это разновидности производственно-хозяйственных комплексов.

Ключевые слова: корпорация, производственно-хозяйственный комплекс, производственное объединение, промышленное объединение, финансово-промышленная группа, холдинг, юридическое лицо.

Цитирование. Красильникова Т. К. Производственно-хозяйственный комплекс как организационно-правовая (корпоративная) модель объединения и перспективы его развития в России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 105–110. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.14>

Введение

При решении любых новых задач общество в той или иной степени пользуется уже имеющимся инструментарием – теми организационно-правовыми формами и средствами, тем организационно-правовым механизмом, которые выработались в предшествующий период.

Начиная с первой половины 1990-х гг. в России стали возникать на легальной основе финансово-промышленные группы. Они появились не на пустом месте, их прообразами являлись различного рода предпринимательские союзы XIX–XX вв., а также производственные комплексы советского периода.

Модели производственно-хозяйственных комплексов в России

Обратимся к истории появления производственно-хозяйственных комплексов в России, включая период ведения планового хозяйства в СССР [2, с. 53].

Среди отечественных ученых одним из первых, кто раскрыл необходимость объединения корпораций в предпринимательские союзы, такие как синдикаты и тресты, был профессор права А.И. Каминка [1, с. 441–442]. Вслед за ним правовую природу таких союзов сумел показать известный цивилист XIX в. профессор Г.Ф. Шершеневич [10].

Если сравнить предпринимательские союзы, в качестве которых в России в XIX – начале XX столетия выступали синдикаты и тресты, с производственно-хозяйственными комплексами, в число которых в современных условиях входят финансово-промышленные группы, то можно отметить определенного рода сходство между этими видами объединений. Так, можно обнаружить общие черты в образовании синдиката и финансо-

во-промышленной группы, которые создаются на основе договора. Их участники сохраняют статус самостоятельных юридических лиц, и, кроме того, имеет место особый правовой механизм их взаимодействия с ведущей компанией.

Необходимо обратить внимание на то, что в 1970-е гг. в советской экономике активно шел процесс объединения хозяйствующих субъектов как по территориальному, так и по отраслевому принципу, что, в свою очередь, привело к появлению отраслевых и межотраслевых комплексов.

Применение понятия «комплекс» для обозначения самых различных типов объединений (производственное объединение, комбинат) получило широкое распространение в научной литературе. Причем в экономической литературе трактовка комплексов отличается большей широтой. Ученые-экономисты связывали понятие «комплекс» с системой разнообразных связей между производственными звеньями. Группа предприятий, действующих в пределах определенной территории и обладающих отраслевой, территориальной и функциональной упорядоченностью, характеризовались в советской экономической литературе как «системно организованные образования» [8, с. 6, 47]. Так, крупное перерабатывающее предприятие и хозяйства сырьевой зоны, связанные отношениями по договорам, определялись в трудах ученых-экономистов как разновидность промышленных комплексов, хотя рамками единой организационной формы они не были связаны. Фактор организационного оформления, следовательно, не являлся для экономической науки решающим при отнесении совокупности предприятий к промышленным комплексам. Для этого достаточно было их функционально-технологической целостности, хотя бы и не получившей организационного оформления.

Понятие «комплекс» широко использовалось в ряде нормативных актов 70–80 гг. XX столетия, среди которых «Общее положение о всесоюзном и республиканском промышленных объединениях», «Положение о производственном объединении (комбинате)», «Положение о научно-производственном объединении», «Общее положение о всесоюзном и республиканском объединениях в сельском хозяйстве» [7]. В данных актах соответствующие формирования характеризовались как единые производственно-хозяйственные комплексы. Данное понятие употреблялось как родовое и под ним понимались производственные объединения с обособленным в гражданском обороте имуществом.

Производственные объединения выступали производственно-хозяйственными комплексами, которые состояли из предприятий, научно-исследовательских, конструкторских и других организаций, осуществлявших соответствующую часть производственно-хозяйственной деятельности объединения и которые были наделены в этих целях оперативно-хозяйственной самостоятельностью. Вместе с тем законодательство СССР допускало подчинение в исключительных случаях самостоятельных предприятий и организаций производственным объединениям [6, с. 38].

В зависимости от уровня формирования – принадлежности его к основному либо среднему звену (на уровне союзной республики) в системе управления – вопрос об обособлении имущества и субъекте участия в хозяйственной деятельности решался двояко: в случае основного звена – за объединением как юридическим лицом закреплялось имущество; если же речь шла о среднем звене, то имущество было закреплено за предприятиями и организациями, которые входили в его состав, а также основные и оборотные средства, фонды и другое имущество, которое было закреплено за органом управления объединением; в этом случае орган управления выступал юридическим лицом.

Таким образом, правовое понимание комплексов, в отличие от понимания их учеными-экономистами, означало обязательное наличие выраженной организационной формы, организационного единства.

Термин «комплекс», со слов известного советского и российского ученого-правоведа профессора М.И. Козыря, «мог использоваться для характеристики процессов кооперирования независимо от их организационно-правовых форм, но не отождествляться с ними» [4, с. 71]. Экономический подход позволял характеризовать локальные, региональные и народно-хозяйственные комплексы как явления одного и того же порядка, но с различным масштабом деятельности.

Такого рода комплексы образовывались в форме производственных [7, 1974, № 8, ст. 39] и научно-производственных объединений [7, 1976, № 2, ст. 13], всесоюзных и республиканских промышленных объединений [7, 1973, № 7, ст. 32], которые были во многом сходны с ранее действующими трестами и синдикатами, а также с современными корпоративными объединениями.

Комплексы состояли из ряда предприятий различных отраслей материального производства (производственный комплекс – производственное объединение) или отраслей промышленности (промышленный комплекс – промышленное объединение). И производственные и промышленные комплексы классифицировались по следующим основаниям: 1) по территориальному признаку; 2) основной специализации; 3) структуре и уровню развития комплексов.

В государственных планах экономического и социального развития СССР предусматривались разделы «Агропромышленный комплекс СССР», «Военно-промышленный комплекс», «Научно-производственный комплекс». Контрольные цифры по показателям их развития разрабатывались Госпланом СССР и доводились до Советов министров союзных республик с разбивкой по отраслям (по предприятиям и организациям республиканского подчинения).

Указанные меры свидетельствовали о консолидации отраслей в рамках определенного комплекса, основу которого составляло подчинение производственной деятельности и использование материально-технических ресурсов в отраслях соответствующего комплекса задачам планируемого получения конечной продукции. При этом такая консолидация не сопровождалась соответствующим обо-

соблением имущества данного комплекса в хозяйственном обороте. Фонды на материально-технические ресурсы выделялись предприятиям и организациям отраслей, входящих в состав комплекса, через правительственные органы СССР и республик.

Термин «комплекс», используемый в нормативных актах советского периода, не имел однозначного толкования и отражал несколько понятий. Его применение к таким явлениям народного хозяйства, как экономика страны в целом (ст. 16 Конституции СССР), агропромышленный или иной народно-хозяйственный комплекс, отражал преимущественно экономический, а не правовой подход. Их образование шло главным образом по отраслевому пути – вокруг крупного перерабатывающего предприятия группировались хозяйства, специализировавшиеся на производстве определенного вида продукции. Развитие интеграции по отраслевому направлению приняло форму различного рода объединений.

Производственное объединение необходимо было отличать от промышленного объединения прежде всего тем, что оно являлось единым субъектом права и в его составе производственные единицы имели статус филиалов. В то же время в состав промышленного объединения входили юридически самостоятельные предприятия. Необходимость в них была оправдана в тех отраслях, где невозможно было объединение различных видов производств в комбинаты.

По поводу правосубъектности производственного объединения как комплекса в юридической науке советского периода определились три точки зрения: согласно первой точке зрения, правами юридического лица наделялся орган управления объединением, само же объединение рассматривалось как объект управления со стороны вышестоящего органа и как субъект права связанных с этим правовых отношений [4]; в соответствии со вторым подходом субъектом права выступал сам комплекс в целом, его орган управления лишь представлял интересы [5, с. 38–39]; сторонники же третьей точки зрения утверждали, что в качестве субъекта права выступало головное предприятие (компания), в то время как сам ком-

плекс правосубъектностью не обладал [3, с. 63]. В последнем случае отражалась сущность советской модели системы хозяйствования, основу которой составляла государственная форма собственности, господствовавшая в СССР.

Закрепление имущества за комплексом, во главе которого стояло то или иное ведомство, осуществлялось путем выделения материальных и финансовых ресурсов всему комплексу. Если признать комплекс в целом субъектом имущественного обособления, то его объектом должно было быть признано не все имущество (так как у каждого из предприятий, входящих в состав комплекса, имелось свое имущество), а лишь то, которое было закреплено именно за системой.

В соответствии с советским законодательством свойства субъекта прав и обязанностей признавались за органами управления хозяйственного комплекса, а не за комплексом в целом, тем самым его правосубъектность являлась лишь юридической фикцией. Все это было не принципиально, так как правосубъектность не сводилась к закреплению статуса юридического лица в силу того, что субъектами правовых отношений могли быть и те организации, которые не являлись юридическими лицами.

По существу объединение и подчиненные ему самостоятельные предприятия составляли единый производственно-хозяйственный комплекс, отношения внутри которого не подверглись тщательной правовой регламентации. Так, общее Положение о Всесоюзном республиканском промышленном объединении на взаимоотношения предприятий и производственных объединений не распространялось. Законодательство же о производственных объединениях эти отношения почти не регламентировало, исходя, видимо, из того, что подчинение предприятий производственным объединениям носило исключительный характер. Восполняя пробелы в правовом регулировании, объединения в ряде случаев регламентировали деятельность и ответственность подчиненных им предприятий. Однако такую практику нельзя было признать правомерной с точки зрения действующего тогда законодательства; кроме того, она приводила к различному регулированию сходных отношений.

Также неоправданно было отнесение к исключительной компетенции объединений права устанавливать порядок разрешения внутрихозяйственных споров. Вопрос о порядке разрешения разногласий, возникающих между предприятиями и объединениями, оставался открытым. Как известно, советское правительство относило разрешение хозяйственных споров между организациями, подчиненными одному вышестоящему органу, к компетенции последнего. Следовательно, предприятия были лишены возможности обратиться в ведомственный арбитраж в случае спора между ними и объединением. Нередко объединение, будучи участником спора, само решало конфликт, что было неправильно.

Несмотря на имеющиеся недостатки, практика деятельности объединений подтвердила в основном жизнеспособность и эффективность данной формы регулирования отношений внутри комплекса.

Модель создания финансово-промышленных групп путем объединения совокупности юридических лиц свидетельствует о возможном использовании так называемого холдингового варианта при формировании подобных комплексов. В качестве примера признания холдинговых компаний можно привести нормативные акты, на основе которых осуществлялось реформирование сферы оборонного производства. В соответствии с Указом Президента РФ от 23 октября 2000 г. № 1768 «О мерах по обеспечению концентрации и рационализации оборонного производства в Российской Федерации» [9] и Постановлением Правительства РФ от 11 октября 2001 г. № 713 «О федеральной целевой программе “Реформирование и развитие оборонно-промышленного комплекса”» в сфере оборонного производства стали активно создаваться холдинговые компании, включающие в свой состав предприятия оборонно-промышленного комплекса.

Вывод

При выборе организационно-правовой формы создаваемого корпоративного объединения очень важно наряду с социально-экономическими факторами учитывать уже имеющийся опыт функционирования производствен-

но-хозяйственного комплекса, который заложил традиции регулирования создания и деятельности крупных объединений коммерческих корпораций.

Заключение

С юридической точки зрения производственно-хозяйственный комплекс – это не исторический архаизм, о котором не стоит говорить в современных условиях. Вся совокупность организационных форм и правовых средств различных форм хозяйственных объединений составляет организационно-правовой механизм производственно-хозяйственной интеграции. Для характеристики всякого производственного объединения может быть использовано понятие «производственно-хозяйственный комплекс» как наиболее общее и охватывающее различные хозяйственные образования. В современных условиях, с включением финансовых структур в производственный процесс, речь может идти и о «производственно-финансовом комплексе».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Каминка, А. И. Очерки торгового права / А. И. Каминка. – М., 2002. – 545 с.
2. Красильникова, Т. К. Административная регламентация организации и деятельности корпораций и применение мер уголовных репрессий в СССР в 20-е годы XX века / Т. К. Красильникова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2012. – № 1 (16). – С. 53–56.
3. Лаптев, В. В. Правовая организация хозяйственных систем / В. В. Лаптев. – М., 1978. – 168 с.
4. Правовое положение аграрно-промышленных предприятий и объединений / под ред. М. И. Козыря, В. Н. Яковлева, В. А. Кикотя. – Кishинев, 1974. – 172 с.
5. Разуваев, В. Н. Содержание и границы гражданской правосубъектности / В. Н. Разуваев. – М., 1986. – 301 с.
6. Рутман, Т. М. Правосубъектность государственного промышленного объединения / Т. М. Рутман // Известия вузов. Правоведение. – 1974. – № 6. – С. 38–44.
7. Собрание постановлений Правительства СССР – СП СССР. – 1973. – № 7. – Ст. 32; 1974. – № 8. – Ст. 38, 39; 1975. – № 21. – Ст. 45; 1976. – № 2. – Ст. 13; 1979. – № 3. – Ст. 15; 1980. – № 15. – Ст. 98.

8. Территориальная структура производственных комплексов / под общ. ред. М. М. Паламарчука. – Киев, 1981. – 236 с.

9. Указ Президента РФ от 23 октября 2000 г. № 1768 «О мерах по обеспечению концентрации и рационализации оборонного производства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 44. – Ст. 4349.

10. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права. В 4 т. Т. 1 / Г. Ф. Шершеневич. – 4-е изд. – СПб., 1908. – 491 с.

REFERENCES

1. Kaminka A.I. *Ocherki torgovogo prava* [Essays on Commercial Law]. Moscow, 2002. 545 p.

2. Krasilnikova T.K. *Administrativnaya reglamentatsiya organizatsii i deyatel'nosti korporatsiy i primeneniye mer ugovolnykh repressiy v SSSR v 20-e gody XX veka* [Administrative Regulation of an Organization and Corporation Activities and Penal Sanctions of Criminal Persecutions in the USSR in the 20s of the XXth Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudentsiya*, 2012, no. 1 (16), pp. 53-56.

3. Laptev V.V. *Pravovaya organizatsiya hozyaystvennykh sistem* [Legal Organization of Business Systems]. Moscow, 1978. 168 p.

4. Kozyr M.I., Yakovlev V.N., Kikotya V.A., eds. *Pravovoe polozheniye agrarno-promyshlennykh predpriyatiy i obyedineniy* [The Legal Status of

Agricultural Enterprises and Associations]. Chisinau, 1974. 172 p.

5. Razuvaev V.N. *Soderzhanie i granitsy grazhdanskoy pravosubektnosti* [The Content and Boundaries of Civil Legal Personality]. Moscow, 1986. 301 p.

6. Rutman T.M. *Pravosubektnost gosudarstvennogo promyshlennogo obyedineniya* [The Legal Personality of the State Industrial Association]. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [News of Universities. Jurisprudence], 1974, no. 6, pp. 38-44.

7. *Sobranie postanovleniy Pravitelstva SSSR - SP SSSR* [A Collection of Decrees of the Government of the USSR - USSR Joint Venture], 1973, no. 7, art. 32; 1974, no. 8, art. 38, 39; 1975, no. 21, art. 45; 1976, no. 2, art. 13; 1979, no. 3, art. 15; 1980, no. 15, art. 98.

8. Palamarchuk M.M., ed. *Territorialnaya struktura proizvodstvennykh kompleksov* [The Territorial Structure of Production Complexes]. Kiev, 1981. 236 p.

9. Указ Президента РФ от 23 октября 2000 г. № 1768 «О мерах по обеспечению концентрации и рационализации оборонного производства в Российской Федерации» [Decree of the President of the Russian Federation of October 23, 2000 No. 1768 “On Measures to Ensure the Concentration and Rationalization of Defense Production in the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2000, no. 44, art. 4349.

10. Shershenevich G.F. *Kurs torgovogo prava*. V 4 t. T. 1 [Commercial Law Course. In 4 vols. Vol. 1]. Saint Petersburg, 1908. 491 p.

Information about the Author

Tatiana K. Krasilnikova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence, Volzhsky Branch of Volgograd State University, 40 Let Pobedy St., 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, kun_krasilnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5869-5859>

Информация об авторе

Татьяна Константиновна Красильникова, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой юриспруденции, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, kun_krasilnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5869-5859>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.15>

UDC 347.41
LBC 67.404.2

Submitted: 01.09.2019
Accepted: 03.10.2019

**DESULTORY REMARKS ON THE LEGISLATIVE IMPROVEMENT
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD
OF CROSS-BORDER MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS**

Igor B. Ilovaisky

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Valeria Yu. Dolgova

Limited Liability Company "CrimExpertYug", Volgograd, Russian Federation

Introduction: Russian society is regularly shaken by the reports of the Russian families who have left for permanent residence abroad. It is shocking that abroad, as it turns out, for one reason or another, often far-fetched, it is possible to withdraw children from the family and commit them to more trustworthy, if it seems so to the competent authorities, adoptive parents, to accuse a mother of kidnapping her own child, if she took the child to Russia, to refuse the recognition of the validity of marriages if they were concluded in the territory of this country, etc. All these cases show that the legal regulators that exist in that regard in Russia do not clearly work in other states and do not create sufficient guarantees of respect for the rights of Russian nationals. In this regard, the **purpose** of the paper is to consider the current state and prospects of normative improvement of the domestic norms of private international law in the regulation of cross-border family and marriage relations. **Methods:** the research is based on the use of logical, dialectical techniques and methods of scientific knowledge, comparative legal and legal-technical analysis of wording of normative acts and materials of the law enforcement practice. The study was the analysis of Russia's participation in the standardized agreements both of conflict and substantive nature in the field of international marriage and family relations and the status of the national law in this area. The **results** of the review became the basis for the **conclusion** that the Russian legislator was not sufficiently attentive to the processes of international unification and harmonization of the norms governing marriage and family relations with a foreign element. In this regard, the proposals were made to improve the current domestic family law and the acts of law enforcement practice.

Key words: private international law, international family and marriage relations, unification and harmonization of cross-border family and marriage relations, conflict and substantive law, concubinage, same-sex marriage.

Citation. Ilovaisky I.B., Dolgova V.Yu. Desultory Remarks on the Legislative Improvement of the Russian Federation in the Field of Cross-Border Marriage and Family Relations. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 111-118. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.15>

УДК 347.41
ББК 67.404.2

Дата получения статьи: 01.09.2019
Дата принятия статьи: 03.10.2019

**ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ В СФЕРЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ
БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Игорь Борисович Иловайский

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Валерия Юрьевна Долгова

ООО «КримЭкспертЮг», г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: российское общество регулярно потрясают сообщения о российских семьях, выехавших на постоянное жительство за рубеж. Шокирует то, что за границей, оказывается, по тем или иным причинам, часто надуманным, можно изъять детей из семьи и передать на воспитание более благонадежным, если так кажется компетентным органам, приемным родителям. Обвинить в краже собственного ребенка его мать, если она вывезла ребенка в Россию; отказать в признании действительности брака, если он был заключен на территории нашей страны, и т. п. – все эти случаи свидетельствуют о том, что правовые регуляторы, существующие по этому поводу в России, явно не работают в других государствах и не создают достаточных гарантий соблюдения прав граждан РФ. В связи с этим **целью** настоящей публикации является рассмотрение современного состояния и перспектив нормативного совершенствования отечественных норм международного частного права в части регулирования трансграничных семейно-брачных отношений. **Методы:** изыскание основано на применении логического, диалектического приемов и способов научного познания, сравнительно-правового и юридико-технического анализа текстов нормативных актов и материалов правоприменительной практики. В **результате** исследования был проведен анализ участия Российской Федерации в унифицированных соглашениях как коллизионного, так и материально-правового характера в области международных брачно-семейных отношений, а также состояния национальных норм права в этой сфере. Итоги рассмотрения стали основой для **вывода**, что российский законодатель недостаточно внимательно относится к процессам международной унификации и гармонизации норм, регламентирующих брачно-семейные отношения с иностранным элементом. Внесены предложения по совершенствованию действующего отечественного семейного права и актов правоприменительной практики.

Ключевые слова: международное частное право, международные семейно-брачные отношения, унификация и гармонизация трансграничных семейно-брачных отношений, коллизионные и материально-правовые нормы, конкубинат, однополый брак.

Цитирование. Иловайский И. Б., Долгова В. Ю. Отдельные замечания по совершенствованию законодательства РФ в сфере трансграничных брачно-семейных отношений // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 111–118. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.15>

Введение

Из всей совокупности общественных отношений семейно-брачные отношения представляют собой один из наиболее сложных комплексов социальных взаимосвязей, которые складываются на основе родства и психологических привязанностей, совместных духовных ценностей и общей собственности. Институт брака прошел многовековой путь развития, тем не менее не редки случаи, когда указанные правоотношения становятся конгломератом различных переплетений и тонкостей, и часто их исполнение осуществляется без конфликтов и бурных эмоций. А если добавить к таким отношениям элементы международной и связи с правом нескольких государств, то разрешение возникших в этой области споров может превратиться в весьма загадочный ребус... В таких ситуациях только право может помочь цивилизованно разрешить создавшиеся проблемы, но семейные отношения в каждой конкретной стране формируются исторически под влиянием религии, традиций, бы-

товых и этических обычаев народа, населяющего конкретную территорию, поэтому семейное право разных стран часто принципиально отличается, что, естественно, затрудняет юридическую регуляцию этой сферы.

Именно поэтому мировое сообщество в целях разрешения трансграничных семейно-брачных конфликтов идет по пути создания общих, то есть унифицированных норм права. Такие соглашения могут быть двух видов, а именно: 1) коллизионного; 2) материально-правового характера.

В первом случае на уровне международного соглашения (договора или конвенции) создаются правила, на основе которых спорящие стороны выбирают право конкретного государства (так называемое применимое право), которое и будет разрешать их противоречия. Проблема избрания такого правопорядка называется в международном частном праве коллизионной проблемой [9, с. 21–23]. В ситуации конфликта спорящие стороны вряд ли услышат аргументы друг друга, и каждый из них будет настаивать на применении наиболее благоприятного конкретно для него пра-

ва. Чаще всего это бывает законодательство государства, к которому лицо принадлежит. Поэтому создание международного акта в этой области как наиболее авторитетного норматива – весьма удачное и рациональное решение коллизийной проблемы.

Второй вид унификации из вышеназванных предполагает создание общих материально-правовых норм, то есть таких, которые не отсылают к праву какой-то страны (таким образом избегают коллизийной стадии правоприменения), а непосредственно устанавливают права и обязанности участников правоотношения. Это наиболее трудный путь, поскольку добиться консенсуса между различными странами в области семейно-брачных отношений бывает очень сложно.

**Россия как участница
международных соглашений,
регулирующих семейно-брачные
отношения с иностранным элементом**

В мире используются оба способа унификации в рассматриваемой сфере. В настоящее время создано более 20 международных соглашений в области брачно-семейных отношений [1, с. 545–546]. Тем не менее Российскую Федерацию сложно назвать активной участницей многосторонних международных договоров в области брачно-семейных отношений, так как к большому их количеству она не присоединилась [7, с. 7–9].

Наше отечество пошло по пути заключения двусторонних договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, в которых на основе коллизийного способа разрешается лишь часть семейно-брачных вопросов с иностранным элементом. Эти соглашения также не являются многочисленными. Они или достались России в наследство от СССР и заключены главным образом между странами, входившими в так называемый социалистический лагерь (Албания, Болгария, Венгрия, Вьетнам, КНДР, Польша, Словакия, Чехия и т. п.), или подписаны между государствами – бывшими республиками Советского Союза, такими как Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Эстония и др.

Фрагментарно проблематику трансграничных семейных отношений решают консульские конвенции, заключенные РФ с большинством стран, но об исчерпывающем регулировании рассматриваемой сферы и в этом случае говорить нельзя.

Несколько особняком в рамках подобных договоров находится Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22 января 1993 г.). Это наиболее полный коллизийный источник, принятый между странами Содружества независимых государств, участницей которого является и Россия. Однако и этот норматив, и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 7 октября 2002 г.), которая должна заменить минское соглашение, не решают всей полноты возникающих проблем в области семьи и брака. Результатом такой «невнимательности» к рассматриваемым вопросам со стороны законодателя стали участвовавшие случаи, когда российские граждане, попадая за границу, не получают должной правовой защиты. Например, необоснованно ограничиваются их имущественные права и права на общение и воспитание их детей и т. п. [5; 8; 16; 17]. Поэтому все чаще в отечественном научном сообществе раздаются призывы о необходимости присоединения Российской Федерации к наиболее значимым многосторонним международным договорам в этой области [6, с. 123; 7; 11].

Оценивая указанные возможности, И.А. Трофимец и С.Ю. Ли выдвинули предложение о присоединении РФ к Гаагской конвенции от 14 марта 1978 г. «О заключении и признании действительности браков» (далее – Конвенция) [10, с. 699–704]. Эти ученые отмечают, что российское семейное законодательство в целом соответствует положениям указанного договора, но трансформация его норм в правовую систему России станет юридической основой для защиты граждан РФ на международном уровне. Оно будет минимизировать возможность возникновения так называемых хромающих браков, то есть ситуаций, когда по законодательству одной страны брак считается действительным, а по праву

другой – нет [15], тем более что положения Конвенции о форме и порядке, условиях заключения брака тождественны положениям отечественного законодательства. Детализируя сказанное, можно привести краткое сравнение подобных норм Конвенции и Раздела VII Семейного кодекса РФ (см. таблицу).

В рассматриваемом международном договоре есть и значимые с точки зрения права отличия от законодательства РФ, а именно: в ст. 4 Конвенции предусмотрено право государства потребовать от будущих супругов представления документов, подтверждающих содержание иностранного закона, подлежащего применению при заключении соответствующего брака. В п. 1 ст. 166 СК РФ уже предусмотрена обязанность суда, органов записи актов гражданского состояния и иных органов установить содержание норм иностранного семейного права.

Особенностью является и то, что содержание предусмотренной в ст. 5 Конвенции оговорки о публичном порядке менее категорично, чем положения ст. 167 СК РФ. В силу правил Конвенции иностранный правопорядок может не применяться, если нормы иностранного государства явно противоречат основам публичного правопорядка государства, где требуется признание брака, но при всем этом страна – участник Конвенции вправе признать уже заключенный брак действительным, даже в случае его противоречия своему публичному порядку. Таким образом, положения Конвенции более гибкие с точки зрения практического применения, так как предусматривают право

Договаривающегося государства отказать в применении иностранной нормы, а не обязанность, как об этом говорится в ст. 167 СК РФ.

Гармонизация отечественного семейного права в сфере международных семейно-брачных отношений

Другим способом интеграции Российской Федерации в мировое пространство, в том числе в сфере семьи и брака, является последовательная гармонизация отечественных внутрисударственных норм с нормами других государств.

В российской действительности, в том числе и с признаками международной, существует большое количество так называемых гражданских браков, то есть не зарегистрированных в ЗАГСе фактически брачных отношений. В римском частном праве такие союзы называли конкубинатом, или сожительством. Поскольку в случае распада такого квазобрака нарушались имущественные и неимущественные права участников (или одного из них), в позднем римском частном праве такие отношения приравнивались к браку и потерпевшей стороне предоставлялась юридическая защита [2, с. 846–847]. К сожалению, отечественные законодатели пока не считают возможным пойти по пути древнеримских юристов... [3]

Действительно, можно не замечать наличие тех или иных проблем и под разным предлогом отказываться их решать. Подобный подход не способствует устранению зло-

Нормы о форме и порядке, условиях заключения брака в Гагской конвенции от 14 марта 1978 г. «О заключении и признании действительности браков» и Разделе VII Семейного кодекса РФ

Форма брака	
Ст. 2 Конвенции: «Формальные требования к бракам регулируются правом Государства заключения»	П. 1 ст. 156 СК РФ: «Форма и порядок заключения брака на территории РФ определяются законодательством РФ»
Условия заключения брака	
П. 2 ст. 3 Конвенции: «Брак заключается: когда каждый из будущих супругов удовлетворяет по существу требованиям внутреннего права, определенного коллизионными нормами Государства заключения»	П. 2 ст. 156 СК РФ: «Условия заключения брака на территории РФ определяются для каждого из лиц, вступающих в брак, законодательством государства, гражданином которого лицо является в момент заключения брака, с соблюдением требований ст. 14 СК РФ в отношении обстоятельств, препятствующих заключению брака»

бодневных вопросов, а наоборот, приводит к их усилению и возникновению определенной социальной напряженности. По данным переписи 2010 г., из 34 млн браков в России более 3 млн (то есть каждый десятый) – основаны на сожителстве [19]. В силу неоднозначной социально-экономической ситуации в РФ эта цифра продолжает расти.

Рассматривая указанную проблематику, А.В. Слепакова предлагает фактическим супругам для решения имущественных вопросов использовать гражданско-правовые соглашения, основанные на положениях Гражданского кодекса РФ об общей долевой собственности [13, с. 413–416]. Можно воспользоваться и опытом Германии. В этой стране такого рода отношения регулируются Законом о зарегистрированных гражданских партнерствах от 16 февраля 2001 г. (вступил в силу 1 августа 2001 г.) [14, с. 27–28]. Однако и в этом случае придется регистрировать такого рода союзы, а чтобы сделать эту процедуру более привлекательной для живущих в таком «объединении», можно предложить их регистрацию не в ЗАГСе, а в нотариальных органах.

Сближение правопорядков разных стран, то есть их гармонизация, по нашему мнению, должна носить разумный характер и возможный компромисс – не затрагивать исторических, этических и религиозных основ нашего многонационального и многоконфессионального государства. В этом аспекте как раз и находится вопрос о признании и регистрации однополых браков. Суть проблемы заключается в том, что по нормам российского права официально зарегистрировать такой брак невозможно, поскольку браком как таковым в РФ в соответствии с п. 3 ст. 1 СК РФ признается союз между мужчиной и женщиной. Подобные союзы признаются браками в Великобритании, Дании, Нидерландах, Франции и других странах.

В целях легализации подобных отношений на территории РФ отечественные граждане нетрадиционной половой ориентации используют элементы обхода закона и несовершенство отечественного законодательства. Так, в п. 1 ст. 158 СК РФ установлено, что «браки между гражданами РФ и браки между гражданами РФ и иностранными гражданами или лицами без гражданства, заключен-

ные за пределами территории РФ с соблюдением законодательства государства, на территории которого они заключены, признаются действительными в Российской Федерации, если отсутствуют предусмотренные статьей 14 СК РФ обстоятельства, препятствующие заключению брака». Проанализировав содержание этой нормы, указанные выше лица заключают однополый брак в стране, в которой он признается действительным, а затем обращаются в официальные органы РФ с заявлением о его признании [4; 18]. Формально, если действовать согласно с положениями указанной выше нормы, у сотрудников Многофункционального центра (МФЦ), где и решаются подобные вопросы, оснований отказать в признании и оформлении такого квазибрака нет. Тем не менее положительное решение такого вопроса, как это было сделано в одном из МФЦ г. Москвы в отношении граждан Е. Войцеховского и П. Стоцко, не согласуется ни с нормами общепринятой этики, ни с отечественным правосознанием и по сути противоречит публичному порядку. Однако убедительных правовых основ для отказа в признании такого рода союза у правоприменителей в РФ не существует. Более того, документы о регистрации подобного брака могут быть надлежащим образом оформлены (легализованы), например, на основе Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов (заключена в г. Гааге 5 октября 1961 г., вступила в силу для России 31 мая 1992 г.).

Этот брак все же не был зарегистрирован в России, так как органы МВД РФ волевым порядком аннулировали паспорта указанных граждан [12]. Однако такой путь ведет непосредственно к рассмотрению подобных споров в Европейском суде по правам человека, в котором следует гарантированно ожидать проигрыша РФ, и выплате указанным лицам определенной компенсации. А как еще могут поступить гендерно-толерантные европейские судьи?..

Не спасет в рассматриваемом случае, по нашему мнению, и обращение к нормам, содержащим оговорку о публичном порядке (см. ст. 1193 ГК РФ и ст. 167 СК РФ). Использовать указанные статьи, исходя из их содержания, возможно только в том случае,

если применяются нормы иностранного права. При регистрации же однополого брака на территории другого государства, как это было рассмотрено в вышеуказанном примере, не возникает вопроса о применении таких норм, а происходит несколько другой процесс, а именно признание действительности акта (действия) иностранного государства на территории другой страны. В силу принципа «*locus regit actum*»¹ и равенства суверенитетов государств такой акт без наличия специальных законодательных решений признать недействительным будет юридически крайне затруднительно.

Выводы

Подводя итог изложенному выше и оценивая отдельные способы совершенствования законодательства РФ в области брачно-семейных отношений с иностранным элементом, нужно отметить, что Российской Федерации, на наш взгляд, не следует изолировать себя от участия в международной унификации и гармонизации в рассматриваемой сфере. Отказ от этих процессов идет в ущерб интересам граждан России, но эти процедуры не могут носить бездумный характер и не должны нарушать принципы нравственности и морали, сложившиеся в процессе многовекового развития нашего отечества, особенно в части признания однополых браков, а для этого, как нам представляется, необходимо решить три тактические задачи. Во-первых, следует дополнить содержание ст. 158 СК РФ пунктом 3 следующего содержания: «Однополые, равно как и полигамные браки, в Российской Федерации не признаются в силу противоречия их публичному порядку Российской Федерации». Такая мера усилит позицию не только отечественных судов, но и иных правоприменительных органов в сфере трансграничных отношений. Во-вторых, законодатель либо в отдельной норме, либо в рамках ст. 1193 ГК РФ и ст. 167 СК РФ должен указать, что их действие возможно не только в случаях применения норм иностранного права, но и в ситуациях признания актов другого государства на территории РФ. В-третьих, Верховный суд РФ должен в одном из своих актов по толкованию законодательства РФ подробно разъяснить, что понимается в

российском праве в качестве публичного порядка и когда и как применимы нормы ст. 1193 ГК РФ и ст. 167 СК РФ.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В силу этого принципа содержание и форма юридического акта определяются правом государства места его совершения, а не места признания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ануфриева, Л. П. Международное частное право. В 3 т. Т. 2 / Л. П. Ануфриева. – М. : БЕК, 2002. – 768 с.
2. Барон, Ю. Система Римского гражданского права : в 6 кн. / Ю. Барон. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. – 1102 с.
3. В Госдуме раскритиковали идею приравнять сожителство к браку // Ria.ru. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ria.ru/20180122/1513061913.html>. – Загл. с экрана.
4. Двое россиян заявили о первом признанном в России однополым браке // Rbc.ru. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/25/01/2018/5a6a28509a79473e917b3263>. – Загл. с экрана.
5. «Жертва сирийского кризиса»: власти Франции намерены выслать россиянку, разлучив с новорожденным ребенком // Russian.rt.com. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/507121-rossiyanka-franciya-rebenok>. – Загл. с экрана.
6. Зевков, В. П. Коллизии законов в международном частном праве / В. П. Зевков. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 416 с.
7. Иловайский, И. Б. Правовое регулирование брачно-семейных отношений с иностранным элементом : учеб. пособие / И. Б. Иловайский. – Волгоград : Изд-во Волгогр. фил. ФГБОУ ВПО РАН-ХиГС, 2016. – 73 с.
8. Как и почему отнимают российских детей за границей. Пять вопиющих случаев изъятия детей у россиян в Европе // Iz.ru. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://iz.ru/news/633664>. – Загл. с экрана.
9. Канашевский, В. А. Международное частное право : учебник // В. А. Канашевский. – М. : Международные отношения, 2016. – 1008 с.
10. Конвенция о заключении и признании действительности браков (Заключена в г. Гааге 14.03.1978). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Марышева, Н. И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России / Н. И. Марышева. – М. : Волтерс Клувер, 2007. – 328 с.

12. Паспорта зарегистрировавших брак в Москве геев аннулированы // Vz.ru. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://vz.ru/news/2018/1/26/905443.html>. – Загл. с экрана.

13. Слепакова, А. В. Правоотношения собственности супругов / А. В. Слепакова. – М. : Эксмо, 2005. – 444 с.

14. Тагаева, С. Н. Признание брака недействительным в Республике Таджикистан и отмена брака в Германии как меры семейно-правовой ответственности / С. Н. Тагаева // Семейное и жилищное право. – 2012. – № 6. – С. 27–28.

15. Трофимец, И. А. К вопросу о международно-правовом регулировании брачных отношений с участием иностранцев / И. А. Трофимец, С. Ю. Ли // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 6. – С. 21–26.

16. Финская прокуратура обвинила россиянку Салонен в похищении ребенка // Ria.ru. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ria.ru/20090915/185147037.html>. – Загл. с экрана.

17. Финский правозащитник сообщил об изъятии пятилетней дочери у россиянки // News.rambler. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/world/41315144/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copypink. – Загл. с экрана.

18. Член СПЧ прокомментировала первый зарегистрированный однополый брак в России // Vz.ru. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://vz.ru/news/2018/1/26/905362.html>. – Загл. с экрана.

19. Шуваева, В. От гостевого до конкубината. Социолог о новых видах брака и частых разводах / В. Шуваева // Perm.aif.ru. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.perm.aif.ru/society/people/semya_byla_i_budet_na_chyom_derzhatsya_braki_i_pochemu_proishodyat_razvody. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Anufrieva L.P. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. V 3 t. T 2* [Private International Law. In 3 vols. Vol. 2]. Moscow, BEK Publ., 2002. 768 p.

2. Baron Yu. *Sistema Rimskogo grazhdanskogo prava: v 6 kn.* [Roman Civil Law System. In 6 books]. Saint Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2005. 1102 p.

3. V Gosdume raskritikovali ideyu priravnvat sozhitelstvo k braku [The State Duma Criticized the Idea of Equating Cohabitation to Marriage]. *Ria.ru*. URL: <https://ria.ru/20180122/1513061913.html>.

4. Dvoe rossiyan zayavili o pervom priznanom v Rossii odnopolom brake [Two Russians Announced

the First Recognized in Russia Same Sex Marriage]. *Rbc.ru*. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/01/2018/5a6a28509a79473e917b3263>.

5. «Zhertva siriyskogo krizisa»: vlasti Frantsii namereny vyslat rossiyanku, razluchiv s novorozhdennym rebyenkom [“Victim of the Syrian Crisis”: French Authorities Intend to Expel a Russian Woman, Separated from a Newborn Child]. *Russian.rt.com*. URL: <https://russian.rt.com/world/article/507121-rossiyanka-franciya-rebenok>.

6. Zvekov V.P. *Kollizii zakonov v mezhdunarodnom chastnom prave* [Conflicts of Laws in Private International Law]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007. 416 p.

7. Plovaisky I.B. *Pravovoe regulirovanie brachno-semeynykh otnosheniy s inostrannym elementom: uchebnoe posobie* [Legal Regulation of Marriage and Family Relations with a Foreign Element: Textbook]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2016. 73 p.

8. Kak i pochemu otnimayut rossiyских detey za granitsey. Pyat vopiyushchikh sluchaev izyatiya detey u rossiyan v Evrope [How and Why Russian Children are Taken Away Abroad. Five Egregious Cases of Seizure of Children from Russians in Europe]. *Iz.ru*. URL: <https://iz.ru/news/633664>.

9. Kanashevsky V.A. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnyk* [Private International law: Textbook]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2016. 1008 p.

10. *Konventsiya o zaklyuchenii i priznanii deystvitelnosti brakov (Zakliuchena v g. Gaage 14.03.1978)* [Convention on Celebration and Recognition of the Validity of Marriages (Hague, 14.III.1978)]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

11. Marysheva N.I. *Semeynye otnosheniya s uchastiem inostrantsev: pravovoe regulirovanie v Rossii* [Family Relations Involving Foreigners: Legal Regulation in Russia]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2007. 328 p.

12. Pasporta zaregistriravshikh brak v Moskve geev annullirovaniy [Passports Registered Marriage in Moscow Gays Canceled]. *Vz.ru*. URL: <https://vz.ru/news/2018/1/26/905443.html>.

13. Slepakova A.V. *Pravootnosheniya sobstvennosti suprugov* [Legal Relations of Property of Spouses]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 444 p.

14. Tagaeva S.N. Priznanie braka nedeystvitelnym v Respublike Tadzhikistan i otmena braka v Germanii kak mery semeyno-pravovoy otvetstvennosti [Annulment of Marriage in Tajikistan and Annulment of Marriage in Germany as Measures of Family Legal Responsibility]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo*, 2012, no. 6, pp. 27–28.

15. Trofimets I.A., Li S.Yu. K voprosu o mezhdunarodno-pravovom regulirovanii brachnykh

otnosheniy s uchastiem inostrantsev [On the Issue of International Legal Regulation of Marriage Relations Involving Foreigners]. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo*, 2010, no. 6, pp. 21-26.

16. Finskaya prokuratura obvinila rossiyanku Salonen v pokhishchenii rebyenka [Finnish Prosecutors Have Accused the Russian Salonen Child Abduction]. *Ria.ru*. URL: <https://ria.ru/20090915/185147037.html>.

17. Finskiy pravozashchitnik soobshchil ob izyatii pyatiletney docheri u rossiyanki [The Finnish Human Rights Activist Reported about Withdrawal of the Five-Year-Old Daughter from the Russian]. *News.rambler.ru*. URL: <https://world/41315144/>

?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

18. Chlen SPCh prokommentirovala pervyy zaregistririvannyi odnopolyy brak v Rossii [HRC Member Commented on the First Registered Same Sex Marriage in Russia]. *Vz.ru*. URL: <https://vz.ru/news/2018/1/26/905362.html>.

19. Shuvaeva V. Ot gostevogo do konkubinata. Sotsiolog o novykh vidakh braka i chastykh razvodakh [From the Guest to Concubinate. Sociologist on New Types of Marriage and Frequent Divorces]. *Perm.aif.ru*. URL: http://www.perm.aif.ru/society/people/semya_byla_i_budet_na_chyom_derzhatsya_braki_i_pochemu_proishodyat_razvody.

Information about the Authors

Igor B. Povaisky, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and International Private Law (Base Department of The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences), Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, domino@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4210-9413>

Valeria Yu. Dolgova, Legal Adviser, Limited Liability Company “CrimExpertYug”, Selenginskaya St., 16, 400050 Volgograd, Russian Federation, valeriad2012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7473-2886>

Информация об авторах

Игорь Борисович Иловайский, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮИЦ РАН), Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, domino@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4210-9413>

Валерия Юрьевна Долгова, юрисконсульт, ООО «КримЭкспертЮг», ул. Селенгинская, 16, 400050 г. Волгоград, Российская Федерация, valeriad2012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7473-2886>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.16>

UDC 343.535
LBC 67.404

Submitted: 27.08.2019
Accepted: 27.09.2019

CIVIL LAW ASPECTS OF BANKRUPTCY OF DEBTOR'S PROPERTY

Irina E. Petukhova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation;
ООО "VIP Alliance-M' Law Firm", Moscow, Russian Federation

Introduction: the amount of satisfied creditors' claims in completed debtor insolvency cases raises concerns and necessitates a change in the approaches used in bankruptcy proceedings. In this connection, the author **aims** to study the civil law problems relating to the disposal of the debtor's property – a legal entity in bankruptcy. The research will use such general scientific methods of cognition as synthesis and analysis, as well as such specific scientific methods of cognition as systemic and formal legal ones. **Results:** analyzing the legal theories, law enforcement practice and the current bankruptcy legislation, the author identified the problematic issues arising from the bankruptcy of the debtor's property in bankruptcy procedures. **Conclusions:** adhering to the point of view that the theory of constraint of legal capacity (capability) of the debtor is fundamental in the legislative regulation of bankruptcy relations, the author identified the problematic aspects in determining the time of commencement of such constraint, the debtor's property assets to be disposed of in bankruptcy proceedings.

Key words: insolvency (bankruptcy), arbitration manager, bankruptcy of debtor's property, debtor's property, constraint of debtor's property's disposal.

Citation. Petukhova I.E. Civil Law Aspects of Bankruptcy of Debtor's Property. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 119-125. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.16>

УДК 343.535
ББК 67.404

Дата поступления статьи: 27.08.2019
Дата принятия статьи: 27.09.2019

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНКУРСНОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ ДОЛЖНИКА

Ирина Эдуардовна Петухова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Москва, Российская Федерация;
ООО «Юридическая компания «ВИП Альянс-М'», г. Москва, Российская Федерация

Введение: размер удовлетворенных требований кредиторов по завершенным делам о несостоятельности должника вызывает беспокойство и обуславливает необходимость изменения подходов, применяемых в процедурах банкротства. В связи с этим автором поставлена **цель:** исследование гражданско-правовых проблем, касающихся распоряжения имуществом должника – юридического лица в банкротстве. В исследовании будут использоваться такие общенаучные **методы** познания, как синтез и анализ, а также частнонаучные методы – системный и формально-юридический. **Результаты:** анализируя правовые теории, правоприменительную практику и действующее конкурсное законодательство, автором выявлены проблемные вопросы, возникающие при конкурсном распоряжении имуществом должника в процедурах банкротства. **Выводы:** придерживаясь позиции о том, что теория ограничения правоспособности (дееспособности) должника является основополагающей при законодательной регламентации конкурсных правоотношений, автор выявил проблемные аспекты при определении момента начала действия такого ограничения, состава имущества должника, подлежащего распоряжению в рамках процедур банкротства.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), арбитражный управляющий, конкурсное распоряжение имуществом должника, имущество должника, ограничение распоряжения имуществом должника.

Цитирование. Петухова И. Э. Гражданско-правовые аспекты конкурсного распоряжения имуществом должника // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 119–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.16>

Введение

Кризисные явления как в мировой, так и в российской экономике стали причиной ненадлежащего исполнения субъектами гражданского права своих обязательств. Институт банкротства (несостоятельности) в возникшей ситуации стал наиболее востребован.

По данным ЕФРСБ о сводных результатах процедур, применявшихся в деле о банкротстве за 1-й квартал 2019 г., размер удовлетворенных требований кредиторов по завершенным делам составил 3,38 % от общей суммы требований, включенных в реестр требований кредиторов [9].

Размер удовлетворенных требований кредиторов по завершенным делам о несостоятельности должника вызывает обеспокоенность и обуславливает необходимость изменения подходов, применяемых в процедурах банкротства.

При этом размер удовлетворенных заявлений о признании сделок должника недействительными по банкротным основаниям за тот же период составил 39 % от общего количества принятых заявлений о признании сделок должника недействительными по данным ЕФРСБ [9].

Вышеизложенное свидетельствует о том, что распоряжение имуществом должника, осуществляемое до и после возбуждения производства по делу о банкротстве должника, обуславливает актуальность исследования правовых проблем эффективного использования и распоряжения имуществом должника. Их разрешение позволит достичь базовых целей банкротства – восстановления платежеспособности должника и наиболее полного удовлетворения требований кредиторов. В этой связи тема исследования особенно актуальна.

Гражданско-правовые аспекты конкурсного распоряжения имуществом должника

В зависимости от системы построения конкурсного законодательства распоряжение

имуществом должника осуществляется следующим образом:

1. Продолжниковой системе (радикальной или умеренной) соответствует модель сохранения за должником права распоряжения имуществом в процедурах банкротства.

2. Прокредиторской системе (радикальной или умеренной) соответствует модель отстранения должника от права распоряжения имуществом и осуществления данных полномочий собранием (комитетом) кредиторов или специальным субъектом (арбитражным управляющим) в процедурах банкротства.

3. Нейтральной системе соответствует модель сохранения за должником права распоряжения имуществом при условии контролирования такого распоряжения собранием (комитетом) кредиторов или специальным субъектом (арбитражным управляющим) в процедурах банкротства.

Действующее российское конкурсное законодательство стремится обеспечить баланс интересов конкурсных отношений, в связи с чем можно с определенной степенью уверенности отнести ее к нейтральной.

В основе действующего конкурсного законодательства, регламентирующего вопросы конкурсного распоряжения имуществом, на наш взгляд, лежит теория ограничения (прекращения) правоспособности (дееспособности) должника.

Последователи теории полагают, что правоспособность (дееспособность) несостоятельного должника ограничивается (прекращается) с момента возбуждения производства по делу о несостоятельности, а выполняется арбитражным управляющим или (и) собранием (комитетом) кредиторов [4]. Данная концепция находит отражение и в судебной практике [7].

При этом полагаем необходимым отметить, что отстранение должника от распоряжения своим имуществом в силу факта признания его несостоятельным (банкротом) однозначно не свидетельствует о том, что должник одномоментно лишается правоспособности/дееспособности, а лишь указывает, что

должник в силу такого юридического факта ограничивается в реализации своих субъективных гражданских прав, в частности права распоряжения имуществом.

В контексте ограничений осуществления должником своих субъективных прав и лишения должника права распоряжения имуществом важным представляется определение момента начала действия такого ограничения. Рассмотрим несколько вариантов.

Во-первых, ограничение и лишение должника права распоряжения может наступить с момента фактического неисполнения должником принятых обязательств [13, с. 303] (с начала течения просрочки исполнения обязательства). Такая позиция подлежит критике, поскольку просрочка исполнения обязательства может быть незначительна, само обязательство может быть дефектным и пр., соответственно, лишение и ограничение должника права распоряжения имуществом в таком случае искоренит предпринимательскую деятельность, которая сопряжена с риском.

Во-вторых, ограничение и лишение права распоряжения может наступить с момента вынесения судом определения о принятии заявления о признании должника банкротом и его опубликования. Ограничение и лишение должника права распоряжения имуществом с момента вынесения судом такого определения представляется необоснованным, поскольку введение реабилитационных и ликвидационных процедур банкротства, за исключением мирового соглашения, происходит после признания судом обоснованным заявления о признании должника банкротом, а не с момента принятия такого заявления.

В-третьих, ограничение и лишение права распоряжения имуществом может наступить с момента вынесения судом определения о признании требований заявителя обоснованным и введении наблюдения. Ограничение и лишение права распоряжения имуществом должника с момента вынесения судом такого определения возможно лишь в части установленных законом в процедуре наблюдения ограничений и запретов на распоряжение имуществом должника. Вышеуказанное свидетельствует о том, что данный вариант ограничен одной процедурой банкротства и не применим в качестве общего

подхода, применимого ко всем процедурам банкротства в целом.

В-четвертых, ограничение и лишение права распоряжения имуществом может наступить с момента вынесения судебного акта о введении процедуры банкротства (определение суда о введении процедуры наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления, решения об открытии конкурсного производства и пр.). Судебные акты о введении процедур банкротства подлежат немедленному исполнению [11]. Лишение и ограничение права распоряжения имуществом должника является последствием введения той или иной процедуры банкротства, которые рассматриваются в настоящем исследовании через систему конкурсных запретов и ограничений распоряжения имуществом должника. Такой подход является универсальным. Вместе с тем невозможно не отметить следующую правовую ситуацию: опубликование судебных актов в сети Интернет (как резолютивной части, так и судебного акта в полном объеме) может произойти значительно позже, чем фактическая дата вынесения судебного акта, или вовсе в сети Интернет может отсутствовать судебный акт о введении процедуры, например, по техническим причинам. При опубликовании судебного акта о введении процедуры банкротства с нарушением сроков опубликования судебных актов в сети Интернет или неопубликования судебного акта третьи лица не смогут точно определить дату введения соответствующей процедуры и, следовательно, дату введения ограничений и запретов на распоряжение имуществом должника. При рассмотрении обособленных споров, связанных с оспариванием сделок должника, момент опубликования судебного акта о введении соответствующей процедуры в сети Интернет имеет юридическое значение в целях определения добросовестности контрагента должника при совершении сделки [5].

При этом стоит отметить, исходя из ст. 28 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и принятых во исполнение этого закона подзаконных актов, сведения о банкротстве включаются в ЕФРСБ о банкротстве и опубликовываются в газете «Коммерсантъ» [11].

Пленум ВАС РФ в пункте 7 Постановления от 23 декабря 2010 г. № 63 подчеркивает, что при рассмотрении дел, связанных с оспариванием сделок должника, существует презумпция осведомленности любого лица о наличии признаков неплатежеспособности должника при наличии публикации о введении соответствующих процедур в отношении должника [8].

В данной ситуации при оспаривании сделок должника по распоряжению имуществом, совершенных после фактической даты вынесения судебного акта о введении соответствующей процедуры банкротства, стандарты доказывания осмотрительности и добросовестности контрагента должника должны быть снижены, если установлен факт отсутствия публикации судебного акта о введении процедуры банкротства в отношении должника на дату совершения оспариваемой сделки.

В-пятых, ограничение и лишение права распоряжения имуществом должника может наступить с момента вынесения судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства. Ограничение и лишение права распоряжения имуществом должника с момента вынесения судом такого решения возможно, лишь исходя из установленных законом ограничений и запретов на распоряжение имуществом в процедуре конкурсного производства. Данный вариант ограничен одной процедурой банкротства и не применим в качестве общего подхода, применимого ко всем процедурам банкротства в целом.

При рассмотрении данной проблематики следует определить имущество, в отношении которого устанавливаются ограничения. Исходя из законодательной регламентации состава объектов гражданских прав [2], объекты гражданского права составляют вещи, иное имущество, имущественные права; результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага.

В связи с тем что право распоряжения исходит из правовой природы вещного права, соответственно состав имущества, подлежащего распоряжению в первую очередь, состоит из вещей (*res corporalis*).

Вместе с тем возникает вопрос: а возможно ли распоряжение «бестелесными вещами» (*res incorporealis*), то есть иным имуществом? В соответствии с позицией А.Б. Бабаева, который полагает, что распоряжение всегда связано с вещью, распоряжение правом (в контексте отдельных правомочий собственника, или право собственности в целом) связано со свойством имущественных прав по их передаче другому лицу, то есть речи о наличии у кредитора вещных прав на имущество не идет [1, с. 259]. В то же время в доктрине высказываются мнения относительно необходимости разработки теоретической конструкции, похожей на правомочия собственника, но применимой к бестелесным вещам [12].

Одним из актуальных вопросов является вопрос о распоряжении биткоинами, иной криптовалютой, электронными деньгами. Законодатель в ответ на изменяющуюся действительность, бурное развитие информационных технологий пытается урегулировать данное явление: законодательными органами принят проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах» № 419059-7 [3], Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ [10].

В соответствии с ФЗ от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ число объектов гражданских прав пополнилось отдельным видом имущественных прав – цифровыми правами. Распоряжение цифровым правом или ограничение распоряжения цифровым правом возможно только в информационной системе без обращения к третьему лицу [10].

В соответствии с проектом ФЗ № 419059-7 криптовалюта квалифицируется цифровым финансовым активом, что, в свою очередь, представляет имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств. Внесение цифровых записей в реестр цифровых транзакций удостоверяет право собственности на данное имущество.

Вышеизложенное свидетельствует о попытке законодателей урегулировать правоотношения, возникающие вследствие развития информационных технологий, представляющих коммерческую ценность. Для целей вы-

явления активов должника и признания цифровых активов имуществом должника правовое закрепление цифровых прав, криптовалюты безусловно позитивно, поскольку их реализация восполнит имущественную и конкурсную массу должника и будет способствовать эффективному восстановлению платежеспособности.

Судебная практика по делам о несостоятельности предвосхитила законодательную инициативу и установила, что биткойны относятся к иному имуществу, определенному в ст. 209 ГК РФ. Особо подчеркивается, что любое имущество должника, имеющее экономическую ценность для кредиторов (включая криптовалюту), не может быть произвольно исключено из конкурсной массы без прямо предусмотренных ст. 131, 132, 213.25 ФЗ от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» либо иными федеральными законами оснований [6].

Вышеизложенное позволяет сформировать понятие «конкурсное распоряжение имуществом должника», под которым понимаются правомочия как самого несостоятельного должника, так и арбитражного управляющего (в процедурах внешнего управления и конкурсного производства) по осуществлению как фактических, так и юридических действий в отношении имущества несостоятельного должника после введения процедуры банкротства должника. Под имуществом в целях конкурсного распоряжения понимаются объекты гражданских прав, имеющие коммерческую экономическую ценность для кредиторов, как принадлежащие должнику на дату введения соответствующей процедуры банкротства, так и впоследствии им полученные.

Выводы

Исследование проблематики конкурсного распоряжения имуществом должника, определение границ такого распоряжения, определение имущества, подлежащего распоряжению, – все это позволило уяснить границы правомерного распоряжения имуществом должника и, следовательно, ограничить и внести ясность в критерии добросовестности поведения субъектов, осуществляющих распоря-

жение имуществом должника, и стандарты их доказывания. Вышеизложенное повлияет на основания оспаривания сделок должника по распоряжению имуществом и предмет доказывания по таким сделкам, что в конечном итоге разрешит некоторые правовые проблемы в правоотношениях с несостоятельным должником и позволит сделать процедуры банкротства более прозрачными, а соответственно – повысить доверие к использованию механизмов банкротства в экономической жизни общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаев, А. Б. Система вещных прав : монография / А. Б. Бабаев. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – 408 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Законопроект «О цифровых финансовых активах» № 419059-7. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>. – Загл. с экрана.
4. Курбатов, А. Я. Ограничение правоспособности и дееспособности юридических лиц – должников в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) / А. Я. Курбатов, Е. С. Пирогова. – Саратов : КУБиК, 2012. – 128 с.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 06.03.2019 по делу № А40-216247/16. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/fdfd1cdf-6e0f-4b3b-bd9d-f5fae01e6072>. – Загл. с экрана.
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 по делу № А40-124668/17. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/Card/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a>. – Загл. с экрана.
7. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 27.03.2019 по делу № А41-44625/18. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru/Card/9b09c896-2834-4908-b1c8-del56606899>. – Загл. с экрана.
8. Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» от 23.12.2010 № 63 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3 (март).
9. Результаты процедур в делах о банкротстве за 1 кв. 2019 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/245629a1-5e47-4a11-a142-8f128ff402ed?attempt=1>. – Загл. с экрана.

10. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 25.03.2019. – № 12. – Ст. 1224.

11. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 28.10.2002. – № 43. – Ст. 4190.

12. Федотов, Д. В. К вопросу о включении бестелесного имущества в число объектов права собственности / Д. В. Федотов // Юрист. – 2013. – № 23. – С. 39–42.

13. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г. Ф. Шершеневич ; науч. ред.: В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2003. – 550 с.

REFERENCES

1. Babaev A.B. *Sistema veshchnykh prav: monografiya* [Property Rights System: Monograph]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2006. 408 p.

2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the RF (Part One) of 30.11.1994 № 51-FZ]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 05.12.1994, no. 32, art. 3301.

3. *Zakonoproekt «O tsifrovyykh finansovykh aktivakh» № 419059-7* [Bill Draft “About Digital Financial Assets” № 419059-7]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>.

4. Kurbatov A.Ya., Pirogova E.S. *Ogranichenie pravospособnosti i deеспособности yuridicheskikh lits – dolzhnikov v ramkakh del o nesostoyatelnosti (bankrotstve)* [Restricting the Legal Capacity of Legal Entities - Debtors in the Framework of Insolvency (Bankruptcy) Cases]. Saratov, KUBiK Publ., 2012. 128 p.

5. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 06.03.2019 po delu № A40-216247/2016* [Order of the Moscow Federal District Arbitration Court of 06.03.2019 in case № A40-216247/2016]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/fdfd1cdf-6e0f-4b3b-bd9d-f5fae01e6072>.

6. *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 15.05.2018 po delu № A40-*

124668/2017 [Order of the Ninth Arbitration Appeal Court of 15.05.2018 in Case № A40-124668/2017]. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a>.

7. *Postanovlenie Desyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 27.03.2019 po delu № A41-44625/18* [Order of the Tenth Arbitration Appeal Court of 27.03.2019 in Case № A41-44625/18]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/9b09c896-2834-4908-b1c8-del1f56606899>.

8. *Postanovlenie Plenuma VAS RF «O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s primeneniem glavy III.1 Federalnogo zakona «O nesostoyatelnosti (bankrotstve)» ot 23.12.2010 № 63* [Order of the Plenum of the SAC of the RF of 23.12.2010 № 63 “On Some Aspects of Using Chapter III.1 of the Russian Bankruptcy Act”]. *Vestnik VAS RF* [Bulletin of Court], 2011, no. 3 (March).

9. *Rezultaty protsedur v delakh o bankrotstve za 1 kv. 2019 goda* [Results of Procedures in Bankruptcy Cases for the 1st Quarter of 2019]. URL: <https://fedresurs.ru/news/245629a1-5e47-4a11-a142-8f128ff402ed?attempt=1>.

10. Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 № 34-ФЗ [Federal Law “About Modification of Parts the First, Second and Article 1124 of the Third Civil Code of the RF” of 18.03.2019 № 34-FZ]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 25.03.2019, no. 12, art. 1224.

11. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ [Russian Bankruptcy Act (Federal Law) of 26.10.2002 № 127-FZ]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 28.10.2002, no. 43, art. 4190.

12. Fedotov D.V. К вопросу о включении бестелесного имущества в число объектов права собственности [To the Question of Inclusion of Incorporeal Property in the Number of Objects of Ownership]. *Urist*, 2013, no. 23, pp. 39–42.

13. Shershenevich G.F. *Kurs torgovogo prava. T. IV: Torgovyy protsess. Konkursnyy protsess* [Commercial Law Course. Vol. IV: Trading Process. Bankruptcy Process]. Moscow, Statute Publ., 2003. 550 p.

Information about the Author

Irina E. Petukhova, Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82/1, 119574 Moscow, Russian Federation; Lawyer, ООО “VIP Alliance-M’ Law Firm”, Admirala Lazareva St., 68, 117041 Moscow, Russian Federation, irinapetukhvae@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7478-9428>

Информация об авторе

Ирина Эдуардовна Петухова, аспирант кафедры гражданского права и процесса, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, просп. Вернадского, 82/1, 119571 г. Москва, Российская Федерация; юрист ООО «Юридическая компания “ВИП Альянс-М”», ул. Адмирала Лазарева, 68, 117041 г. Москва, Российская Федерация, irinapetukhvae@gmail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7478-9428>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.17>

UDC 347.5

LBC 67.404.219.4

Submitted: 06.09.2019

Accepted: 04.10.2019

RELATIONS ARISING FROM UNJUST ENRICHMENT AND THEIR CLASSIFICATION

Daria A. Peregudova

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the topical issues related to the obligations due to unjust enrichment. In the civil legislation, there is only one classification, which contains two types of enrichment by the method of origin: as a result of unjust acquisition of property and as a result of unjust saving of property. In this regard, the paper considers the types of enrichment presented by the civil scientists in the theory of civil law. The **aim** of the work is to conduct a comprehensive analysis of the types of obligations resulting from unjust enrichment and substantiate the need for further research on this topic. The **methods** of scientific knowledge: system, analysis and synthesis. **Results:** the author's opinion on the proposed topic is expressed and the opinions of other scientists are given. **Conclusions:** as a result of the study, the author proposed new types of enrichment and presented their characteristics. It allowed revealing loopholes in the civil legislation and developing priority directions which will promote improvement of the norms of this institution.

Key words: unjust enrichment, obligations, classification, advantages of material nature, civil relations, unjust enrichment claim, right to claim.

Citation. Peregudova D.A. Relations Arising from Unjust Enrichment and Their Classification. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 126-130. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.17>

УДК 347.5

ББК 67.404.219.4

Дата поступления статьи: 06.09.2019

Дата принятия статьи: 04.10.2019

ОТНОШЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ВСЛЕДСТВИЕ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ, И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Дарья Алексеевна Перегудова

Волгоградская академия МВД России, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с обязательствами вследствие неосновательного обогащения. В гражданском законодательстве предусмотрена только одна классификация, которая содержит два вида обогащения по способу возникновения: вследствие неосновательного приобретения имущества и вследствие неосновательного сбережения имущества. В связи с этим в статье рассмотрены виды обогащения, представленные учеными-цивилистами в теории гражданского права. **Целью** работы является проведение комплексного анализа видов обязательств вследствие неосновательного обогащения, а также обоснование необходимости дальнейшего изучения предложенной темы. **Методы** познания, применяемые для написания работы: анализ и синтез, обобщение, описание и логический метод. **Результаты:** автором высказано мнение по видам неосновательного обогащения, рассмотрены позиции ученых, предложены решения проблем. **Выводы:** в результате исследования автором предложены новые виды обогащения, представлена их характеристика. Это позволило выявить пробелы гражданского законодательства и выработать приоритетные направления, которые будут способствовать совершенствованию норм данного института.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, обязательства, классификация, преимущества материального характера, гражданские правоотношения, кондикционный иск, право требования.

Цитирование. Перегудова Д. А. Отношения, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и их классификация // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 126–130. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.17>

Введение

Обязательства вследствие неосновательного обогащения являются внедоговорными обязательствами, которые предусмотрены Гражданским законодательством Российской Федерации (далее – ГК РФ).

История зарождения института неосновательного обогащения восходит к римскому праву. Впервые положения об обязательствах вследствие неосновательного обогащения были закреплены в ГК РСФСР 1922 года [8].

В настоящее время данный институт является предметом пристального внимания науки гражданского права и относится к комплексным правовым институтам, содержащим элементы частного и публичного права. Однако отсутствие четких законодательных дефиниций, теоретическая неразработанность гражданско-правовых конструкций, а также ряда ключевых правовых категорий, используемых для оценки правоотношений, возникающих вследствие неосновательного обогащения, влечет сложности в применении норм на практике.

Теоретико-правовой анализ видов неосновательного обогащения

В юридической литературе встречается достаточно много классификаций неосновательного обогащения. Однако нет четкого перечня, который бы наиболее полно отражал признаки и особенности данного института. На сегодняшний день существуют следующие виды неосновательного обогащения:

1. Классификация, следуемая из гражданского законодательства (гл. 60 ГК РФ): приобретение и сбережение имущества за чужой счет; неосновательное обогащение в результате действия потерпевшего и приобретателя; обогащение, возникшее независимо от действий потерпевшего и приобретателя [3]. Обогащение, возникшее в результате действия потерпевшего, характеризуется тем, что потерпевший по ошибке отправил денежные средства или имущество на другой или несуществующий адрес, выполнил работу и не получил ничего взамен и т. п.

Обогащение, возникшее в результате действия приобретателя, – это ситуация, когда

лицо незаконно пользуется чужим имуществом, или обогащение в результате противоправных действий. Обогащение, возникшее независимо от действий потерпевшего и приобретателя, – это результат действия третьих лиц. Например, выдача груза не должному лицу либо вынос имущества на чужой земельный участок.

2. Классификация, предложенная В.А. Рясенцевым: непосредственное обогащение (лицо неосновательно приобретает или сберегает имущество напрямую, не привлекая третьих лиц) и посредственное обогащение (лицо неосновательно приобретает или сберегает имущество посредством третьего лица). К ситуации посредственного обогащения можно отнести следующий пример: гражданин заказал ремонт автомобиля, принадлежащего ему на праве безвозмездного пользования без разрешения собственника. Собственник автомобиля, узнав об этом, отказался оплачивать ремонт. Следовательно, последний обогатился за счет другого лица, так как автомобиль был отремонтирован, оплата собственником не произведена, а стоимость автомобиля в результате ремонта увеличена [9].

3. Классификация, предложенная ученым-цивилистом А.В. Климовичем: чистое и модифицированное обогащение. Чистое обогащение представляет собой безвозмездную передачу имущества, когда собственник имущества не получает ничего взамен (например, когда вещь украдена и т. д.). Модифицированное обогащение – это неравноценный обмен, когда ценность одного имущества выше или ниже ценности другого имущества. Например, аренда комнаты на условиях значительно ниже стандартных [5].

Классификации, предложенные такими учеными, как В.А. Рясенцев, А.В. Климович, и классификация, указанная в гражданском законодательстве, не могут в полной мере охарактеризовать кондикционные отношения. Взгляд на данный институт как на особый способ защиты прав собственников имущества, а не только как на один из видов обязательств, говорит нам о значимости института неосновательного обогащения в современной России. Обязательства, вызванные обогащением, несомненно связаны нормами нравственности, морали и добросовестности, что требует особого отношения к данному инсти-

туту и делает его общеюридическим. Это вызывает стремление молодых ученых к его изучению и развитию. Поэтому мнения ученых относительно классификаций данного института, сложившиеся во времена советской науки, требуют переосмысления с учетом современных реалий.

Классификация обязательств в современной науке

Анализируя представленные выше классификации, мы предлагаем перечень видов обогащения, который позволит охватить весь спектр особенностей данного института: обогащение в узком и широком смысле; обогащение в форме приобретения и сбережения; обогащение вследствие добросовестных и недобросовестных действий приобретателя; обогащение вследствие незаконных действий физических лиц, юридических лиц или публично-правовых образований; обогащение вследствие активного или пассивного поведения приобретателя.

Изучая юридическую литературу, можно заметить, что мнения ученых по поводу классификации неосновательного обогащения в узком и широком смысле расходятся. Так, Д.В. Новак под обогащением в широком смысле понимает несостоявшееся уменьшение имущества как всякое увеличение, то есть когда лицо, обязанное передать часть имущества другому лицу, не передает его. Обогащение в узком смысле – это сохранение имущества одним лицом за счет другого лица [6]. Полагаем, что в данном случае неосновательное обогащение в широком смысле не отличается от неосновательного обогащения в узком смысле. По нашему мнению, результатом сохранения имущества не может быть присоединение новых благ, так как фактического перехода имущества от одного лица к другому лицу не было. В.С. Гербутов оспаривает мнение Д.В. Новак, обосновывая это тем, что сбережение имущества не может возникать в результате присоединения к имуществу лица иной денежной ценности [2]. Д.Д. Grimm считает, что обогащение в узком смысле состоит в том, что одно лицо сберегает или приобретает имущество за счет другого лица. Обогащение в широком смысле заключается в

получении приобретателем выгод от использования чужого имущества [4].

Мы считаем, что неосновательное обогащение в узком и широком смысле необходимо понимать следующим образом. Обогащение в узком смысле толкуется как неосновательное приобретение имущества одним лицом за счет другого лица, а обогащение в широком смысле – это применение норм института неосновательного обогащения, когда помимо гражданско-правовых отношений возникают отношения, требующие применения норм публичного права (например, норм уголовного, административного законодательства).

Предложенная нами классификация позволит четко разграничить возникающие между участниками отношения. Например, используя данный институт в широком смысле, применение норм о неосновательном обогащении возможно при расследовании уголовных дел, связанных с незаконным приобретением имущества, при которых нередко обнаруживается большое количество благ, не принадлежащих приобретателю. При совершении неправомерных действий потерпевшие не всегда обращаются в правоохранительные органы для защиты своих прав и восстановления имущественных интересов. Это связано с тем, что собственники не нуждаются в похищенном имуществе или же их личность вовсе не установлена. В связи с этим незаконно приобретенное имущество остается в распоряжении такого приобретателя.

Второй разновидностью является обогащение в форме приобретения и сбережения имущества. Это основные формы неосновательного обогащения в соответствии с ГК РФ. Под приобретением понимают незаконное поступление имущества одного лица к другому лицу, в результате чего имущество у последнего лица увеличивается. М.И. Брагинский и В.В. Витрянский оценивают приобретение чужого имущества обогатившимся как умаление имущественных прав потерпевшего [1]. Сбережение имущества как неосновательное обогащение предполагает, что у обогатившегося лица не происходит уменьшения имущества, так как это лицо не выполняет обязанности по его передаче другому лицу. В словаре Ожегова сбережение трактуется как некая совокупность доходов, не исполь-

зованная в текущий момент времени [7]. По нашему мнению, данная классификация имеет право на существование лишь исходя из законодательной инициативы. С одной стороны, можно предположить, что формы обогащения позволяют наиболее полно охарактеризовать институт и дифференцировать его от остальных обязательств. С другой стороны, четкое разграничение обогащения на приобретение и сбережение с практической точки зрения не имеет значения. Важен лишь факт обогащения.

Третий вид – обогащение вследствие добросовестных и недобросовестных действий приобретателя. Упоминание об обогащении в большинстве случаев ассоциируется с негативным отношением к обогатившемуся лицу. Предполагается недобросовестность его поведения как участника гражданского правоотношения (удержание ошибочно перечисленных денежных средств, удержание платы за коммунальные услуги). По нашему мнению, само по себе неосновательное обогащение является недобросовестным и незаконным, но оно не всегда может быть вызвано недобросовестными действиями. Например, добросовестные действия будут тогда, когда одному лицу на банковскую карту поступили денежные средства от какого-то другого лица, который отправил их ошибочно, то есть перед тем, как одному лицу пришли деньги от другого лица, он действовал добросовестно. Добросовестность и недобросовестность могут проявляться в любом правоотношении, не только в гражданских, – именно в этом, на наш взгляд, проявляется универсализм данного института.

Неосновательное обогащение, возникающее вследствие незаконных действий физических лиц, юридических лиц или публично-правовых образований. В соответствии с ГК РФ субъекты именуется как приобретатель и потерпевший. К ним можно отнести широкий круг лиц. Приобретателями и потерпевшими могут быть как малолетние граждане, так и лица недееспособные, как российские граждане, так и иностранные лица, а также публично-правовые образования.

По нашему мнению, необходимость восстановления прав потерпевших может возникнуть в рамках не только гражданского права,

но и уголовного и административного права. Это еще раз подтверждает то, что участником такого обязательства может быть абсолютно любое правоспособное лицо, выступающее на равных началах с остальными субъектами. В кондикционном обязательстве не может быть специальных субъектов.

Неосновательное обогащение вследствие пассивного или активного действия (поведения) приобретателя. Пассивное поведение заключается в том, что обогащение возникает помимо воли приобретателя. Лицо не осуществляет никаких действий для того, чтобы обогащение возникло. Например, на Международный женский день сотрудник службы доставки, перепутав необходимый номер квартиры, приносит женщине цветы, которая подразумевает, что это подарок ее мужа. В данном случае женщина не осуществляла никаких специальных действий для того, чтобы приобрести цветы, она относилась к ним, как к своей собственности. При активном поведении приобретатель осуществляет какие-либо незаконные действия, которые влекут неосновательное обогащение. Полагаем, что данная классификация вытекает из существа вышеперечисленных и непременно связана с ними. Например, прямая связь с добросовестными и недобросовестными действиями лица, связь с обогащением, возникшим в результате действий различных субъектов (потерпевшего или приобретателя и т. д.). Резюмируя, можно в очередной раз подчеркнуть универсальный характер института неосновательного обогащения.

Выводы

В заключение хотелось бы отметить, что теоретико-правовой анализ института неосновательного обогащения показывает, что сформулированные в юридической литературе и гражданском законодательстве виды обогащения не могут в полном объеме раскрыть все многообразие складывающихся между субъектами общественных отношений. Очевидна потребность в их детализации.

Развитие представленного нами в данной работе перечня видов обогащения придаст обязательствам из неосновательного обогащения всеобъемлющий характер и станет

шагом вперед в развитии российского законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагинский, М. И. Договорное право : учебник / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2001. – 638 с.
2. Гербутов, В. С. Навязанное обогащение. К учению об обогащении по российскому праву / В. С. Гербутов // Вестник гражданского права. – 2011. – Т. 11, № 2. – С. 119–152.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ : (ред. от 18.07.2019). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.08.2019). – Загл. с экрана.
4. Grimm, D. D. Очерки по учению об обогащении / Д. Д. Гримм. – СПб. : Тип. Шнакенбурга, 1891. – 107 с.
5. Климович, А. В. Кондикционные обязательства в гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Климович Александр Владимирович. – Иркутск, 2002. – 246 с.
6. Новак, Д. В. Неосновательное обогащение в гражданском праве : монография / Д. В. Новак. – М. : Статут, 2010. – 416 с.
7. Ожегов, С. И. Сбережение // Словарь русского языка Ожегова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://slovar.cc> (дата обращения: 30.08.2019). – Загл. с экрана.
8. Пономарева-Пчела, Е. Г. Неосновательное обогащение в Российском гражданском праве / Е. Г. Пономарева-Пчела // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2006. – № 4. – С. 236–239.
9. Рясенцев, В. А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве / В. А. Рясенцев // Ученые записки МГУ. Труды юридического факультета. – 1949. – № 144. – С. 85–106.

REFERENCES

1. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. *Dogovornoe pravo: uchebnik* [Contract Law. Textbook]. Moscow, Statut Publ., 2001. 638 p.
2. Gerbutov V.S. Navyazannoe obogashchenie. K ucheniyu ob obogashchenii po rossiyskomu pravu [The Imposed Enrichment. To the Doctrine about Enrichment under Russian Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2011, vol. 11, no. 2, pp. 119-152.
3. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ: (red. ot 18.07.2019)* [Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 no. 14-FZ: (Ed. of July 18, 2019)]. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed 30 August 2019).
4. Grimm D.D. *Ocherki po ucheniyu ob obogashchenii* [Sketches According to the Doctrine about Enrichment]. Saint Petersburg, Tip. Shnakenburga, 1891. 107 p.
5. Klimovich A.V. *Kondiktsionnye obyazatelstva v grazhdanskom prave: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03* [Kondiktsionnye of the Obligation in Civil Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Irkutsk, 2002. 246 p.
6. Novak D.V. *Neosnovatelnoe obogashchenie v grazhdanskom prave: monografiya* [Unjust Enrichment in Civil Law. Monograph]. Moscow, Statut Publ., 2010. 416 p.
7. Ozhegov S.I. Sberazhenie [Saving]. *Slovar russkogo yazyka Ozhegova* [Dictionary Ozhegova]. URL: <https://slovar.cc> (accessed 30 August 2019).
8. Ponomareva-Pchela E.G. *Neosnovatelnoe obogashchenie v Rossiyskom grazhdanskom prave* [Unjust Enrichment in the Russian Civil Law]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2006, no. 4, pp. 236-239.
9. Ryasentsev V.A. *Obyazatelstva iz tak nazyvaemogo neosnovatel'nogo obogashcheniya v sovetskom grazhdanskom prave* [Obligations from So-called Unjust Enrichment in the Soviet Civil Law]. *Uchenye zapiski MGU. Trudy yuridicheskogo fakulteta*, 1949, no. 144, pp. 85-106.

Information about the Author

Daria A. Peregodova, Senior Police Lieutenant, Junior Scientific Assistant, Department of Civil Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St., 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, dashaperegodova7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4700-065X>

Информация об авторе

Дарья Алексеевна Перегудова, старший лейтенант полиции, адъюнкт кафедры гражданского права, Волгоградская академия МВД России, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, dashaperegodova7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4700-065X>

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.18>

UDC 343.2

LBC 67.408

Submitted: 03.09.2019

Accepted: 29.09.2019

PROSECUTOR'S DECISION AS A CAUSE FOR INITIATING CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF IMPROVING THE LEGISLATION

Natalia A. Solovyova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Altyn K. Ilyasova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: in the paper the authors reveal the essence of one of the causes for initiating a criminal case, the so-called fourth cause with the title “the prosecutor’s decision to send relevant materials to the preliminary investigation body to resolve the issue of criminal prosecution”; actual problems associated with the implementation of the powers of the Prosecutor’s office at the stage of initiating a criminal case; the essence of the supervisory powers of the Prosecutor’s office (Prosecutor) at the stages of criminal proceedings. Addressing this topic is due to the main **purpose** – the consideration of the concept of “prosecutor’s decision as a cause for initiating a criminal case” in the criminal procedure legislation of the Russian Federation, as well as the study of topical problems of implementing the powers of the Prosecutor’s office (prosecutor) when considering the issue of ensuring compliance with the principle of legality at all the stages of criminal proceedings. **Methods:** the methodological framework for the study was the general scientific method of cognition, including the principle of objectivity, consistency, induction and deduction. In the context of this method and in connection with it, the general logical methods of theoretical analysis and specific scientific methods (comparative law, technical and legal analysis, concretization, interpretation) were used. **Results:** considering the concept of “prosecutor’s decision as a cause for initiating a criminal case”, the authors drew attention to the role of the prosecutor in making the relevant decision on the activity management of the preliminary investigation body, indicated, that in criminal procedure law of this state the most important function of the Prosecutor’s office (prosecutor) is the supervision over compliance with rule of law by all the bodies and officials, by virtue whereof, in practice, the implementation of two mutually exclusive powers of the Prosecutor’s office (prosecutor) can lead to the imbalance in the full implementation of the principles of criminal procedure at all procedural stages. **Conclusions:** as a result of the study, the authors come to the conclusion that in order to implement fair justice at the stages of criminal proceedings, it is necessary to make appropriate changes in the criminal procedure legislation of the Russian Federation, since the combination in one body of powers to initiate criminal proceedings (in particular, sending a corresponding resolution to the preliminary investigation body to resolve the issue of criminal prosecution) and the powers to supervise over compliance with the law by the preliminary investigation bodies is impossible in practice; it requires additional research and appropriate changes.

Key words: stage of initiating a criminal case, Prosecutor’s office, prosecutor, cause for initiating a criminal case, supervisory functions of Prosecutor’s office.

Citation. Solovyova N.A., Ilyasova A.K. Prosecutor’s Decision as a Cause for Initiating Criminal Proceedings: Problems of Improving the Legislation. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 131-139. (in Russian).

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.18>

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРОКУРОРА КАК ПОВОД ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Наталья Алексеевна Соловьева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Алтын Кожмуратовна Ильясова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье раскрывается сущность так называемого четвертого повода для возбуждения уголовного дела – «постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании»; рассматриваются актуальные проблемы, связанные с реализацией полномочий органов прокуратуры на стадии возбуждения уголовного дела; сущность надзорных полномочий органа прокуратуры (прокурора) на стадиях уголовного судопроизводства. **Цель** работы – изучение понятия «постановление прокурора как повода для возбуждения уголовного дела» в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, а также исследование актуальных проблем реализации полномочий органа прокуратуры (прокурора) при рассмотрении вопроса об обеспечении соблюдения принципа законности на всех стадиях уголовного судопроизводства. **Методы:** методологической основой данного исследования послужил общенаучный метод познания, включающий в себя принцип объективности, системности, индукции и дедукции; общелогические методы теоретического анализа и частнонаучные методы (сравнительное правоведение, технико-юридический анализ, конкретизация, толкование). **Результаты:** авторы обратили внимание на роль прокурора при вынесении соответствующего постановления на организацию работы органа предварительного расследования, указали, что в уголовно-процессуальном праве нашего государства важнейшей функцией органа прокуратуры (прокурора) является осуществление надзора за соблюдением законности всеми органами и должностными лицами, в связи с чем в практической деятельности реализация двух взаимоисключающих полномочий органа прокуратуры (прокурора) может привести к дисбалансу полноценной реализации принципов уголовного процесса на всех процессуальных стадиях. **Выводы:** с целью осуществления справедливого правосудия на стадиях уголовного судопроизводства необходимо внести соответствующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, так как сочетание в одном органе полномочий по возбуждению уголовного дела (в частности, направление соответствующего постановления в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании) и полномочий по осуществлению надзора за соблюдением законности органами предварительного расследования в практической деятельности невозможно, требует дополнительных исследований и внесения соответствующих изменений.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, орган прокуратуры, прокурор, повод для возбуждения уголовного дела, надзорные функции прокуратуры.

Цитирование. Соловьева Н. А., Ильясова А. К. Постановление прокурора как повод для возбуждения уголовного дела: проблемы совершенствования законодательства // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 131–139. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.18>

Введение

В соответствии с действующим российским законодательством орган прокуратуры представляет собой систему государственных органов, которые призваны осуществлять надзор за соблюдением исполнения норм законодательства, действующего на территории Рос-

сийской Федерации, а также выполнение иных установленных законом функций и процессуальных полномочий [5, ст. 1].

Проанализировав процессуальное положение (статус) органа прокуратуры (прокурора), его место в правовой системе Российской Федерации, можно говорить о том, что основной функцией указанного государственно-

го органа является осуществление надзорных полномочий за соблюдением и исполнением одного из основных принципов уголовно-процессуального законодательства – принципа законности – всеми органами власти и их должностными лицами. Несомненно, указанное обстоятельство в конечном итоге способствует развитию в Российской Федерации правового демократического государства.

История развития надзорной функции органа прокуратуры

Согласно действующему законодательству Российской Федерации создание надзорной функции органов прокуратуры (прокурора) за досудебными стадиями уголовного процесса (возбуждение уголовного дела и производство предварительного расследования) связано с историей становления и развития уголовно-процессуального права в целом и прокурорского надзора в частности, а также с принятием таких основных источников процессуального законодательства, как Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) РСФСР 1922, 1923, 1960 гг., УПК РФ 2001 года.

Поэтапный анализ норм уголовно-процессуального законодательства России, а также анализ доктринальных источников уголовно-процессуального права указывают на то обстоятельство, что на всех стадиях досудебного процесса орган прокуратуры (прокурор) осуществляет соответствующие функции по надзору как за порядком возбуждения уголовных дел, так и за производством предварительного расследования [7, с. 53].

Сущность органа прокуратуры в Российской Федерации

Нормы уголовно-процессуального права Российской Федерации под понятием «надзор за стадиями возбуждения уголовного дела и производства предварительного расследования» рассматривают процессуальную деятельность органа прокуратуры (прокурора) при осуществлении досудебного производства. Данная функция органа прокуратуры (прокурора) заключается прежде всего в обеспечении исполнения требований норм законода-

тельства всеми уполномоченными государственными органами, осуществляющими процессуальную проверку и предварительное расследование, однако в то же время она направлена исключительно на достижение реализации принципов уголовного процесса и осуществляется в защиту публичного интереса государства по обеспечению соблюдения законности в сфере уголовного судопроизводства.

Проанализировав правовую систему любого развитого государства, стоит отметить, что орган прокуратуры (прокурор) при осуществлении уголовного преследования не должен оказывать влияние на полномочия по обеспечению надзора за органом предварительного расследования, что в конечном итоге приводит к более эффективному исполнению норм и положений законодательства в практической деятельности органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, что призвано способствовать реализации всех принципов уголовного процесса.

В то же время предмет надзора органа прокуратуры (прокурора) за стадиями досудебного судопроизводства един для всех форм производства предварительного расследования, что, несомненно, призвано способствовать развитию в Российской Федерации правового государства, в котором права, свободы и законные интересы человека и гражданина являются высшей ценностью.

Понятие и сущность прокурорского надзора в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации

В соответствии с нормами российского уголовно-процессуального законодательства под прокурорским надзором за соблюдением принципа законности в работе органов предварительного расследования понимается урегулированная деятельность уполномоченных органов прокуратуры (прокуроров) на стадиях досудебного судопроизводства (в частности, на стадиях возбуждения уголовного дела и производства предварительного расследования), которая направлена исключительно на соблюдение норм законодательства при осуществлении уголовного преследования, что, безусловно, является его конечной целью при реализации принципов уголовного процес-

са в практической деятельности осуществления уголовного судопроизводства [6, с. 129].

На основании вышеизложенного можно говорить о том, что прокурорский надзор призван разрешать две основные задачи: с одной стороны, он служит средством обеспечения защиты прав и свобод граждан, а также охраняемых законом интересов общества и государства, а с другой стороны – для точного и правильного соблюдения норм всех действующих на территории государства нормативно-правовых актов.

Неукоснительное выполнение указанных задач способствует развитию эффективности уголовного преследования, так как в случае нарушения правил проведения следственных и процессуальных действий, предусмотренных нормами уголовно-процессуального права, полученные сведения в последующем могут утратить свое доказательственное значение ввиду признания их недопустимыми, что, несомненно, окажет свое негативное воздействие на всех субъектов уголовного судопроизводства. В то же время стоит напомнить, что в соответствии с нормами действующего УПК РФ прокурор относится к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения, что противоречит концепциям правового государства.

Нормы российского уголовно-процессуального законодательства дают четкое определение понятию «прокурор», указывая, что он является должностным лицом, которое исполняет обязанности по государственной службе в органах прокуратуры в соответствии с имеющимися у него полномочиями по осуществлению задач, определенных федеральным законодательством, в том числе полномочия по уголовному преследованию и процессуальному надзору за соблюдением законности всеми органами и лицами [9, ст. 37].

Полномочия органа прокуратуры в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации

Прежде чем приступить к анализу соответствующих полномочий органа прокуратуры (прокурора), необходимо указать, что согласно нормам УПК РФ (в частности, ст. 5 УПК РФ) понятие «уголовное преследование»

приравнено к процессуальной деятельности, осуществляемой исключительно стороной обвинения в целях изобличения лица, совершившего преступное деяние, которая подразделяется на дела публичного, частнопубличного и частного характера [1, с. 70]. Важно отметить, что законодатель в нормах УПК РФ (ст. 21) указал главенствующую роль органа прокуратуры (прокурора) в осуществлении функции уголовного преследования, тем самым подчеркнув его процессуальное положение [9, с. 21]. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что орган прокуратуры (прокурор) в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства совмещает в себе реализацию процессуальных функций в виде уголовного преследования и надзора за соблюдением норм законодательства, действующего на территории Российской Федерации [8, с. 2579].

В связи с тем что в главе 6 УПК РФ под названием «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» закреплены полномочия органа прокуратуры (прокурора), можно говорить о том, что законодатель в своих нормативно-правовых актах к понятию «уголовное преследование» относит именно проявление состязательной функции обвинения, что оказывает воздействие на осуществление уголовного судопроизводства [9, гл. 6].

Из сказанного нами выше следует, что функцию уголовного преследования (обвинения, осуществляемого от имени государства) в уголовном судопроизводстве нашего законодательства необходимо отделить от функции осуществления правосудия, а полномочия прокурора нельзя подменять полномочиями, свойственными в состязательном процессе только суду.

Полномочия органа прокуратуры на стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации

В соответствии с нормами действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации стадия возбуждения уголовного дела является первоначальной, самостоятельной стадией уголовного процесса, на которой уполномоченный государственный орган принимает одно из следую-

щих решений: о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения по подследственности.

Указанная стадия уголовного процесса предшествует стадии производства предварительного расследования (в данной ситуации исключение составляют дела частного обвинения, предусмотренные законодательством). Однако стоит отметить, что именно и только на стадии возбуждения уголовного дела проводятся все первоначальные следственные и процессуальные действия, которые в последующем необходимы для осуществления справедливого правосудия, что также является неотъемлемой частью каждого правового государства.

Несмотря на вышесказанное, подчеркнем, что нормы УПК РФ не дают нам абсолютно четкого понятия и законодательного закрепления термина «повод для возбуждения уголовного дела», так как данное понятие самодостаточно и его раскрытие не требует дополнительных определений. Однако уголовно-процессуальное законодательство под поводом для возбуждения уголовного дела понимает сообщение о преступлении, полученном из предусмотренного законодательством источника, прием которого обозначает начало производства процессуальной деятельности.

Уголовно-процессуальное законодательство Российского государства в ст. 140 УПК РФ предусматривает исчерпывающие поводы для возбуждения уголовного дела, к числу которых относятся: заявление о преступлении (официальное обращение заявителя в компетентный орган с просьбой возбудить уголовное дело по факту совершения деяния или в отношении определенного лица); явка с повинной (добровольное личное обращение лица, совершившего преступление, с заявлением о совершении преступления до привлечения в качестве обвиняемого или подозреваемого); сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (сообщение лица об обнаружении признаков преступления из иных источников, в том числе полученных по телефону, опубликованных в печати и иное); постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании

(выносится прокурором при обнаружении признаков преступлений в соответствии с федеральным законодательством).

Важно отметить, что четвертый повод (постановление прокурора) распространяет свое действие в случаях непосредственного обнаружения признаков преступления при осуществлении прокурором исполнения норм законов в порядке, предусмотренном ст. 37 УПК РФ, что в конечном итоге усиливает роль прокурора в осуществлении уголовного преследования [9, ст. 140].

Постановление прокурора как повод для возбуждения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права России: проблемы совершенствования законодательства

Проанализировав четвертый повод для возбуждения уголовного дела (постановление прокурора), можно говорить о его сущности, функциях и процессуальном порядке, предусмотренном российским уголовно-процессуальным законодательством. Так, прокурор в рамках реализации предоставленного полномочия, в случае, если при проведении надзорной проверки по фактам нарушения законодательства обнаруживает признаки преступления, выносит соответствующее постановление, которое с материалом направляет в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК) [3].

Однако мнения ученых по вопросу выделения постановления прокурора в отдельный повод для возбуждения уголовного дела в российском законодательстве разделились. Одна группа ученых считает, что, закрепив четвертый повод для возбуждения уголовного дела, «законодатель принял совершенно правильное решение, выделив рассматриваемое постановление прокурора в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела» [3, с. 54]. Другая группа ученых по данному вопросу обосновывает закономерность такого возникновения как результат прокурорской проверки в случаях обнаружения признаков преступного деяния, высказывая определенные замечания, в частности

по его наименованию, содержанию и практическому применению, что свидетельствует о существующих проблемах и пробелах в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации [2].

В определенной степени содержание функции уголовного преследования было раскрыто Конституционным судом Российской Федерации, который указал, что именно на стадиях досудебного судопроизводства происходит формирование обвинения, являющегося предметом дальнейшего судебного разбирательства. На наш взгляд, указанное обстоятельство не может не оказывать воздействие на осуществление справедливого правосудия в рамках возбужденного уголовного дела, как на стадиях досудебного производства, так и при осуществлении судебного разбирательства.

Функция уголовного преследования, осуществляемая органом прокуратуры, включает в себя материальную (в данный аспект входит совокупность установленных и вмененных определенному лицу действий, юридическую формулу, предусмотренную уголовным законом, и квалификацию преступлений) и процессуальную (к данному моменту относится деятельность по управлению накоплением и уточнением фактического знания о причастности лица к совершению определенных действий, квалифицированных как преступное деяние) составляющие.

Как мы можем увидеть из законодательного закрепления норм УПК РФ, регулирующих порядок возбуждения уголовного дела, полномочия органа прокуратуры (прокурора) достаточно велики, ведь он (орган) имеет правомочия по направлению органам, осуществляющим предварительное расследование, постановления о решении вопроса об уголовном преследовании в отношении конкретного лица, то есть фактически является органом (должностным лицом), наделенным властными функциями и имеющим определенную заинтересованность в результатах проведенной процессуальной проверки, что в дальнейшем при осуществлении справедливого правосудия по уголовному делу может оказать существенное значение.

Анализ вышеизложенного позволяет говорить о том, что в лучшей степени надзор-

ная функция органа прокуратуры (прокурора) на стадиях досудебного производства проявляется в тех случаях, где он (орган, прокурор) руководствуется исключительно интересами строгого и точного исполнения норм действующего законодательства. В каждой конкретной ситуации орган прокуратуры (прокурор) в случае необходимости и в целях обеспечения верховенства норм закона должен «жертвовать» эффективностью уголовного преследования. Однако при осуществлении органом прокуратуры (прокурором) предоставленных ему полномочий на стадии возбуждения уголовного дела, в случаях, где он (орган, прокурор) является заинтересованным субъектом при даче указаний на наличие признаков состава преступления в отношении конкретного лица, реализация полномочий по надзору за соблюдением законности в деятельности правоохранительных органов может стать второстепенной в функциях прокуратуры.

Важно отметить, что функция уголовного преследования в наибольшей степени реализуется в тех прокурорских полномочиях, которые нацелены на максимально эффективное и целесообразное обеспечение неотвратимости уголовной ответственности лиц, совершивших преступление.

Анализ стадий досудебного судопроизводства указывает на существование «процессуальных» проблем, которые возникают в практической деятельности по осуществлению уголовного судопроизводства. Данное обстоятельство связано с тем, что необоснованное совмещение цели уголовного преследования и функции по надзору за соблюдением норм закона может привести к своеобразному внутреннему противоречию, поскольку законность неизбежно ограничивает достижение цели уголовного преследования только определенными средствами и способами, учитывающими интересы всех субъектов (сторон) в уголовном судопроизводстве.

На основании вышеизложенного можно говорить о том, что, поставив цель добиться наказания виновного, в случаях, предусмотренных законодательством, органу прокуратуры (прокурору) необходимо ограничивать ее достижение определенными средствами надзорного реагирования на все

допущенные нарушения, при этом он должен не допустить их негативного влияния на решение по уголовному делу, что, несомненно, приведет к соблюдению всеми органами и должностными лицами принципа законности, а также осуществлению справедливого правосудия.

Стоит отметить, что указанное нами выше противоречие наиболее остро проявляется при возложении на орган прокуратуры (прокурора) общего надзора за соблюдением законности в деятельности органа предварительного расследования. К сожалению, практический анализ деятельности органов предварительного расследования говорит о том, что в случаях, когда поводом для возбуждения конкретного уголовного дела послужило соответствующее постановление органа прокуратуры (прокурора), функция по осуществлению надзорного контроля неизбежно может перейти на второй план, уступая первенство интересам уголовного преследования, так как орган прокуратуры (прокурор) является так называемой последней инстанцией досудебного уголовного судопроизводства, принимающей решение о направлении уголовного дела в суд.

Говоря о существовании проблем, возникающих при возбуждении уголовного дела на основании соответствующего постановления прокурора, стоит отметить, что в данной ситуации орган предварительного расследования (дознания или следствия) может находиться в некоем «зависимом» положении от органа прокуратуры (прокурора), что проявляется в исключительной функции (полномочии) указанного органа по направлению уголовного дела в суд при условии наличия соответствующей заинтересованности.

Возникновение вышеуказанных нами проблемных ситуаций в конечном итоге может привести к нарушению прав и свобод человека и гражданина при реализации им права на защиту в уголовном судопроизводстве, чем будут нарушены нормы Конституции Российской Федерации [4, ст. 2].

Выводы

Анализ действия норм уголовно-процессуального законодательства Российской Фе-

дерации, регулирующих деятельность органа прокуратуры (прокурора) на стадии возбуждения уголовного дела, позволяет сделать следующий вывод: для того чтобы избежать существующих «процессуальных» проблем при осуществлении справедливого правосудия, в целях совершенствования российского законодательства необходимо рассмотреть вопрос об отделении полномочий органа прокуратуры (прокурора) по осуществлению надзора за деятельностью органа предварительного расследования от полномочий по направлению данному органу соответствующих указаний для решения вопроса об уголовном преследовании (в частности, постановлений).

В правовой системе развитого государства указанные нами в настоящей статье функции органа прокуратуры (прокурора) несовместимы и без определенных негативных последствий существовать одновременно не могут, так как полномочия по возбуждению уголовного дела и полномочия по надзору за соблюдением законности при производстве расследования по данному уголовному делу, недопущению незаконного привлечения к уголовной ответственности конкретного лица не связаны между собой и могут находиться на одном уровне в судебной системе правового государства.

На основании вышеизложенного в целях дальнейшего развития основ правового государства в нашей стране, практической реализации принципов уголовного процесса необходимо рассмотреть вопрос о внесении изменений в нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующие полномочия органа прокуратуры (прокурора) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, путем внесения соответствующих изменений в ст. 37 и ст. 140 УПК РФ, исключив из полномочий данного участника функции «заинтересованного» субъекта уголовного преследования, увеличив полномочия по осуществлению надзорной функции за соблюдением законности в деятельности органов (должностных лиц) и ужесточению контрольных мер за производством предварительного расследования по возбужденным уголовным делам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амирбеков, К. И. Функции прокуратуры России в уголовном судопроизводстве / К. И. Амирбеков, С. Е. Егоров, А. Г. Халиулин // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2011. – № 6. – С. 70–80.
2. Гриненко, А. Постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела / А. Гриненко // Законность. – 2012. – № 11. – С. 22–24.
3. Дикарев, И. С. Четвертый повод для возбуждения уголовного дела / И. С. Дикарев // Законность. – 2012. – С. 53–55.
4. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12.12.1993] (в ред. от 21.07.2014). – Доступ из справ.равовой системы «КонсультантПлюс».
5. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 (в ред. от 08.01.2019). – Доступ из справ.равовой системы «КонсультантПлюс».
6. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А. В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2008. – 704 с.
7. Сычев, Д. А. Уголовно-процессуальные функции прокурора, осуществляемые в ходе досудебного производства / Д. А. Сычев // КриминалистЪ. – 2013. – № 1. – С. 49–54.
8. Таболина, К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: история и современность // К. А. Таболина // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 11. – С. 2574–2580.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 06.03.2019). – Доступ из справ.равовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Amirbekov K.I., Egorov S.E., Khaliulin A.G. Funktsii prokuratury Rossii v ugodolnom sudoproizvodstve [Functions of the Russian Prosecutor's Office in Criminal Proceedings]. *Vestnik Akademii Generalnoy prokuratury Rossiyskoy*

Federatsii [Bulletin of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation], 2011, no. 6, pp. 70-80.

2. Grinenko A. Postanovlenie prokurora kak povod k vzbuzhdeniyu ugodolnogo dela [The Decision of the Prosecutor as a Reason to Institute Criminal Proceedings]. *Zakonnost* [Legality], 2012, no. 11, pp. 22-24.

3. Dikarev I.S. Chetvertyy povod dlya vzbuzhdeniya ugodolnogo dela [The Fourth Reason for Initiating a Criminal Case]. *Zakonnost* [Legality], 2012, pp. 53-55.

4. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (v red. ot 21.07.2014)* [Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote 12.12.1993 (as amended on July 21, 2014)]. Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus".

5. *O prokurature Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 (v red. ot 08.01.2019)* ["On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1, as amended on January 8, 2019]. Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus".

6. Smirnov A.V., Kalinovskiy K.B. Ugodolnyy protsess: uchebnyy [The Criminal Process: textbook]. Moscow, KNORUS Publ., 2008. 704 p.

7. Sychev D.A. Ugodolno-protsessualnye funktsii prokurora, osushchestvlyayemye v khode dosudebnogo proizvodstva [The Criminal Procedural Functions of the Prosecutor Carried out During Pre-Trial Proceedings]. *Kriminalist* [Criminalist], 2013, no. 1, pp. 49-54.

8. Tabolina K.A. Nadzor prokurora za vzbuzhdeniyem i rassledovaniem ugodolnykh del: istoriya i sovremennost [Oversight of the Prosecutor for the Initiation and Investigation of Criminal Cases: History and Modernity]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law.], 2014, no. 11, pp. 2574-2580.

9. *Ugodolno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: feder. zakon ot 18.12.2001 № 174 FZ, v red. ot 06.03.2019* [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law of December 18, 2001 No. 147 FZ, as amended on March 6, 2019]. Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus".

Information about the Authors

Natalia A. Solovyova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, solovieva_na@volsu.ru, solovievanataa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9698-0845>

Altyn K. Ilyasova, Postgraduate Student, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ak_ilyasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6948-343X>

Информация об авторах

Наталья Алексеевна Соловьева, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, solovieva_na@volsu.ru, solovievanataa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9698-0845>

Алтын Кожмуратовна Ильясова, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ak_ilyasova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6948-343X>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.19>

UDC 341.1/8
LBC 67.9

Submitted: 28.08.2019
Accepted: 01.10.2019

ON THE LEGAL CONSEQUENCES OF BREXIT

Dmitriy V. Galushko

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Introduction: one of the most important functioning aspects of modern regional international organizations is the institution of state membership. For the European Union, this issue has until recently been considered in terms of the ongoing process of developing European integration and expanding the membership of States in this international organization. In 2016, the UK held a referendum on its leaving the EU, whose positive result gave rise to the process of leaving the EU – Brexit. Brexit has produced a number of consequences, some of which will be analyzed in this paper. The **aim** of the study is to investigate and analyze some of the legal consequences of Brexit. **Methods:** in the course of the research both general scientific methods of cognition and specific legal methods (formal-legal, historical-legal) were used. **Results:** the paper proves that Brexit is a unique case in the practice of both the European Union and the international practice of interaction between States and international organizations. The author found that the UK's leaving the EU entails a number of consequences, which are extremely difficult to identify, since they are very diverse and relate to completely different spheres of public relations: peace, security, economy, migration, Northern Ireland, and etc. **Conclusions:** Brexit becomes a process of testing completely new mechanisms and procedures that will have a significant impact both at the international legal level and at the domestic level. Today, Brexit requires careful legal support, as it directly affects the rights and freedoms, first of all, of citizens on both sides. Without a properly executed international treaty, Brexit could become a threat not only to the economic sphere, but even to peace and security in the region.

Key words: European Union, Great Britain, the EU membership, international organizations, Brexit, Northern Ireland, leaving the EU.

Citation. Galushko D.V. On the Legal Consequences of Brexit. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 140-145. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.19>

УДК 341.1/8
ББК 67.9

Дата получения статьи: 28.08.2019
Дата принятия статьи: 01.10.2019

О ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ВЫХОДА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Дмитрий Вячеславович Галушко

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

Введение: одним из важнейших аспектов функционирования современных региональных международных организаций является институт членства государств. Для ЕС этот вопрос до недавнего времени рассматривался в контексте постоянного процесса развития европейской интеграции и расширения членского состава

государств в данной международной организации. В 2016 г. в Великобритании был проведен референдум о выходе из ЕС. Его положительный результат дал начало процессу выхода данной страны из ЕС – Брекзиту. Последний породил ряд последствий, некоторые из которых будут проанализированы в рамках настоящей статьи. **Цель:** изучить и проанализировать правовые последствия выхода Великобритании из ЕС. **Методы:** в ходе исследования использовались как общенаучные методы познания, так и частноправовые методы (формально-юридический, историко-правовой). **Результаты:** обосновано, что Брекзит является уникальным случаем как в практике ЕС, так и в международной практике взаимодействия государств и международных организаций. Установлен ряд последствий данного процесса, выявление которых представляется чрезвычайно сложной задачей, поскольку они очень разнообразны и касаются совершенно различных сфер общественных отношений: мира, безопасности, экономики, миграции и т.д. **Выводы:** Брекзит становится процессом апробации совершенно новых механизмов и процедур, которые окажут значительное влияние как на международно-правовом, так и внутригосударственном уровнях. На сегодняшний день он требует тщательного юридического обеспечения, поскольку непосредственно затрагивает права и свободы, прежде всего, граждан с обеих сторон. Без надлежаще оформленного международного договора Брекзит может стать угрозой не только для экономической сферы, но для мира и безопасности в регионе.

Ключевые слова: Европейский союз, Великобритания, членство в ЕС, международные организации, Брекзит, Северная Ирландия, выход из ЕС.

Цитирование. Галушко Д. В. О правовых последствиях выхода Великобритании из Европейского Союза // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 140–145. – DOI: <https://doi.org/10.15688/1c.jvolsu.2019.4.19>

Введение

Для Европейского Союза (далее – ЕС) долгое время одним из самых актуальных аспектов развития являлся институт членства государств в данном международном объединении. Особое место в этом отношении занимали вопросы расширения Союза – присоединения к нему новых государств-членов. Многие страны стремились и стремятся к членству в ЕС, а у некоторых на это уходят десятилетия [9, р. 132]. В дополнение к соответствующим положениям учредительных договоров ЕС были разработаны Копенгагенские критерии для государств, изъявивших желание присоединиться к Союзу [4].

Для выхода стран из ЕС Лиссабонским договором в Договоре о Европейском Союзе была закреплена специальная ст. 50 [6]. Первым государством, решившим применить нормы данной статьи, стала Великобритания. 23 июня 2016 г. граждане Соединенного Королевства создали уникальный прецедент в истории развития объединенных государств, отдав на общенациональном референдуме свои голоса за выход Великобритании из состава ЕС [18].

29 марта 2017 г. Великобритания официально начала процедуру прекращения членства в Союзе после более чем сорока

лет тесного экономического, политического и правового сотрудничества между страной и данной международной организацией. Выход Соединенного Королевства из ЕС (далее – Брекзит¹) получил огромный резонанс и разнообразные (достаточно противоречивые, а иногда и радикальные) оценки относительно причин, мотивов и последствий данного процесса.

Нормативная основа выхода государств из ЕС

Великобритания всегда занимала особое место в рамках ЕС, причем в самых различных отношениях: политическом, экономическом, правовом и географическом. Кроме того, Соединенное Королевство нередко выступало первопроходцем по многим вопросам функционирования ЕС. В частности, оно стало первой страной, которая присоединилась к Европейским Сообществам в 1973 г. наряду с Данией и Ирландией [2]. Именно в Великобритании впервые был проведен референдум по вопросу о том, оставаться ли в составе ЕС в 1975 г., причем практически сразу после присоединения. На референдуме 1975 г. 67,2 % избирателей проголосовали за то, чтобы остаться в Сообществе. Однако в конечном итоге Великобритания стала первой страной, инициировавшей выход из состава ЕС.

Следует отметить, что именно британский дипломат – лорд Джон Керр – стал автором ст. 50 Договора о Европейском Союзе. Однако он отмечал, что никто не рассчитывал на ее реальное применение, тем более в отношении Соединенного Королевства. Теоретически предполагалось, что данная норма может быть применена в случае государственного переворота в одной из стран-членов.

До подписания Лиссабонского договора такая возможность не была нормативно обеспеченной. Статья 50 Договора о Европейском Союзе предусматривает право государства-участника на выход из состава ЕС и его процедуру, однако не устанавливает никаких материально-правовых условий, при которых государство-участник будет способно применить это право [21]. В ней также не содержатся требования относительно обоснования причин решения о выходе или необходимости одобрения и акцепта другими государствами-участниками [21]. Кроме того, статья не обеспечивает установленных условий по выходу в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года [1]. Единственное требование, которое определяет ст. 50, – выход из состава организации должен происходить «в унисон с конституционно-правовыми предписаниями государства» [10]. Однако для Соединенного Королевства, не имеющего единой кодифицированной писаной конституции, такая диспозиция не является четкой и требует отдельных правовых процедур.

В свою очередь политические заявления обеих сторон указывают на некоторые различия во взглядах относительно условий будущей сделки: премьер-министр Тереза Мэй изначально отметила, что «первоочередной целью правительства после согласования нового глубокого и особого партнерства с Европейским Союзом является обеспечение бизнеса, публичного сектора и каждого в нашем государстве» [11]. Представители ЕС в качестве первоочередной задачи выделяют защиту прав и свобод граждан как ЕС, так и Соединенного Королевства. В любом случае Брекзит в дальнейшем может повлиять и на развитие Великобритании и ЕС, и на их положение на глобальной геополитической арене.

Характеристика отдельных последствий Брексита

Одной из главных проблем Брексита является заключение международного соглашения между ЕС и Великобританией относительно условий выхода, а также модели будущих взаимоотношений. Заключение такого договора затягивается, а изначальные сроки Брексита постоянно переносятся: сначала дата выхода была назначена на 29 марта 2019 г., затем – 12 апреля, а после – 31 октября. Отметим, что на момент написания настоящей статьи на рассмотрении в британском Парламенте находился законопроект, позволяющий продлить срок для выхода Великобритании из ЕС и урегулирования всех связанных с этим формальностей до 31 января 2020 года [8]. Что касается самого международного договора о выходе, то Первый проект Соглашения о выходе был представлен в марте 2018 г., последняя на сегодняшний день опубликованная редакция датируется ноябрем 2018 года. [7] Однако до конца неизвестно, будет ли данное соглашение вообще заключено.

Сложности Брексита также предопределены тем фактом, что единственная сухопутная граница проходит между Ирландией и Северной Ирландией. Долгое время она была предметом споров, основанных на ее государственной принадлежности. Кроме того, в отношении этой границы имел место межконфессиональный этнополитический конфликт [3]. Все вышеупомянутые проекты соглашений о выходе среди прочего включали специальный протокол по Ирландии и Северной Ирландии. В отношении перемещения лиц через границу предполагается отсутствие пограничного контроля. Между Великобританией и Ирландией действует Общее миграционное пространство (ОМП), которое фактически существует с момента отделения Ирландии и позволяет свободно перемещаться между территориями двух стран [18].

Функционирование ОМП Великобритании и Ирландии также было подтверждено правом ЕС. Амстердамский договор 1997 г. установил, что эти страны не входят в Шенгенскую систему открытых границ [16, р. 293]. Кроме того, особые отношения между ними в миграционной сфере были закреплены в спе-

циальном Протоколе к Амстердамскому договору, который установил, что оба государства могут «продолжать принимать меры между собой, касающиеся передвижения физических лиц между их территориями (Общее миграционное пространство)» [17]. В настоящее время положения, касающиеся ОМП закреплены в Протоколе № 20 «О применении некоторых аспектов статьи 26 Договора о функционировании Европейского Союза к Соединенному Королевству и Ирландии» к Договору о функционировании Европейского Союза [13].

Вопрос ОМП изначально являлся одним из приоритетных для правительств двух стран. Так, проблема сохранения ОМП была включена в План по выходу из ЕС, зафиксированный в специальной Белой книге [20]. В дополнение к договоренностям с ЕС 8 мая 2019 г. Правительства Великобритании и Ирландии подписали Меморандум о взаимопонимании, подтверждающий их приверженность существованию и развитию ОМП [15].

Важнейшее значение имеет реализация положений Англо-ирландского Белфастского соглашения 1998 г. (Соглашения Страстной Пятницы) [19], которое установило мир в Северной Ирландии, прекратило конфликт в этом регионе. Протокол также подтверждал сохранение его реализации. Механизмы, установленные Соглашением, касаются самого широкого спектра вопросов: общих органов управления, единого рынка электроэнергии, так называемого сотрудничества Севера и Юга в сферах охраны окружающей среды, здравоохранения, сельского хозяйства, транспорта, образования и туризма, рыболовства, юстиции и безопасности и т. д. [3]

Изначально Белфастское соглашение было заключено при посредничестве ЕС. Роль ЕС в процессе урегулирования североирландского конфликта сложно переоценить. Поэтому изначально высказывались опасения относительно Брекзита, поскольку он может стать ударом по миру в Северной Ирландии [5; 12]. Включение положений по Северной Ирландии в проект Договора о выходе, конечно же, является гарантией стабильности в регионе. Хотя это только начало, и проблема далека от окончательного решения.

Выводы

В целом Брекзит станет процессом апробации совершенно новых механизмов и процедур, которые окажут значительное влияние как на международно-правовом, так и внутригосударственном уровнях. На сегодняшний день Брекзит является в большей степени политическим процессом, нежели правовым. Он требует тщательного юридического обеспечения в виде заключения Соглашения о выходе и непосредственно затрагивает права и свободы граждан с обеих сторон.

Процесс выхода Великобритании из ЕС породил ряд международно-правовых и национально-правовых вопросов и последствий, отразившись как на функционировании самого Союза, так и в отношении будущих вопросов взаимоотношений Соединенного Королевства с ЕС и отдельными государствами-членами. Кроме того, без надлежаще оформленного договора Брекзит, как видится, может стать угрозой не только для экономической сферы будущих отношений, но и для мира и безопасности в регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Брекзит (Britain + exit (англ. – выход)) – термин, который используется для сокращенного обозначения выхода Великобритании из состава ЕС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 года. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 09.08.2019). – Загл. с экрана.
2. Галушко, Д. В. Вступление Ирландии в Европейские сообщества / Д. В. Галушко // Московский журнал международного права. – 2006. – № 2. – С. 216–226.
3. Галушко, Д. В. Историко-правовые аспекты конфликта в Северной Ирландии / Д. В. Галушко // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2018. – № 1. – С. 73–80.
4. Accession Criteria (Copenhagen Criteria). – Electronic text data. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/accession_criteria_

copenhagen.html?locale=en (date of access: 09.08.2019). – Title from screen.

5. Cauvet, P. Theresa May's Government and the Northern Ireland Issue : Brexit as the end of the consociational and postnational illusions / P. Cauvet // *Observatoire de la société britannique*. – 2018. – № 21-1. – P. 103–121.

6. Consolidated version of the Treaty on European Union. – Electronic text data. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016M/TXT> (date of access: 09.08.2019). – Title from screen.

7. Draft Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community, as agreed at negotiators' level on 14 November 2018. – Electronic text data. – Mode of access: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/draft_withdrawal_agreement_0.pdf (date of access: 09.08.2019). – Title from screen.

8. European Union (Withdrawal) Bill. – Electronic text data. – Mode of access: <https://publications.parliament.uk/pa/bills/lbill/2017-2019/0202/18202.pdf> (date of access: 09.08.2019). – Title from screen.

9. Hillion, C. Accession and withdrawal in the law of the European Union / C. Hillion // *The Oxford Handbook of European Union Law*. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – P. 126–152.

10. Lazowski, A. Withdrawal from the European Union and alternatives to membership / A. Lazowski // *European Law Review*. – 2012. – № 37 (5). – P. 523–540.

11. Legislating for the United Kingdom's withdrawal from the European Union. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/the-repeal-bill-white-paper/legislating-for-the-united-kingdoms-withdrawal-from-the-european-union> (date of access: 09.08.2019). – Title from screen.

12. McCrudden, C. The Good Friday Agreement, Brexit, and Right (A Royal Irish Academy – British Academy Brexit Briefing) / C. McCrudden. – Dublin ; London : Royal Irish Academy : British Academy, 2017. – 15 p.

13. McGuinness, T. The Common Travel Area, and the Special Status of Irish Citizens in UK Law / T. McGuinness, M. Gower. – Electronic text data. – Mode of access: URL: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/CBP-7661> (date of access: 20.03.2019).

14. Meehan, E. Free Movement between Ireland and the UK: From the «Common Travel Area» to the Common Travel Area / E. Meehan. – Dublin : Policy Institute, 2000. – 112 p.

15. Memorandum of Understanding between the UK and Ireland on the Common Travel Area. – Electronic text data. – Mode of access: [https://www.gov.uk/government/publications/memorandum-](https://www.gov.uk/government/publications/memorandum-of-understanding-between-the-uk-and-ireland-on-the-common-travel-area)

[of-understanding-between-the-uk-and-ireland-on-the-common-travel-area](https://www.gov.uk/government/publications/memorandum-of-understanding-between-the-uk-and-ireland-on-the-common-travel-area) (date of access: 09.09.2019). – Title from screen.

16. O'Keeffe D. Legal Issues of the Amsterdam Treaty / D. O'Keeffe, P. Twomey. – Oxford : Hart, 1999. – 425 p.

17. Protocol on the application of certain aspects of Article 7a of the Treaty establishing the European Community to the United Kingdom and to Ireland. – Electronic text data. – Mode of access: <http://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf> (date of access: 09.08.2019). – Title from screen.

18. Results and turnout at the EU referendum. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.electoralcommission.org.uk/who-we-are-and-what-we-do/elections-and-referendums/past-elections-and-referendums/eu-referendum/results-and-turnout-eu-referendum> (date of access: 09.08.2019). – Title from screen.

19. The Belfast Agreement. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/the-belfast-agreement> (date of access: 09.08.2019). – Title from screen.

20. The United Kingdom's exit from and new partnership with the European Union. – Electronic text data. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/589191/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Web.pdf (date of access: 09.08.2019). – Title from screen.

21. Wyrozumsk, A. Article 50: Voluntary withdrawal from the Union / A. Wyrozumsk // *The Treaty on the European Union (TEU): a commentary*. – Berlin ; Heidelberg : Springer-Verlag, 2013. – P. 1384–1418.

REFERENCES

1. *Venskaya konventsiya o prave mezhdunarodnykh dogovorov. Prinyata 23 maya 1969 goda* [Vienna Convention on the Law of Treaties. Adopted on 23 May 1969]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (accessed 9 August 2019).

2. Galushko D.V. Vstuplenie Irlandii v Evropeyskie soobshchestva [Accession of Ireland to the European Communities]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2006, no. 2, pp. 216–226.

3. Galushko D.V. Istoriko-pravovye aspekty konflikta v Severnoy Irlandii [Historical and Legal Aspects of the Conflict in Northern Ireland]. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs* [Historical-Legal Problems: the New Viewpoint], 2018, no. 1, pp. 73–80.

4. *Accession Criteria (Copenhagen Criteria)*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/summary/glossary/>

accession_criteria_copenhagen.html?locale=en (accessed 9 August 2019).

5. Cauvet P. Theresa May's Government and the Northern Ireland Issue : Brexit As the End of the Consociational and Postnational Illusions. *Observatoire de la Société Britannique*, 2018, no. 21-1, pp. 103-121.

6. *Consolidated Version of the Treaty on European Union*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016M/TXT> (accessed 9 August 2019).

7. *Draft Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community, as agreed at negotiators' level on 14 November 2018*. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/draft_withdrawal_agreement_0.pdf (Accessed 9 August 2019).

8. *European Union (Withdrawal) Bill*. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/bills/lbill/2017-2019/0202/18202.pdf> (accessed 9 August 2019).

9. Hillion C. Accession and Withdrawal in the Law of the European Union. *The Oxford Handbook of European Union Law*. Oxford, Oxford University Press, 2015, pp. 126-152.

10. Lazowski A. Withdrawal from the European Union and Alternatives to Membership. *European Law Review*, 2012, no. 37 (5), pp. 523-540.

11. *Legislating for the United Kingdom's withdrawal from the European Union*. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-repeal-bill-white-paper/legislating-for-the-united-kingdoms-withdrawal-from-the-european-union> (accessed 9 August 2019).

12. McCrudden C. *The Good Friday Agreement, Brexit, and Rights. (A Royal Irish Academy – British Academy Brexit Briefing)*. Dublin; London, Royal Irish Academy; British Academy, 2017. 15 p.

13. McGuinness T., Gower M. *The Common Travel Area, and the Special Status of Irish Citizens in UK*

Law. URL: <https://researchbriefings.parliament.uk/ResearchBriefing/Summary/CBP-7661> (accessed 20 March 2019).

14. Meehan E. *Free Movement Between Ireland and the UK: From the «Common Travel Area» to the Common Travel Area*. Dublin, Policy Institute, 2000. 112 p.

15. *Memorandum of Understanding Between the UK and Ireland on the Common Travel Area*. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/memorandum-of-understanding-between-the-uk-and-ireland-on-the-cta> (accessed 9 August 2019).

16. O'Keeffe D., Twomey P. *Legal Issues of the Amsterdam Treaty*. Oxford, Hart, 1999. 425 p.

17. *Protocol on the Application of Certain Aspects of Article 7a of the Treaty Establishing the European Community to the United Kingdom and to Ireland*. URL: <http://www.europarl.europa.eu/topics/treaty/pdf/amst-en.pdf> (accessed 9 August 2019).

18. *Results and Turnout at the EU Referendum*. URL: <https://www.electoralcommission.org.uk/who-we-are-and-what-we-do/elections-and-referendums/past-elections-and-referendums/eu-referendum/results-and-turnout-eu-referendum> (accessed 9 August 2019).

19. *The Belfast Agreement*. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-belfast-agreement> (accessed 9 August 2019).

20. *The United Kingdom's Exit from and New Partnership with the European Union*. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/589191/The_United_Kingdoms_exit_from_and_partnership_with_the_EU_Web.pdf (accessed 9 August 2019).

21. Wyrozumska A. Article 50: Voluntary withdrawal from the Union. *The Treaty on the European Union (TEU): A Commentary*. Berlin; Heidelberg, Springer-Verlag, 2013, pp. 1384-1418.

Information about the Author

Dmitriy V. Galushko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of International and Eurasian Law, Voronezh State University, Lenina Sq., 10A, Bld. 9, 394018 Voronezh, Russian Federation, galushkodv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9301-9565>

Информация об авторе

Дмитрий Вячеславович Галушко, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и евразийского права, Воронежский государственный университет, пл. Ленина, 10а, корп. 9, 394018 г. Воронеж, Российская Федерация, galushkodv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9301-9565>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.20>

UDC 341.01
LBC 67.91

Submitted: 07.09.2019
Accepted: 03.10.2019

THE METHODOLOGY OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH AND THE SCIENCE OF INTERNATIONAL LAW

Emil A. Karakulyan

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: interdisciplinarity comes in two forms: as a tool in relation to the subject of research and as a methodology of interdisciplinarity. The question of the need to develop a general theory of interdisciplinarity and the theoretical basis for its application in the science of international law is raised. **Methods:** historicism, system, analysis and comparative law. **Results:** an attempt to systematize the interdisciplinary methods and approaches, examples of interdisciplinarity in the development of new systemic and author's approaches and terms within the framework of international legal studies. **Conclusions:** the essential connection between the issues of interdisciplinarity and the grounds of scientific novelty, which are important in terms of specific relationship between the theory of international law and its subject, is established.

Key words: theory of interdisciplinarity, science of international law, theory of integration, professional competence, problems of higher education.

Citation. Karakulyan E.A. The Methodology of Interdisciplinary Research and the Science of International Law. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 146-152. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.20>

УДК 341.01
ББК 67.91

Дата поступления статьи: 07.09.2019
Дата принятия статьи: 03.10.2019

МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И НАУКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Эмиль Альбертович Каракулян

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Введение: известно, что междисциплинарность выступает в двух формах: как инструмент в отношении предмета исследования и методология междисциплинарности. В статье ставится вопрос о необходимости развития общей теории междисциплинарности и теоретических основаниях ее применения в рамках науки международного права. **Методы:** в исследовании использованы общенаучные методы историзма, системности, анализа, а также сравнительно-правовой метод. **Результаты:** предпринята попытка систематизации междисциплинарных методов и подходов, рассмотрены примеры междисциплинарности в сфере выработки новых системных и авторских подходов и терминов в рамках международно-правовых исследований. **Выводы:** установлена сущностная связь между вопросами междисциплинарности и основаниями научной новизны, важных с точки зрения специфических отношений между теорией международного права и ее предметом.

Ключевые слова: теория междисциплинарности, наука международного права, теория интеграции, профессиональные компетенции, проблемы высшего образования.

Цитирование. Каракулян Э. А. Методология междисциплинарных исследований и наука международного права // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 146–152. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.20>

Введение

Понятие «междисциплинарность» используется в различных значениях и контекстах, главным образом в практическом и теоретическом отношении: а) инструмент в отношении предмета самого исследования; б) методология междисциплинарности. В первом случае мы смотрим на то, каким образом могут быть задействованы междисциплинарные подходы; в рамках одной тематики происходит выбор среди множества междисциплинарных подходов. Во втором речь идет о систематизации представлений относительно возможных структур междисциплинарных взаимодействий, характерных для исследований различной тематики, но имеющих общий междисциплинарный характер. Иными словами, мы сталкиваемся либо с практикой применения данного метода в конкретной работе, либо с теорией его применения в историческом, актуальном или перспективном преломлении. При этом исследователь должен решать, прямо или косвенно, вопросы связанные с методологией междисциплинарности.

Краткий обзор основных позиций в истории и теории междисциплинарности

В истории доктрин чем крупнее автор, тем явственнее его приверженность к междисциплинарному видению. Классические теоретики ставили основные вопросы, охватывающие многие (если не все) сферы жизни и мысли. Сознание древних было преимущественно синкретичным, и научное мышление, возникшее в процессе постепенного отдаления от начальной слитности знаний в сторону большей специализированности, но дистанцировавшееся от него не сразу. Долгое время оно сохраняло память о нем, хотя и формировалось в ситуации определенной полемики между научным и мифологическим сознанием. Сократ и ссылается на мифы, и критикует их. Платон в какой-то степени сам стремится к созданию новых мифов, реагируя на постсинкретический распад некогда единых знаний. При этом вслед за мифологическим мировоззрением возникало не столько науч-

ное, сколько философское или метафизическое видение мира (если следовать периодизации эволюции знаний, предложенной О. Контом [5, с. 54]).

В эпоху Просвещения и Нового времени появляются современные представления о научности, основанной на опыте, эксперименте и соответствующих методах, то есть на так называемых «положительных знаниях». Одновременно работа ведется в направлении суммирования знаний не только в качестве обобщений в предметной сфере, но и в форме составления классификаций и энциклопедий. Формируются, сосуществуют и переплетаются два синхронных направления: наука ведет в сторону предметной специализации, а философия – универсализации знаний, когда выстраиваются определенные иерархии знаний и форм сознания и выводится общий концептуальный знаменатель для определенного множества или множеств знаний. Например, *идея* для Платона, *поэтика* для Дж. Вико («поэтической метафизике», а также логике, морали, праве, экономике, астрономии, физике и др.); *диалектика* и философия в отношении права, морали, государства для Г.Ф. Гегеля; *история* для К. Маркса; *общество* для О. Конта и др. Такие концептуальные знаменатели создавали общую матрицу соответствующей теории, ее предмет и главенствующий метод. Философия стремилась объяснить мир «посредством какого-нибудь универсального принципа» [1, с. 111].

К началу XX в., после первого периода позитивистских дифференциаций и специализаций, стала осознаваться необходимость объединения и переработки знаний. А.А. Богданов в рамках «универсальной организационной науки» предложил специфическую концепцию синтеза знаний, которую ныне относят к предтече новейших исследований в области теории систем, кибернетики. Новая «постановка вопроса... в полной мере универсальна», охватывает «и практические, и теоретические методы, и сознательные человеческие, и стихийные методы природы. <...> вне такой интегральной постановки вопроса его решение невозможно, ибо часть, вырванная из целого, не может быть сделана целым или быть понята помимо цело-

го» [1, с. 112]. Однако в действительности XX в. стал периодом дальнейшего дробления и специализации знаний, связанных с развитием прикладного позитивизма, различных направлений и ответвлений в рамках неопозитивизма.

Междисциплинарность в рамках современных правовых исследований

Говоря о междисциплинарности, стоит отметить, что речь идет не столько о синтезе знаний, сколько о построении отдельных междисциплинарных связей. В рамках юриспруденции обращение к междисциплинарности обосновывается необходимостью выхода за строгие рамки правовой догматики [7].

Реализация междисциплинарности ведет к появлению так называемых «бинарных юридических дисциплин», «специальных юридических наук, предметное поле которых состоит из двух и более наук» (криминология, криминалистика, право социального обеспечения), заимствованию из смежных дисциплин «категориального ряда, концепций и методов», когда «методам проведения юридических исследований внимание вообще не уделяется» [7]. Происходит «формирование специальных дисциплин междисциплинарного характера (история права, философия права, социология права, юридическая политология, правовая кибернетика, юридическая антропология, юридическая логика, правовая статистика, юридическая лингвистика и т. д.)». Наблюдается процесс «формирования новых полей междисциплинарности, в которых представления о материнских отраслях знаний полностью размывается (“гибридные” отрасли исследования: гендерные исследования, исследования городской среды, исследования преступности)» [7]. Они имеют значимость по доминантной технике исследования или по специфике предметного поля [7].

Исследователи отмечают, что новая междисциплинарная парадигма должна включать «социальные отношения и различие между экономическим обменом, моральными обязательствами и правовой системой» [7]. Отсюда право понимается либо как система «ожиданий поведения других агентов», либо как «основание социального порядка». Отме-

чается, что «степень действенности закона необходимо обсуждать не только с позиций междисциплинарного описания и объяснения, но также с учетом ее взаимосвязи и взаимозависимости с юридическим межотраслевым измерением и результативностью» [3, с. 108].

Междисциплинарность через нестандартный объект исследования ведет к «интенсивному размыванию традиционного поля» науки, а дифференциация знаний – к ситуации потери взаимопонимания. Создается «угроза существованию истории как отдельной, самостоятельной дисциплины» [10]. Подобную аналогию можно представить в правовых исследованиях, а равно и возможные опасения по этому поводу.

С другой стороны, необходимо отметить «малый эффект междисциплинарности», то есть «механическое соединение методов разных наук», «эффект описательности». «Принцип междисциплинарности нередко только декларируется, а не применяется на практике» [10, с. 103]. Высказываются опасения относительно «методологического эклектизма»: «Невозможно достичь удовлетворительного понимания общественной жизни или эффективно воздействовать на нее, если не располагаешь синтетической картиной, позволяющей ввести в единые рамки результаты, полученные в самых различных областях» [6, с. 22].

Иными словами, междисциплинарность используется либо слабо, либо без соответствующей методологической рефлексии, угрожает предметному полю традиционных дисциплин, создает новые предметные поля без четко очерченных границ. Проблема такова: с одной стороны, она должна следовать за дисциплинарностью, а соединение разных дисциплин – быть не механическим и эклектичным; с другой – исследование должно быть выдержанно в собственных предметно-методологических рамках, чтобы иметь выходы на определенные результаты. Как представляется, следует говорить не только о соединении дисциплин, но и о разных сторонах последних в их взаимосвязи. Это может послужить предпосылкой органичности и снятия опасности в отношении предметно-методологической чистоты исследования, поскольку данный синтез будет происходить на основе внутренних соответствий отдельных сторон

категориального аппарата, логических операций, методик и методов.

Например, понятие «системы» в историческом плане трансформируется в понятие «процесс, ведущий к созданию системы», «процесс *систематизации*»; аналогично «конституция» – «процесс, ведущий к созданию конституционных структур, *конституциализация*» [13], «согласование волей» – «процесс *гармонизации*», а «процесс формирования субъекта» – «процесс *персонализации*» (от фр. *personnalité* – юридическое лицо). Поэтому подобные смыслы в процессуальном измерении можно смело, но теоретически ответственно, переносить из одной сферы в другую, в данном случае – из сферы внутреннего права в сферу международного в той степени, в какой может быть обнаружено сходство между законами развития социумов разных уровней.

Любая система права, сама отличительность правовых систем зависят преимущественно от способа юридизации социальной жизни, поскольку последняя – есть объект для регулирования со стороны правовых механизмов. Характер данной системе, то есть отличительность, задает именно соответствующий ей способ юридизации социальной сферы. В этом смысле процессы (помимо специфических) могут быть общими для разных социумов, а конкретная механика их протекания, превращающая социальную сферу в правовую – качественно различной. В каждой правовой системе есть собственные субъекты и их статусы, распределение последних по роли и месту, а также нормы и иерархия норм: по отношению и к внутреннему, и к международному правам можно говорить, что на определенном уровне обобщений наблюдается сходство процессов субъектообразования (персонализации) и конституциализации, в то время как механизм нормообразования различен. При этом следует отличать процесс превращения социальной сферы в правовую, зависящий от целой совокупности факторов, в широком смысле и процесс, замыкающийся на механике нормообразования, действия норм и санкций за их нарушение, в узком.

Приведем другой пример: в рамках интеграционных исследований, в силу интегра-

ционности самого предмета, происходит сочетание самых различных методов анализа, основными из которых являются системный и процессуальный, а также находящийся на пересечении первых двух метод идентификации [4, с. 25]. Данная форма междисциплинарности частично может быть использована при рассмотрении любого типа объединительных процессов – на уровне людей, государств, обществ и др., поскольку интеграция как предмет – есть событие интегрального построения, для которого в любом измерении необходимо использование интегральных методов.

Таким образом, характер предмета определяет характер метода («с чего начинается самый материал, должна была бы разумно начинаться и... наука» [2, с. 401]): междисциплинарный предмет влечет за собой появление междисциплинарного метода, интеграционный характер предмета – интегральный метод. Следовательно, существует нечто общее между теорией интеграции государств и собственно методологией междисциплинарности и, если шире, теорией интеграции знаний. Это означает, что помимо изначальных структур, в основе которых находятся государственные образования и институты, существуют вертикальные и горизонтальные отношения и структуры – межгосударственные и надгосударственные, аналогично в сфере дисциплин – междисциплинарные и наддисциплинарные. С появлением компонента «над» возникают дополнительные теоретические проблемы, так как при движении от нижних этажей к верхним возможны необратимые изменения, когда части растворяются и исчезают в целом. Решение этих вопросов связано с тем, как мы понимаем суть *интеграционности*. Если интеграция – это «движение к целому», то ее теория не мыслима без основных представлений и знаний по философии и диалектики целого с их законами и особенностями. В связи с этим смысл интеграции уже не представляет собой простой союз (ассоциацию), простое слияние (ассимиляцию), или характер конгломеративного образования. Более того, интеграционный процесс и предмет существуют лишь до тех пор, пока сохраняются различия между основными элементами, что предполагает вертикальную и горизонтальную дифференциацию: различия между структурами

и уровнями их отношений – отношений типа «*интер*» и «*над*». В этом смысле слияние в единое построение может рассматриваться как результат и завершение процесса интеграции, а в рамках целого или движения к нему можно констатировать о множестве единств, то есть систем, подсистем и механизмов функционирования.

Цели и стратегии системы образования

Специалисты утверждают, что с одной стороны, «возрастает потребность в людях, обладающих нестандартным мышлением, ориентированных на творческую инициативу, конкурентоспособность, мобильность, свободное развитие», делается акцент на «системную целостность качеств (компетенций)», с другой – ФГОС третьего поколения, ориентирован «на компетентный подход, который сегодня находится в духе тренда исследования прикладного аспекта образования применительно к запросам экономики и общества». В исследованиях отмечается, что «когитарно-предметное содержание образования дополняется надпредметным содержанием» [8, с. 7], но каким образом это происходит, не раскрывается. Возникает вопрос: как соотносится «*надпредметное содержание*» (то есть знание интегрального типа) с функциональными и специализированными по своему характеру «запросами экономики и общества»? В этом обнаруживается оппозиция между характерами узкого специалиста и адепта интегральных знаний, сущностное противостояние которых скрывается, умалчивается или просто декларируется обратное.

Социальное предназначение системы образования не должно заключаться в предоставлении услуг и производстве предметных (узкопредметных) специалистов. Именно стратегийно-ценностное, а не конъюктурно-прикладное значение образования может вести к формированию интегральных знаний или творчески ориентируемых специалистов. Каким бы ни был конкретный способ междисциплинарности (от *аналогии*, *метода исторической синхронии*, *биографического метода*, до так называемого *метода символично-событийного сквозного анализа*), творчески ориентиру-

емый синтез знаний сопряжен с разработкой авторского видения. Это предполагает сочетание явных и неявных знаний [9, с. 209], альтернативных или экспериментальных способов анализа, подходов и позиций, необходимых для развития научных школ. Последнее в свою очередь касается вопроса как о социальном статусе научного работника, находящегося либо в условиях стабильности и преемственности, либо в ситуациях прекарности [11, с. 106], так и о допустимой степени *научеёмкости* авторских курсов в образовательном процессе.

Междисциплинарный метод должен быть предметным (иметь свой предмет), и эта предметность – связана с расширением границ той сферы знаний, в которой разворачивается, что не может быть результатом математических или формально-логических вычислений, так как речь идет не о расширении за счет смежных отраслей, а направлений еще не охваченных теорией знаний. Естественно, результат, характеризуемый появлением нового, не может быть с точностью прогнозирован, так как зависит от множества факторов и отношений. Но любая практика или даже попытка концептуализации на грани сложившихся категорий создает условия для потенциального появления нового если не предмета, то ракурса в его отношении (хотя новое возникает в архаических формах прежде, чем быть включенным в актуальные структуры знаний и стать фактом консенсуса внутри научного сообщества).

В рамках науки международного права междисциплинарность приобретает важную особенность, будучи одним из главных факторов, создавших международное право [12]. Данный тезис о том, что наука формирует свой предмет, коррелируется с положением о международном праве, формирующем международное сообщество.

Выводы

Развитие междисциплинарных исследований в сфере науки международного права связано с решением проблемы нового, совершенствованием системы общего и специального образования. Однако это представляется необходимым как для самой науки, так и для компетентного и эффективного воздей-

ствия на ее предмет, в основе которого – регулирование международных отношений, поиск оптимальных и более упорядоченных форм международной жизни, по своей природе связанных с фундаментальными и устойчивыми структурами мирного состояния международного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов, А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2 кн. Кн. 1 / А. А. Богданов. – М. : Экономика, 1989. – 304 с.
2. Вико, Д. Основания новой науки об общей природе наций / Д. Вико. – М. ; Киев : REFL-book : ИСА, 1994. – 656 с.
3. Графский, В. Г. О междисциплинарном подходе в изучении права и законов / В. Г. Графский // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2012. – Вып. 4. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-mezhdistsiplinarnom-podhode-v-izuchenii-prava-i-zakonov> (дата обращения: 04.08.2019). – Загл. с экрана.
4. Каракулян, Э. А. Европейский неофедерализм: процесс, система, идентичность : учеб. пособие / Э. А. Каракулян. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2003. – 208 с.
5. Конт, О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении) / О. Конт. – Ростов н/Д : Феникс, 2003. – 256 с.
6. Леонтьев, В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика / В. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1990. – 415 с.
7. Минькова, А. М. «Междисциплинарные исследования в юриспруденции» для слушателей программы «Междисциплинарное индивидуальное гуманитарное образование» / А. М. Минькова. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://uchebana5.ru/cont/2651216.html> (дата обращения: 04.08.2019). – Загл. с экрана.
8. Покровская, Е. М. Междисциплинарные подходы в обеспечении образовательного процесса в вузе: основные тенденции, цели, задачи. Научно-педагогическое обозрение / Е. М. Покровская, М. Ю. Раитина, О. В. Горских. – Pedagogical Review. – 2014. – № 2 (4). – С. 7–13.
9. Современная западная философия : словарь / сост.: В. С. Малахов, В. П. Филатов. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1991. – 414 с.
10. Теория и методология истории : учеб. и практикум для академ. бакалавриата / А. И. Филюшкин [и др.] ; под ред. А. И. Филюшкина. – М. : Юрайт, 2016. – 323 с.

11. Тощенко, Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу : монография / Ж. Т. Тощенко. – М. : Наука, 2018. – 350 с.

12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: : <http://niv.ru/doc/dictionary/brockhaus-efron/articles/204/mezhdunarodnoe-pravo.htm> (дата обращения: 20.08.2019). – Загл. с экрана.

13. Gaudin, H. Amsterdam : l'échec de la hiérarchie des normes? / H. Gaudin // Revue trimestrielle de droit européen. – 1999. – № 35 (1). – P. 1-20.

REFERENCES

1. Bogdanov A.A. *Tektologiya: (Vseobshchaya organizatsionnaya nauka). V 2-kn.: Kn. 1* [Tectology: (General Organizational Science). In 2 books. Book 1]. Moscow, Ekonomika Publ., 1989. 304 p.
2. Viko D. *Osnovaniya novoy nauki ob obshchey prirode natsiy* [Foundations of a New Science on the Common Nature of Nations]. Moscow; Kiev, REFL-book Publ., ISA Publ., 1994. 656 p.
3. Grafskiy V.G. *O mezhdistiplinarnom podkhode v izuchenii prava i zakonov* [On an Interdisciplinary Approach to the Study of Law and Laws]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2012, iss 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/o-mezhdistsiplinarnom-podhode-v-izuchenii-prava-i-zakonov> (accessed 4 August 2019).
4. Karakulyan E.A. *Evropeyskiy neofederalizm: protsess, sistema, identichnost : ucheb. posobie* [European Neo-Federalism: Process, System, Identity. Textbook]. Nizhny Novgorod, Izd-vo NNGU, 2003. 208 p.
5. Kont O. *Dukh pozitivnoy filosofii. (Slovo o polozhitelnom myshlenii)* [The Spirit of Positive Philosophy. (A Word About Positive Thinking)]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2003. 256 p.
6. Leontyev V. *Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniya, fakty i politika* [Economic Essays. Theories, Studies, Facts and Politics]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 415 p.
7. Minkova A.M. *«Mezhdistiplinarnye issledovaniya v yurisprudentsii» dlya slushateley programy «Mezhdistiplinarnoe individualnoe gumanitarnoe obrazovanie»* [“Interdisciplinary Research in Jurisprudence” for Students of the Program “Interdisciplinary Individual Humanitarian Education”]. URL: <http://uchebana5.ru/cont/2651216.html> (accessed 4 August 2019).
8. Pokrovskaya E.M., Raitina M.Yu., Gorskiy O.V. *Mezhdistiplinarnye podkhody v obespechenii obrazovatel'nogo protsessa v vuze: osnovnyye*

tendentsii, tseli, zadachi. Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie [Interdisciplinary Approaches to Ensuring the Educational Process at the University: Main Trends, Goals, Objectives. Scientific and Pedagogical Review]. *Pedagogical Review*, 2014, no. 2 (4). pp. 7-13.

9. Malakhov V.S., Filatov V.P. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya : slovar* [Modern Western Philosophy. Dictionary]. Moscow, Izd-vo polit. litry, 1991. 414 p.

10. Filyushkin A.I. et. al. *Teoriya i metodologiya istorii: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Theory and Methodology of History. Textbook and Workshop

for Academic Undergraduate]. Moscow, Yurayt Publ., 2016. 323 p.

11. Toshchenko Zh.T. *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu : monografiya* [Precariate: from Proclass to New Class. Monograph]. Moscow, Nauka Publ., 2018. 350 p.

12. *Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/brockhaus-efron/articles/204/mezhdunarodnoe-pravo.htm>. (accessed 4 August 2019).

13. Gaudin H. Amsterdam : l'échec de la hiérarchie des normes? *Revue trimestrielle de droit européen*, 1999, no. 35 (1), pp. 1-20.

Information about the Author

Emil A. Karakulyan, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of European and International Law, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Ashkhabadskaya St., 4, 603115 Nizhny Novgorod, Russian Federation, isoforoma@yahoo.fr, keimp.c@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0761-6601>

Информация об авторе

Эмиль Альбертович Каракулян, кандидат юридических наук, доцент кафедры европейского и международного права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, ул. Ашхабадская, 4, 603115 г. Нижний Новгород, Российская Федерация, isoforoma@yahoo.fr, keimp.c@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0761-6601>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.21>

UDC 341.18
LBC 67.91

Submitted: 05.09.2019
Accepted: 01.10.2019

THE UN GLOBAL PLATFORM FOR DISASTER RISK REDUCTION AS A SPECIAL FORM OF INTERSTATE COOPERATION IMPLEMENTATION ¹

Valentine V. Lisauskaite

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: the purpose of the paper is to study the UN Global platform for disaster risk reduction as a format of the international intergovernmental conference. **Methods:** the methodological framework for the study is a set of methods of scientific knowledge, among which the main are the methods of comparison, consistency, analysis. **Results:** the UN global platform for disaster risk reduction is a global, interim event for the implementation of The Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015-2030. It takes place in the form of a multi-level forum involving various participants. Its purpose is the exchange of experience and discussion of pressing problems in the implementation of certain areas of the universal disaster risk reduction program. The author highlights both positive and negative aspects of this forum, reveals its theoretical and practical essence. **Conclusions:** the study showed that the global platform is indeed an international intergovernmental conference of an expanded format. The increased interest in the event indicates its importance, quality and effectiveness.

Key words: international cooperation on disaster protection, international conferences, the UN global platform on disaster risk reduction, disasters, protection against natural and man-made risks, international protection against disasters, the Sendai framework program.

Citation. Lisauskaite V.V. The UN Global Platform for Disaster Risk Reduction as a Special Form of Interstate Cooperation Implementation. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 153-158. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.21>

УДК 341.18
ББК 67.91

Дата поступления статьи: 05.09.2019
Дата принятия статьи: 01.10.2019

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА ООН ПО СНИЖЕНИЮ РИСКА БЕДСТВИЙ КАК ОСОБАЯ ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ¹

Валентина Влодо Лисаускайте

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Введение: целью статьи является изучение Глобальной платформы ООН по снижению риска бедствий, как формата международной межправительственной конференции. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы сравнения, системности, анализа. **Результаты:** глобальная платформа ООН по снижению риска бедствий является всемирным промежуточным мероприятием по реализации Сендайской программы действий на 2015–2030 годы. Оно проходит в виде многоуровневого форума с привлечением различных участников. Его целью выступает обмен опытом и обсуждение насущных проблем по реализации отдельных направлений универсальной программы снижения риска бедствий. Автор выделяет как позитивные, так и негативные аспекты данного форума, раскрывает его практическое значение. **Выводы:** проведенное исследование показало, что Глобальная платформа действительно представляет собой международную межправительственную конференцию расширенного формата. Повышенный интерес к мероприятию свидетельствует о его значимости, качественности и эффективности.

Ключевые слова: международное сотрудничество по защите от бедствий, Глобальная платформа ООН по снижению риска бедствий, международная защита от бедствий, Сендайская рамочная программа.

Цитирование. Лисаускайте В. В. Глобальная платформа ООН по снижению риска бедствий как особая форма реализации межгосударственного сотрудничества // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 153–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.21>

Введение

Современное мировое сообщество активно развивается. Появляются новые сферы международных отношений, их регуляторы и формы взаимодействия. Наравне с государствами, как субъекты международного права, работают и международные межправительственные организации. Как отмечают эксперты, с появлением международных организаций и их активной деятельностью, международные отношения стали стремительно развиваться, а сами организации применять свой институциональный механизм для такого развития.

Одним из способов взаимодействия всех участников глобального процесса выступает проведение различных международных конференций. Они бывают разного масштаба и видов, разной эффективности. В рамках данной статьи нас интересует формат международных конференций, проводимых под эгидой международной межправительственной организации в рамках реализации постоянной многолетней программы с привлечением как субъектов международного права, так и иных участников конкретных международных отношений.

Конференции проходят по-разному. За последние годы появились различные новые форматы международных конференций. Это, на наш взгляд, объясняется насыщенностью и сложностью современных международных отношений, их активным развитием, большим количеством участников и желанием решить взаимосвязанные вопросы. Поэтому в официальных пресс-релизах тех или иных мероприятий мы можем увидеть формулировку «международный форум».

Международные конференции как форма развития международного сотрудничества: их особенности и форматы

Международная конференция – это объединение субъектов международного права и других акторов на временной основе для дос-

тижения определенных целей посредством активного обмена информацией и принятия итоговых решений. Л.А. Лазутин дает следующее определение термина: «международные межправительственные конференции – временные коллективные органы государств-участников, созываемые для обсуждения и решения согласованных задач, имеющие определенную организационную структуру и компетенцию, закрепленные в правилах процедуры» [3, с. 366]. Исходя из данного определения, можно выявить признаки международных конференций:

1. Временный орган. Структура создается периодически и функционирует определенное количество времени, от 1 дня до нескольких недель.

2. Коллективный орган. В нем принимает участие большое количество субъектов, от нескольких государств до, в последнее время, разносторонних акторов в виде неправительственных организаций и бизнеса, общее количество которых вместе с государствами и международными организациями исчисляется в сотнях и тысячах. Здесь необходимо отметить наметившуюся тенденцию придавать международной конференции смешанный характер. Однако всегда присутствует межправительственный уровень переговоров и встреч, что позволяет сохранить политический статус мероприятия и подчеркнуть его значимость.

3. Обсуждение и решение согласованных задач. Изначально организаторы четко определяют повестку работы конференции и выделяют более конкретные вопросы, которые уже закрепляются за отдельными форматами встреч в рамках конференции (тематические круглые столы, встречи узкопрофильных специалистов и т. д.).

4. Наличие организационной структуры и компетенции. Международная межправительственная конференция может проводиться под эгидой международной организации, которая ее организует и решает все технические вопросы. Также в рамках данного признака подразумевается организационная форма работы

конференции, которая может проходить в виде: пленарного заседания, встреч на высшем уровне, заседания комитетов и рабочих групп, проведения круглых столов и т. д.

Таким образом, любая международная межправительственная конференция обладает целым рядом характерных общих признаков, раскрытие которых позволяет нам сформулировать общее представление о конференции, как форме реализации международного сотрудничества. Каждая такая конференция обладает и своей спецификой с учетом ее целей и задач, круга участников и многих других аспектов.

Международные конференции – одна из распространенных и часто эффективных форм взаимодействия. Она используется для продвижения и развития сфер международных отношений, которые находятся на стадии становления (экология), либо позволяет решить злободневные, актуальные проблемы для всего человечества (экономический кризис). Такие конференции носят именно публичный характер, то есть объединяют в первую очередь субъектов международного права (государства, международные межправительственные организации). Именно от политической воли участников международных конференций зависит дальнейшая судьба обсуждаемой сферы международных отношений. Поэтому работа международных конференций основана на инициативе их участников. Современные международные конференции реализуются в различных форматах. В основе выбранного формата лежит как субъектный состав участников, вопросы повестки самой конференции, так и желание организаторов. В последние десятилетия международные конференции приобрели сложный, многоуровневый характер. Они могут проводиться в течение длительного времени, а не 1–3 дня. Могут использоваться разные формы общения (круглый стол, переговоры, встречи, пленарные заседания и т. д.). Уже не всегда в названии мероприятия мы можем встретить сам термин «конференция». Однако это не влияет на содержательную сущность. Будь то форум или конгресс, они обладают теми же признаками международной конференции, но уже со своей спецификой.

Форум является одним из способов работы международной организации в опреде-

ленной области. Здесь «форум» схож с «конференцией». Их основная задача – объединить большое количество государств и иных участников определенных международных отношений для обсуждения проблемных вопросов, обмена опытом и определения будущих задач. Однако такой способ может, на наш взгляд, реализовываться именно в рамках постоянно действующего институционального механизма, поскольку по особенностям реализации он более сложен, чем классическая международная конференция, не привязанная к какой-либо международной организации.

Конгрессы и форумы – это вид деловых мероприятий, которые позволяют участникам обменяться идеями, получить информацию по новым направлениям деятельности в той или иной сфере, установить новые контакты и укрепить давно существующие связи с партнерами. Как правило, конгрессы и форумы проходят несколько дней, что позволяет организовать в рамках конгресса тематические секционные заседания, панельные дискуссии, обучающие семинары и круглые столы.

Многостороннее межправительственное взаимодействие по международным проблемам на основе консенсуса государств-участников доказало свою эффективность и получило дальнейшее развитие. Международные межправительственные форумы стали новым явлением в современной системе международных отношений. Они берут на себя все возрастающее количество функций по регулированию различных аспектов межгосударственных отношений на многосторонней основе [2].

Глобальная платформа по снижению риска бедствий как специфический формат международной конференции

Международная защита от бедствий является одной из сфер межгосударственного сотрудничества. Работа осуществляется и в формате различных конференций (Всемирная конференция по инженерии землетрясений; Всемирная конференция по реконструкции; Конференция раннего предупреждения о многих опасных явлениях и другие). Такие мероприятия, как правило, имеют узкую тематику и собирают специалистов в своей области.

Одной из наивысших форм таких встреч в сфере защиты от бедствий является «Глобальная платформа ООН по снижению риска бедствий» (далее – Глобальная платформа), которая официально обозначается как форум. Это всемирное мероприятие, в рамках которого могут проходить встречи различных узкопрофильных структур, а также общие мероприятия. Глобальная платформа по снижению риска бедствий – это двусторонний форум с участием многих заинтересованных сторон, созданный Генеральной Ассамблеей ООН для обзора прогресса, обмена знаниями и обсуждения последних событий и тенденций в области снижения риска бедствий [6].

Исходя из данного определения, можно сформулировать признаки Глобальной платформы:

1. Двусторонний форум. Данный критерий нигде не уточняется. Поэтому мы лишь можем предположить, что в данном случае имеется в виду двусторонний характер участников: публичные (государства, международные организации) и непубличные (неправительственные организации, общественные движения, бизнес). Глобальная платформа организовывается и проводится на основании решения ГА ООН, и, как правило, должна носить сугубо публичный характер. Однако эффективность данного мероприятия возможна только при соединении двух групп акторов.

2. Участие многих заинтересованных сторон. Возможность участия в Глобальной платформе носит открытый характер. Любой заинтересованный человек, ученый, организация или коммерческое предприятие могут пройти регистрацию и заявиться на конкретные мероприятия в рамках форума.

3. Создание ГА ООН. Как уже было отмечено ранее, ГА ООН в 2007 г. в рамках резолюции 61/98 [4] приняла решение о создании и проведении 1 раз в 2 года Глобальной платформы по снижению риска бедствий. То есть это официальное мероприятие, проводимое в рамках универсальной организации ООН в целях реализации одной из задач мирового сообщества.

4. Обзор прогресса, обмен знаниями, обсуждение последних событий и тенденций. В данном признаке отражены общие задачи мероприятия, а также формы его проведения. Предмет этих задач устанавливается в каж-

дом случае проведения непосредственно, с учетом повестки Сендайской программы действий 2015–2030 годов.

Глобальная платформа заменила Межучрежденческую целевую группу по уменьшению опасности бедствий [5] и стала регулярным глобальным форумом для информационно-пропагандистской работы, обмена информацией, координации действий и оценки достигнутых результатов на основе участия всех заинтересованных групп [1, с. 186]. Глобальная платформа стала передовым собранием инвесторов в мире, заинтересованных в снижении рисков бедствий и создании устойчивых общин и народов.

Глобальная платформа рассматривается именно как форум, поскольку имеет многоуровневую, многодневную структуру мероприятия, параллельно состоящего из различных площадок для дискуссий. Специфика выражается, как уже было отмечено, и в субъектном составе. Такая многоакторность направлена на решение поставленных вопросов с привлечением экспертов и практиков.

Рассматриваемый форум является важнейшим компонентом процесса мониторинга и реализации Сендайской рамочной программы по уменьшению опасности бедствий (2015–2030 гг.). Итоги Глобальной платформы информируют обсуждения Политического форума высокого уровня по устойчивому развитию и Саммита ООН по климату 2019 г. с точки зрения снижения риска бедствий. Эти усилия способствуют успешному осуществлению программы устойчивого развития, основанной на оценке риска до 2030 года [7].

Глобальная платформа проводится с 2007 года. За прошедший период состоялось 5 встреч, и с каждой последующей увеличивалось количество ее участников, корректировались планы дальнейшей работы, формировались новые совместные проекты. К сожалению, объем научной статьи не позволяет детально проанализировать каждую встречу. Однако мы можем обобщить достоинства и недостатки такого мероприятия как формы международного взаимодействия.

Достоинства:

– позволяет объединить в одном месте специалистов разных сфер, занимающихся защитой от бедствий;

– дает возможность обменяться опытом, рассказать о своих достижениях и проблемах, обсудить их;

– можно показать проблемы и возможности их решения на местном уровне, что имеет особое значение, поскольку другого формата для них нет;

– есть возможность неформального диалога между учеными, представителями органов власти и общественных организаций;

– международные организации и их подразделения показывают свои наработки и программы, к которым можно присоединиться;

– программа ГП обширная и разноплановая, что привлекает специалистов разного профиля;

– онлайн-инфраструктура позволяет определить свои потребности по участию и сформировать индивидуальную повестку на каждый день, что делает работу еще более результативной.

Недостатки:

– огромное количество участников делает восприятие мероприятий рассеянным. Поэтому необходимо заранее предоставлять детальную программу для целевого ее использования;

– к сожалению, не все муниципалитеты, даже участвующие в международных программах, могут принять участие и поделиться своей информацией. Возможно, следует предусмотреть онлайн-участие для формирования качественного диалога.

Выводы

Проведенный анализ позволяет констатировать, что международная межправительственная конференция является одной из форм международного взаимодействия, которая реализуется в последние десятилетия в различных форматах, с привлечением иных участников и разнонаправленной структуры реализации.

Одной из таких эффективных, по мнению многих экспертов [8; 9], международных конференций выступает Глобальная платформа ООН по снижению риска бедствий. Ее организаторы и участники прикладывают максимум усилий для получения положительного результата от таких встреч. Несмотря на

представленные выше недостатки, эффективность Глобальной платформы не вызывает сомнений.

Следует отметить, что качество рассматриваемого мероприятия в целях развития конкретных международных отношений зависит от политической инициативы самих государств и международных организаций. Так, государства должны ответственно формировать национальный механизм защиты от бедствий, привлекать общественность и бизнес к его реализации. Именно такой опыт и параллельно разработанные технологии являются предметом для обсуждения, обмена и дискуссии в рамках уже международного сотрудничества как государств, так и иных участников реализуемого международного форума Глобальная платформа ООН по снижению риска бедствий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Научная статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01091.

The reported article was funded by RFBR in the framework of scientific project no. 18-011-01091.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акимов, В. А. Глобальные и региональные приоритеты снижения риска бедствий и катастроф / В. А. Акимов, Ю. И. Соколов, И. В. Сосуков. – М. : ФГБОУ ВНИИ ГОЧС (ФУ), 2016. – 396 с.
2. Второнков, Л. Международные организации и современные международные отношения / Л. Второнков // *Международная жизнь*. – Электрон. дан. – Режим доступа: [https://interaffairs/jathor/material1951](https://interaffairs.jathor/material1951) (дата обращения: 15.07.2019). – Загл. с экрана.
3. *Международное право : учебник* / отв. ред. Г. В. Игнатенко и О. И. Тиунов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2009. – 784 с.
4. Официальный сайт Организации объединенных наций. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/61/198> (дата обращения: 15.07.2019). – Загл. с экрана.
5. Резолюция ГА ООН «Международная стратегия уменьшения опасности бедствий» 61/198 GA. – Электрон. дан. – Режим доступа URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/61/198> (дата обращения: 15.07.2019). – Загл. с экрана.

6. Управление ООН по снижению риска бедствий. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.unisdr.org/who-we-are> (дата обращения: 15.07.2019). – Загл. с экрана.

7. About Climate Diplomacy. Global Platform for Disaster Risk Reduction. – Electronic data. – Mode of access: <https://www.climate-diplomacy.org/events/global-platform-disaster-risk-reduction> (date of access: 15.07.2019).

8. Gordy, M. Disaster Risk Reduction and the Global System. Ruminations on a Way Forward / M. Gordy. – Springer, 2016. – 71 p.

9. Reflections on a Science and Technology Agenda for 21st Century Disaster Risk Reduction / A. Aitsi-Selmi [et al.] // International Journal Disaster Risk Science. – 2016. – Vol. 7. – P. 1–29. – DOI 10.1007/s13753-016-0081-x.

REFERENCES

1. Akimov V.A., Sokolov Yu.I., Sosukov I.V. *Globalnyye i regionalnyye priority snizheniya riska bedstviy i katastrof* [Global and Regional Priorities for Disaster and Disaster Risk Reduction]. Moscow, FGBOU VNII GO ChS (FU) Publ., 2016. 396 p.

2. Vtoronkov L. *Mezhdunarodnyye organizatsii i sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya* [International organizations and contemporary

international relations]. *Mezhdunarodnaya zhizn*. URL: <https://interaffairs/jathor/material1951> (Accessed 15 July 2019).

3. Ignatenko G.V., Tiunov O.I., eds. *Mezhdunarodnoye pravo: uchebnyk* [International Law: Textbook]. Moscow, Norma Publ., 2009. 784 p.

4. *Ofitsialnyy sayt Organizatsii obyedinennykh natsiy* [Official Site of United Nation]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/61/198> (Accessed 15 July 2019).

5. *Rezolyutsiya GA OON «Mezhdunarodnaya strategiya umensheniya opasnosti bedstviy» 61/198 GA* [The Resolution of GA UN “International Strategy for Disaster Reduction”]. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/61/198> (Accessed 15 July 2019).

6. *Upravleniye OON po snizheniyu riska bedstviy* [UN Office for Disaster Risk Reduction]. URL: <https://www.unisdr.org/who-we-are> (Accessed 15 July 2019).

7. About Climate Diplomacy. Global Platform for Disaster Risk Reduction. URL: <https://www.climate-diplomacy.org/events/global-platform-disaster-risk-reduction> (Accessed 15 July 2019).

8. Gordy M. *Disaster Risk Reduction and the Global System. Ruminations on a Way Forward*. Springer, 2016. 71p.

9. Aitsi-Selmi A. et al. Reflections on a Science and Technology Agenda for 21st Century Disaster Risk Reduction. *International Journal Disaster Risk Science*, 2016, vol. 7, pp. 1-29. DOI 10.1007/s13753-016-0081-x.

Information about the Author

Valentine V. Lisauskaite, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of International Law and Comparative Law, Irkutsk State University, Ulan-Batorskaya St., 10, 664082 Irkutsk, Russian Federation, vlado@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3694-9966>

Информация об авторе

Валентина Влаго Лисаускайте, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения, Юридический институт, Иркутский государственный университет, ул. Улан-Баторская, 10, 664082 г. Иркутск, Российская Федерация, vlado@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3694-9966>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.22>

UDC 341.1/.8
LBC 67.91

Submitted: 11.09.2019
Accepted: 05.10.2019

LEGAL DIMENSION OF CIVIL SOCIETY ACTIVITIES (THE SOUTH PACIFIC EXAMPLE)

Joanna Siekiera

University of Bergen, Bergen, Norway

Introduction: the significant impact of civil societies on regionalism processes worldwide should not be left. This comes from the fact that citizens are becoming increasingly aware of their rights, as well as any possible impact on their own nation or region by joint social activities. Moreover, in line with the expansion of human rights (here, we are talking about the third category, the so-called third generation of rights – social rights), citizens can participate in adoption of legal and political decisions also at the local level. They see themselves as ever-growing importance of players in regional management. The South Pacific, being relatively new region, is showing clearly the evidences of such civil social activities too. **Methods:** the methodological framework for this article is a set of methods of scientific knowledge, among which the main ones are the methods of public policy, analysis, and the formal legal method. **Results:** the article, presenting knowledge which is not enough studies in the European scientific literature will bring the legal dimensions of regionalism, as well as the actual functioning of the civil society organizations' activities. To do so, it is necessary to describe some aspect of the Pacific cooperation in its formal, as well as informal methods and paths. **Conclusions:** the role and importance of CSO, as well as their great contribution to economic, social, cultural and political development, have long been known and appreciated globally. According to the United Nations, the role of social organizations in the process of regionalism in the South Pacific is crucial and necessary.

Key words: civil society, civil organizations, CSO, Pacific, South Pacific.

Citation. Siekiera J. Legal Dimension of Civil Society Activities (The South Pacific Example). *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 159-165. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.22>

УДК 341.1/.8
ББК 67.91

Дата поступления статьи: 11.09.2019
Дата принятия статьи: 05.10.2019

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА)

Джоанна Сиекиера

Бергенский университет, г. Берген, Норвегия

Введение: гражданское общество значительно влияет на процессы регионализма во всем мире. Это связано с тем, что граждане все больше осознают свои права, а также любую возможность воздействовать совместной общественной деятельностью на регион или нацию. Более того, в связи с расширением прав человека (здесь речь идет о третьей категории, так называемом третьем поколении прав – социальных правах) они могут участвовать в принятии правовых и политических решений и на местном уровне. Граждане видят в себе постоянно растущее значение игроков в региональном управлении. Южная часть Тихого океана, будучи относительно новым регионом, также наглядно демонстрирует свидетельства такой гражданской общественной деятельности. **Методы:** методологической основой данной статьи является совокупность методов научного познания, среди которых – публичная политика, анализ и формально-правовой метод. **Результаты:** в статье представлены знания, которые недостаточно изучены в европейской научной литературе, приведены правовые аспекты регионализма, а также фактическое функционирование деятельности организаций гражданского общества. Описаны некоторые аспекты Тихоокеанского сотрудничества в его формальных, а также неформальных способах и путях развития. **Выводы:** роль и значение ОГО, а также их большой

вклад в экономическое, социальное, культурное и политическое развитие давно известны и высоко ценятся во всем мире. По мнению Организации Объединенных Наций, роль общественных организаций в процессе регионализма в южной части Тихого океана является необходимой и решающей.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданские организации, ОГО, Тихий океан, Южная часть Тихого океана.

Цитирование. Сикира Дж. Правовой аспект деятельности гражданского общества (на примере государств Южной части Тихого океана) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 159–165. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.22>

Introduction

The subject of this article is the impact of the formal regional policy of the states in the South Pacific on the processes of Pacific regionalism. Such regional cooperation in turn affects the functioning of the regional communities in its international and national significance. It has to be noted here that the immense distances between the islands of a given state does not help either in this highly complex procedure of harmonizing region. The catalogue of the regional policy methods, which are used by three international legal actors in the Pacific (independent states, dependent territories and associated states) is multifaceted and consists of both formal, legal tools, as well as non-binding soft law methods of cooperation. When it comes to the latter group, here the CSO – civil society organizations take advantage. Pacific regionalism is also characterized by a variety of umbrellas under which some entities are using it. Most importantly, we have here the global actors, like the United Nations with its regional organs ¹, intergovernmental organizations (IGO) ², intergovernmental with some characteristics of the *sui generis* institution, as well as, however to a lesser extent, non-governmental organizations (NGO) and CSOs.

The significant impact of the civil societies on regionalism processes should also be pointed out at the beginning of this article. This is due to the fact that citizens are becoming increasingly aware of their rights and their possible impact on own nation or region. Moreover, in line with the expansion of human rights (we are talking about the third category, the so-called third generation of rights ³), citizens can participate in adoption of political and legal decisions also at the local level. Finally, at the beginning of the 21st century, people see themselves as having ever-growing importance in regional management. The very term “civil society” is relatively new in both social

sciences, as well public policy. In these disciplines this term can be understood as: “Voluntary associations <...> trying to shape norms along with policies regulating public life in the social, political and economic dimensions, as well as in environmental one. Currently, the scope of management has gone beyond local matters for the benefit of the world” [4, p. 18].

CSO, becoming a new international entity has introduced the concept of “we people of the world”. Regarding regionalism, it is important to be aware that any decision-making process nowadays is being guided by private, as well as public entities, which are not anymore “state actors”. Therefore more often we can observe the huge involvement of so-called NSA – non state actors in both international relations, as well as international law as such. At their beginnings, regional communities, which had then evaluated into separated geopolitical units of regions, were created on the basis of shared values and uniqueness of the supranational society of citizens [4, p. 58]. However, CSO’s tremendous commitment was often overlooked in the debate on new regionalism [4, p. 66]. This article is a modest try to change that, as well as to bring closer the specific of the civil society in the Pacific for the European reader.

Civil society in the Pacific

The principle of good governance in public policy is also connected with the civil society activities. It has its own dimension in providing integration in the Pacific too. “Good governance – Pacific style” is an Australian government program aimed at deepening cooperation with PIC – Pacific island counties ⁴. However, it was initiated by the NGO sector cooperating with civil society partners. These two sides began to look for more effective methods of implementing legal and economic, as well as strongly needed

administrative reforms directly in the public sector. Here we can observe the standard down-rooted initiative, which was launched by the CSO, which were able to present the expected and highly detailed outcome of the state's intervention. The proposed good governance standards incorporate activities that emphasize strengthening of the position of civil society and human rights in the Pacific region. The most common and effective forms of Australian good governance are until now public consultations, relevant development subsidies and aid programs that have become an integral part of the PIC nations in the two first decades of the 21st century [17].

Activities of CSO are widely visible both at the regional organizations level, as well as in each Pacific internal policy. Very often those two spheres of policy are closely connected and affecting each other. One of the latest examples of such mutual interaction, with the additional civil society engagement, was the Fiji's politics. Pacific Island Forum (PIF) is one of the most important and numerous in the term of its membership across the Pacific Ocean. New regional policy introduced by PIF after 2009 was a waking up call of the government in Suva, capital of Fiji. After another coup d'état held by the military authorities, other Pacific states were unwilling to continue any form of cooperation with Fiji. The Fijian suspension from the rights of the full member was fortunately used as motivation by the local politicians. Democratic reforms were initiated by a regional activist and later prime minister and president, Josio Voreqe Bainimarama, commonly known as Frank Bainimarama. This widely respected and charismatic politician (*nomen omen* former commander of the coup d'état), contributed to build important position of Fiji in the region and globally. The Fijian government was one of the first across the Pacific to introduce the principle of involving civil society into the decision-making procedure. He has invited officially representatives of private sector, as well as other NSA officials to the negotiation table. Such activity, having no previous precedence, was already called by the scientist, politicians and journalist as a new type of "network diplomacy", launched in the perfect moment of the Pacific regionalism [6, p. 6-7].

Also, the most important joint military regional intervention in the Pacific was launched by the civil society. The Solomon Islands, until

1978 dependent on Great Britain, have entered the history of Pacific regionalism by conducting an unprecedented armed action on its territory. The participation of civil society in peace-building was for the first, and for the last so far, shown through the Regional Assistance Mission to the Solomon Islands (RAMSI). This local initiative was formed as an answer to the internal crisis: long years of ethnic violence, abuse of power of subsequent governments, widespread crime and a minimal economic base, which all have weakened stability of the state. The British way of exercising power, as well as the European value of so-called national state was important and therefore sanctioned by the British, but neglected by the islanders, as an imposed, colonial influence. The Solomonians could not and were in fact not able to understand its basic concept, as they were so much varied ethnically and economically. For two decades, the newly created international unit did not show any national ties, hence public policy at the regional and national level was poorly conducted. On the one hand officials and politicians were unskillful, and above all they performed their duties unlawfully, on the other hand – citizens did not grant any extend of authorization to persons exercising power on their behalf. This vicious circle led to a state of fact where police were unable to guarantee compliance with law and order, becoming part of the unlawful state system [9]. Then in 2003, Prime Minister Sir Allan Kemakeza, aware that the Solomon Islands were becoming a failed state, asked the Australian government for intervention. Australia, giving a 95% financial and military contribution, has organized a regional stabilization mission along with 14 PIC. As a result of the activities carried out under the RAMSI mission, the foundations for the long-term stability, security and prosperity of the Solomonians have been sanctioned [13]. That would not be possible without the prior reports and publicizing the poor state of the country by CSO.

Regionalism, which is very often forgotten, assumes the processes of creating a common platform, controlled by state authorities, including new IGOs, and the supranational network of CSOs, pursuing common goals, which articulate and develop a common identity – regional identity [1, p. 1001-1002]. Another factor that has been already mentioned in this article is noticeable

improve of governance due to close collaboration with the civil society groups and other NSAs which are essentially interested in developing Pacific islanders' living conditions [2, p. 46-47.]. It has to be underlined that those civil society networks function everyday among the inhabitants of islands, in the suburbs, remotest villages, as well as big capital cities. They are therefore the most informed, having information, analysis and data hard to get by the officials working in the parliament on the daily basis. Such social groups, jointly called CSO, are also organizations of private investors, scientists or expert groups, as well as religious associations, mainly associated with different churches, which in fact possess causative power for deeper (that is closer to people) and binding (explaining and justifying) harmonization of the Pacific region. Here the comment is needed, as the national values of the Pacific peoples, as well as Australians and New Zealanders, arise from the Anglo-Saxon mentality combined with the Protestant denomination that mandate the help for the weak, as well as obligatory wealth sharing [8, p. 224].

Formalization of civil society activities

A characteristic feature of young Pacific regionalism is the high participation and governmental support, in both financial and structural terms, of CSOs. The involvement of the civil structures in the complex process of the regional is launched mutually on both national and local levels. Therefore, as It was already mentioned, the activities of CSO affect each other, despite of their internal or external cause. development of prosperity at the national level, but also of the entire united region. The Pacific Regional Non-Governmental Organizations Alliance (PRNGO Alliance) is a grouping of 14 regional NGOs, having members' networks located in 10 PIC [12]. Along with the Alliance, over 37 groups operating within the NSA and CSO conducted social consultations and analyzes of the current and required legal situation in the Pacific. Their joint work is available in the document called the Pacific Plan [15]. This non-binding political declaration is a prospect for the new millennium signed in 2007 by the PIF members. Here we can observe the strong importance of a multi-actor and multi-sector network of regional intergovernmental agencies,

which had based their prognosis on on links with churches, NGOs and CSOs.

In many cases, those were CSO that initiated dialogue and led to effective resolution of regional issues in the Pacific. The vivid illustrations of this state of affairs could be the activity of the Nuclear Free and Independent Pacific movement in raising public awareness regarding the effects of nuclear tests in the 1970s. That is turn led to signing the Treaty of Rarotonga (South Pacific Nuclear Free Zone Treaty from 6 August 1985). Subsequently, the Pacific women's organizations managed to publicize the issue of gender equality, talking out loud about domestic violence and sexual abuse at home and workplace [16]. Those questions were previously taboo, and no government in the Pacific, composed mainly by men, were willing to touch upon them. Finally, women's unions and church institutions were also active long before the peacekeeping intervention in conflicts in New Caledonia, Bougainville (autonomous province in Papua New Guinea, PNG) and the Solomon Islands. However, it was only after several decades that government representatives and private sponsors began to support social initiatives not only through political statements, but also through specific, permanent and cost-effective regional mechanisms [6, p. 65-66].

The role and importance of CSO, as well as their great contribution to economic, social, cultural and political development, have long been known and appreciated globally. According to the United Nations Development Program, the role of social organizations in the process of regionalism is to fulfill three functions. The first function is to provide basic public services such as elementary education, healthcare, drinking water supply and sanitation, as well as to facilitate participation of local communities in budget planning. The second function is to defend human and citizen rights of the island nations. Finally, the third function is to provide special protection to marginalized social groups by providing them advisory services and legal support [6, p. 66-67].

In recent years, there can be observed increase in the number and diversity of NSA, NGO and CSO across the Pacific basin. These institutions are gradually more taking on the role of associate members, observers or dialogue partners in formal IGOs, which was originally reserved only for the sovereign states. This does

demonstrate the new architecture of international relations in the South Pacific, where decision-making processes are no longer determined by a strict group of PIC, but institutions are finally using soft law instruments launched by CSO. Interestingly, also territorial units aspiring to the group of independent states rely strongly on international support and recognition from NGOs. We are talking primarily about New Caledonia, West Papua in Indonesia, Bougainville, Tahiti belonging to French Polynesia, as well as to a lesser extent (yet) the American state of Hawaii. These entities see in the activities of the NSA and CSO quick, cheap and very effective help in publicizing their right to self-determination, and then promoting their recognition as future states on the international forum.

What is characteristic, but also defective, for regionalism in the Pacific, is the fact that integration initiatives are initiated not by all or at least a large part of PIC or their CSO, but above all by Australia or New Zealand. Because of the controversy expressed by civil society organizations, the Pacific politicians and decision makers accuse the governments in Canberra and Wellington of exploiting island states through expanding their sales markets [10]. This only confirms the thesis that the primary and still valid reason for regional cooperation in the Pacific Ocean are financial issues, not political and humanitarian development. Cost-effectiveness, or rather “unprofitability” as most island microstates perceived it, of initiation and subsequent completion of regionalism projects fundamentally affects passivity in the implementation of regional policy. In turn, the governments in Canberra and Wellington see in their high, unrivaled activity an opportunity to acquire potential capital bases. These bases are still susceptible to control or even strong external influences from the Pacific Rim states, like China, Russia and the USA. Another shortcoming explaining the negligible down rooted initiatives in the South Pacific is the lack of unity of general regional interests and mutual long-term development strategy, as well as conflicts for leadership in three subregions (Polynesia, Micronesia and Melanesia) [7, p. 469].

Finally, in 2013, there came an urgent necessity to amend the Pacific Plan, document signed by the PIG member states. Unsurprisingly, also this time CSO were asked to help out. The

civil consultations were introduced by PNG Prime Minister, widely respected Pacific leader Mekere Morauta. In his work, eventually amounted to two volumes of text, he was using social consultations with CSO, NGO representatives, universities, regional agencies, as well as strategic partners and private development institutions [11, p. 10]. In his report he stated that over the years, since the adoption of the Plan, the Pacific region had undergone significant evolution, while approach to regionalism had also changed [11, p. 44]. Mekere Morauta also suggested institutional and substantive changes in the further functioning of the Plan by proposing creation of a new framework for regional cooperation that would meet the political principles of regionalism in international dialogue, where CSO had to have their own and permanent place. It was the beginning of creation of a new strategic plan in 2014, which was called the Framework for Pacific Regionalism [5].

The full implementation of the Framework, which has replaced the Pacific Plan, must be done with support, dedication and awareness of the islanders. Hence, PIF members constantly seek support and actual help in CSO, private sector, regional IGOs, media and development partners. Organization’s values, such as respect for integrity of the ocean and island resources, diversity and heritage of the Pacific people, good governance, compliance with democratic standards of governance, rule of law, promotion of human rights, equality of the Pacific population and finally open intra-regional relations are to contribute to achieving the new goals of PIF. It all cannot be successful accomplished without the soft power of civil society [5].

Finally, the latest IGO, Pacific Island Development Forum (PIDF), established in 2015, is open not only to the sovereign states, but its constituting treaty enumerates the possible membership. In its article 7, the Charter of the Pacific Islands Development [3]. Thus, the membership is open to the Pacific islands, as well as any Pacific organizations willing and being able to fulfill the rights and obligations arising from the PIDF membership. Besides 17 founding countries, there are two regional organizations: the Pacific Islands Association of Non-Governmental Organizations and the Pacific Islands Private Sector Organization. Without going into details, the PIDF Charter is often called as the Pacific

constitution, as some hope was given since establishment of this IGO [14, p. 317-328].

Conclusion

The article has presented significant impact of civil societies on regionalism processes in the South Pacific, between the states and other non sovereign entities in Oceania. Citizens across the globe are becoming more aware of their rights, as well as gain political and legal impact on own nation or region. As it was describes, citizens participate in adoption of regional norms both at the internal and external, regional level. They see themselves as ever-growing importance of players in regional management, but more importantly, they are asked to join the formal IGO consultations for the good of the whole community. The South Pacific, being relatively new region, is showing clearly the evidences of such civil social activities. too. The Pacific cooperation is varied, as the region itself is diverse. Therefore CSO use both formal, binding methods of hard law, like treaties, membership in intergovernmental organizations, as well as informal, soft law paths. It can be said that the role and importance of CSO, as well as their great contribution to economic, social, cultural and political development is crucial and necessary. Very often politicians and decision-makers would not be able to achieve their goal of regionalism, without valuable, detailed and actual information gathered by the civil social organizations.

FOOTNOTES

¹ United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP), amounted to 62 members, is the most comprehensive regional agency in the UN family.

² The institutional basis of regionalism in the South Pacific is indeed the activity of intergovernmental international organizations. According to the author's own calculations, there are over 30 regional organizations and 15 or so informal regional forums in the Pacific basin. What is important here is the fact that any Pacific organizations very often change their names quite, which impact in turn the status' scope of territorial membership and activity. It was in the case of the Pacific Regional Environment Program which was renamed from

the South Pacific Regional Environment Program. Also, regional IGO are absorbed by other institutions and do not function under the same name anymore, like it was with the South Pacific Board of Educational Assessment, which was incorporated into the Secretariat of the Pacific Community.

³ First category of human rights were the political and citizen rights, while the second – the social and economical ones. Third category of human rights is connected with the joint, common for the society, set of rights which are given for the groups of people, varied communities.

⁴ In accordance with the Montevideo Convention on rights and duties of the states from 1933, we cannot call any international entity on the Pacific as a sovereign state. Therefore the author is intentionally using a term “country”, which has a broader scope.

REFERENCES

1. Acharya A., Asia Is Not One. *The Journal of Asian Studies*, 2010, vol. 69, no. 4, pp. 1001-1002.
2. Australian Agency for International Development, *Pacific 2020: Challenges and Opportunities for Growth*. Canberra, Australian Government, May 2006, pp. 46-47.
3. *Charter of the Pacific Islands Development Forum from 4 September 2015*. PIDF, Suva.
4. Cooper A.F., Hughes Ch.W., De Lombaerde P., eds. *Regionalisation and Global Governance: the Taming of Globalisation?* New York, Abington, Routledge, 2008. 272 p.
5. *Framework for Pacific Regionalism Pacific Islands Forum Leaders, July 2014*. PIDF, Suva.
6. Fry G., Tarte S., eds. *The New Pacific Diplomacy*. Canberra, ANU Press, 2015. 305 p.
7. Fry G. Regionalism and International Politics of the South Pacific. *Pacific Affairs*, 1981, vol. 54, no. 3, pp. 455-484.
8. Kozielski P., *Australia i jej rola w kształtowaniu procesów integracyjnych w obszarze Azji Pacyfiku*, Warsaw, CEDEWU Publ., 2015. 350 p.
9. Merrell S., Seminar: *RAMSI and the Solomon Islands: Nationalism vs. Regionalism*. Victoria University, Melbourne 8.04.2010.
10. PACER & PICTA. *Bilateral.org*. URL: <https://www.bilaterals.org/?-PACER-PICTA-&lang=> (Accessed 25 August 2019).
11. *Pacific Plan Review 2013: Report To Pacific Leaders*. Vol. 1, Suva, Fiji, Pacific Islands Forum Secretariat, p. 10.
12. *PRNGO Alliance*. URL: <https://www.pasifikarising.org/prngo-alliance> (Accessed 25 August 2019).

13. *RAMSI Mission*. URL: <https://www.ramsi.org> (Accessed 25 August 2019).

14. Siekiera J., Regionalna Konstytucja – Integracja Wysp Pacyfiku Południowego. Kawa-Marszałek J. ed. *Współczesne problemy Azji i Pacyfiku*, Toruń, Adam Marszałek Publ., 2017, pp. 317-328.

15. The Pacific Plan for Strengthening Regional Cooperation and Integration, November 2007. PIDF, Suva.

16. Tonga government steps away from CEDAW ratification. *Radio New Zealand*. URL: <http://www.radionz.co.nz/international/pacific-news/283057/tonga-government-steps-away-from-cedaw-ratification> (Accessed 25 August 2019).

17. Wendt N. Australia's Role in the Region – Preventing Failed States. *Conference Human Rights: A Pacific Agenda – Partnership and Perspectives. Inaugural Amnesty International Australia Human Rights, 4-5 September 2004 Brisbane*.

Information about the Author

Joanna Siekiera, Doctor, Postdoctoral Fellow, Faculty of Law, University of Bergen, Magnus Lagaboetes Plass, 1, 5010 Bergen, Norway, joanna.siekiera@uib.no, <https://orcid.org/0000-0003-0125-9121>

Информация об авторе

Джоанна Сиекиера, доктор, постдокторант, юридический факультет, Бергенский университет, Магнус Лагаботес Пласс, 1, 5010 г. Берген, Норвегия, joanna.siekiera@uib.no, <https://orcid.org/0000-0003-0125-9121>

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.23>

UDC 343.1
LBC 67.408

Submitted: 30.08.2019
Accepted: 28.09.2019

COURT DISCRETION AS PART OF THE CRIMINAL PROCEDURE PARADIGM STRUCTURE

Ekaterina S. Azarova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the fundamental rights of citizens enshrined in the Constitution are accordingly reflected in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. For more than fifteen years of the Code of Criminal Procedure application, the legislator has made about three hundred amendments that have increased its ambiguity and inconsistency. The very construct of its provisions is being built and in progress without a planned scientific and theoretical component of such building, without taking into account the empiricism of application. The Code of Criminal Procedure of the RSFSR was used as a constructive basis for the new law, where the stages of criminal process are the fundamental structure of the law. The presence and introduction of new types of judicial proceedings and related institutions as an additional “load” caused the “deflection” of the entire structure of the Criminal Procedure Code, the consequence of which was the increase of unceasing contradictions between the goals and objectives of criminal proceedings, its general conceptual provisions and the criminal process immediate stages. The author sets the **purpose** of the study, which consists in the justification of contradictions in the law. **Methods:** the methodological framework consists of the methods of historicism, systematicity, and comparative law. **Results:** grounded in the work the author’s point of view is based on the knowledge in criminal law. **Conclusions:** the study revealed that the court discretion is an integral part of the criminal procedure paradigm structure, as the perception by the court of the “truth” of the circumstances to be proved in a criminal case, interpreted by the opposite parties of the adversarial process, is only possible through the prism of assessing these circumstances by the court at its discretion, during the verification of evidence in a particular criminal case.

Key words: paradigm, criminal procedure science, judicial proceedings, court discretion, social institution.

Citation. Azarova E. S. Court Discretion as Part of the Criminal Procedure Paradigm Structure. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 166-173. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.23>

УДК 343.1
ББК 67.408

Дата поступления статьи: 30.08.2019

Дата принятия статьи: 28.09.2019

УСМОТРЕНИЕ СУДА КАК ЧАСТЬ СТРУКТУРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Екатерина Сергеевна Азарова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: основополагающие права граждан, закрепленные в Конституции, соответственно нашли свое отражение в уголовно-процессуальном кодексе РФ. За более чем пятнадцатилетнее применение УПК РФ законодателем было внесено около трехсот поправок, которые усилили его неоднозначность и противоречивость. Сама конструкция его положений строится и продолжает развиваться без плановой научной и теоретической составляющей такого построения, без учета эмпиризма применения. В качестве конструктивной основы для нового закона был использован УПК РСФСР, где основополагающей структурой закона являются стадии уголовного процесса. Наличие и введение новых видов судебных производств и смежных институтов в качестве дополнительной «нагрузки» вызвали «прогибание» всей конструкции УПК РФ, что повлекло за собой рост неустранимых противоречий между целями и задачами уголовного судопроизводства, его общими концептуальными положениями и непосредственными стадиями уголовного процесса. Автором в данной работе поставлена **цель** исследования, состоящая в определении усмотрения суда на стадии разбирательства уголовного дела. **Методы:** методологическую основу составляют методы историзма, системности, сравнительно-правовой. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция опирается на знания в уголовном праве. **Выводы:** в результате исследования выявлено, что усмотрение суда является неотъемлемой частью структуры уголовно-процессуальной парадигмы, так как восприятие судом «истинности» обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в трактовке противоположными сторонами состязательного процесса возможно только через призму оценки этих обстоятельств судом по своему усмотрению, в процессе проверки доказательств по конкретному уголовному делу.

Ключевые слова: парадигма, уголовно-процессуальная наука, судебное разбирательство, усмотрение суда, социальный институт.

Цитирование. Азарова Е. С. Усмотрение суда как часть структуры уголовно-процессуальной парадигмы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 166–173. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.23>

Введение

Действующая стадия судебного разбирательства обременена различными видами судебных производств и институтов, учитывая очную форму проведения. Заочная форма судебного разбирательства на сегодняшний день считается институтом уголовного процесса, что является как теоретическим, так и эмпирическим «заблуждением». Данный паралогизм объясняется тем, что процесс доказывания может протекать только на судебной стадии уголовного процесса, как в очной, так и заочной форме рассмотрения. Такая ошибочная установка «заочного института» неизбежно приводит к закамуфлированной формальной ошибке при проверке доказательств в заочном судебном разбирательстве, так как не существует института проверки доказательств.

Законодатель, обеспечивая реализацию принципа равноправия сторон и состязательного судебного процесса, предоставил права собирать доказательства не только субъектам со стороны обвинения, но и участникам защищающейся стороны. При этом прерогатива оценки доказательств осталась у стороны обвинения и суда, что естественно при

смешанной модели действующего уголовного процесса. Законодательная схема и научная модель состязательного процесса на стадии судебного разбирательства отсутствует, хотя в научных работах проскальзывает такое понятие, как уголовно-процессуальная парадигма (концептуальная схема).

Исследование гносеологической природы и правовых основ уголовно-процессуального доказывания не затронуло сущности самого состязательного процесса, так как основной упор научных исследований делается на досудебные стадии уголовного процесса. Без установления основ концептуальных положений, которые составят исходную схему состязательного судебного процесса, возникает проблема сущности содержания решений суда по итогам уголовно-процессуального процесса доказывания.

Законодатель, по мнению ученых, признал в УПК РФ приоритет общечеловеческих ценностей, демократических прав и законных интересов граждан над поиском истины по уголовному делу. Как правильно заметил В.С. Балакшин: «Между тем эта проблема значительно сложнее, чем представляется на первый взгляд, и нуждается не просто в глубоком, но комплексном исследовании...» [3, с. 8]. Дей-

ствительно, данная проблема имеет не только практический, но и гносеологический характер в науке современного уголовного процесса. Отказ от принципа всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела для установления истины по уголовному делу породил целый ряд проблемных вопросов как в теории судебных доказательств, так и в концепции законодательного подхода к разрешению данной проблемы. Поэтому установление новой концепции субъективного восприятия категории «истинности» судом по отношению к предмету доказывания по уголовному делу может выступать в качестве гипотезы «субституционности доказывания» на стадии судебного разбирательства.

Правовые основы уголовно-процессуального доказывания

По сравнению со ст. 69 УПК РСФСР формулировка доказательства в ст. 74 УПК РФ обозначила новое оптимальное понятие уголовно-процессуального доказательства, усилившее противоречия между положениями науки уголовного процесса и практикой следственных и судебных органов. Таким понятием стало определение «любые сведения» вместо «фактических данных». Данные противоречия носят не только теоретический характер, но и являются гносеологическим парадоксом по отношению к диалектике познания. Возможно, разрешению данной проблемы поможет установление и определение исходной концептуальной схемы судебного разбирательства, в основе которой должна быть положена система доказательственного права как уголовно-процессуальной категории, основанной на новых подходах к изучению наукой данной проблемы, связанной с гносеологическими категориями определения понятий.

Наличие общих противоречий в теории и практике правоприменения порождает в свою очередь наличие других – частных проблем уголовно-процессуального характера. Указанные нами общие проблемы науки уголовного процесса непосредственно связаны с противоречиями в применении судебного (судейского) усмотрения на стадии судебного разбирательства.

Перечисленные проблемы и противоречия уголовного судопроизводства возможно разрешить путем легализации института усмотрения суда в очной и заочной форме стадии судебного разбирательства и дальнейшего определения его места в структуре уголовно-процессуальной схемы концепции состязательного процесса в суде.

Предложенный «институт усмотрения суда в уголовном процессе» в своей основе имеет правовое толкование, объединяющее в себе понятия «судебное усмотрение» и «судейское усмотрение».

Деятельность судебных органов на любом историческом этапе развития человеческого общества сопряжена с понятием «усмотрение». Свобода выбора одного из определенного количества вариантов решений закреплена законом, поэтому конечным результатом усмотрения суда должно стать вынесение обоснованного, законного и справедливого решения.

Категория (понятие) «усмотрение суда» упоминается лишь в статьях 256 и 280 УПК РФ 2001 года. В ч. 2 ст. 256 УПК указывается на решения, которые выносятся в совещательной комнате и излагаются в виде отдельного процессуального документа, подписываемого судьей или судьями, а определения или постановления по иным вопросам выносятся по усмотрению суда в зале судебного заседания и подлежат занесению в протокол. В отечественной науке уголовного процесса нет работ, специально посвященных комплексному изучению вопросов усмотрения суда на стадии судебного разбирательства.

Проблемные вопросы уголовного судопроизводства с точки зрения формальной науки

Общеизвестно, что уголовный процесс регулирует систему правоотношений между компетентными государственными органами с одной стороны и гражданами и иными лицами с другой в целях реализации действующего уголовного закона. Наука уголовного процесса изучает закономерности возникновения таких правоотношений, основные понятия и принципы его проведения на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Основная часть науки уголовного процесса посвящена изучению доказательственного права и разработке новых положений в теории судебных доказательств, а также правоотношений между участниками процесса доказывания, юридических фактов, возникающих в процессе функционирования уголовного судопроизводства.

Изучение совокупности этих правоотношений образует научно обоснованную систему, где взаимодействие ее элементов подвергается критическому анализу с точки зрения диалектики – теории познания. Основой такого исследования может служить построение логических схем, поэтому конструирование таких исходных концептуальных логических схем (парадигмы) невозможно без развития понятия (знания). Чтобы провести самостоятельное исследование, ученому необходимо овладеть определенным методом познания, который и должен проложить путь исследователю.

С помощью данного метода проанализируем понятие парадигмы и ее значение для науки уголовного процесса.

Парадигма как система теоретических, методологических и аксиологических установок в эпистемическом (гносеологическом) плане представляет собой совокупность фундаментальных знаний, ценностей (аксиология), убеждений и технических приемов.

Если исходить из анналов постпозитивизма, что знания могут быть получены как результат сугубо научного познания, то для решения научных задач дисциплины «уголовный процесс» из структуры дисциплинарной матрицы, как системы установок, применима только теоретическая установка, определяющая язык конкретной научной дисциплины.

Соответственно возникает «парадокс парадигмы», когда философское понятие «парадигма» переносится на юридическое понятие «уголовно-процессуальная парадигма» по схеме «автоматической аналогии» [8, с. 14].

В гуманитарных науках, в том числе и юридической, главным научным противоречием является противоречие между теорией и практикой. При этом если на установление противоречия не требуется много умственных усилий, то формулировка самого противоречия представляет огромные трудности, так как

непротиворечивость любой теории является важнейшим критерием ее пригодности (закон отрицания противоречия).

Итак, понятие парадигмы в том контексте, в котором она сформулирована последователями российского постпозитивизма, как «истина», достигнутая в результате соглашения между членами научного сообщества, для науки уголовного процесса не приемлема как в силу закона непротиворечивости, так и в силу самого понятия истории естествознания. Поэтому с точки зрения юридической науки и ее дисциплин понятие парадигмы может быть использовано только в качестве исходной логической схемы или концептуальной научной схемы либо как система, структура установок для решения научных и практических задач юриспруденции.

Проанализируем данное утверждение с точки зрения диалектики. Мы придерживаемся порядка использования метода «...с выдвижения общих гипотез и концепций, предваряющих конкретное исследование и выводимых из общих соображений диалектической философии» [2, с. 15]. В.С. Библер в своей части работы «Понятие как элементарная форма движения науки (логическая постановка проблемы) писал: «Развитие научного понятия является элементарной, всеобщей формой исторического движения науки» [4, с. 16]. Рассматривая соотношения «понятия – теория», автор исходит из того, что «...любая теория отвечает в распространенной, развитой, конкретной форме на вопрос о сущности данного предмета познания» [4, с. 21]. Таковыми для нас являются понятие и содержание составительского процесса, место и роль усмотрения суда, доказательства и доказывание в теории и практике уголовного судопроизводства.

Всякое научно-теоретическое исследование должно начинаться с выдвижения гипотезы. Отсутствие гипотезы невозможно «...по двум причинам. Во-первых, “только фактов” не существует. Факт появляется, отыскивается, отбирается и становится научным фактом только с позиции определенных теоретических представлений, то есть определенной концепции» [4, с. 20]. «Во-вторых, методологическая концепция всегда обладает... характером всеобщности» [4, с. 21]. Источником

гипотезы является «...противоречие, которое должно быть выявлено как определившее собой невозможность движения познания в прежней форме...» [4, с. 26]. Таким источником является противоречие между двумя положениями, признаваемыми одинаково правильными (антимонии – парадокс).

Новая научная реальность, выраженная в законодательной форме, вызвала переход на новую практическую правоприменительную концепцию представления доказательств и процесса доказывания в российском уголовном процессе. В рамках действующей теории судебных доказательств в науке уголовного процесса, когда прогресс осуществляется посредством кумулятивного накопления теоретических и эмпирических установок по отношению к установлению и осмыслению понятия «истины», ученые XXI в. столкнулись с «аномальным фактором» в виде политико-законодательного фактора (УПК РФ), который породил научный кризис в науке уголовного процесса [2, с. 46]. Так как теория судебных доказательств связана с диалектикой марксизма, то переход на новое научное мышление связан с философскими установками, что истина – это общее философское понятие (универсалия) субъект-объективного ряда, содержанием которого является оценочная характеристика знаний в контексте его соотношения с предметной сферой, с одной стороны, и со сферой процессуального мышления – с другой.

Что касается современных научных исследований, то они не выходят в основном за рамки досудебных стадий, методологии и методов доказывания в теории судебных доказательств в свете действующего уголовно-процессуального закона. Возьмем только 2007 г., как итог осмысления действующего закона. Разрабатывались вопросы разрешения проблем доказывания, методологии и методов, понятие доказательств, их оценки и критерии доказывания, другие вопросы теории и практики. Кроме обычных предложений и рекомендаций встречаются также интересные постановки вопросов и проблем. Так, можно выделить проблему последовательного обновления методологии доказывания, совершенствование ее в основе новой «уголовно-процессуальной парадигмы», вопросы познавае-

мости истины и ее проблемы в новой модели уголовного судопроизводства [6, с. 4].

Понятие уголовно-процессуальной парадигмы

Итак, мы подошли к проблемам, которые можно сформулировать в качестве постановки следующих вопросов. Что подразумевает под понятием уголовно-процессуальной парадигмы, как устанавливается истина в судебном состязательном процессе, каковы критерии установления доказательств и проведения доказывания, какова цель уголовно-процессуального доказывания, и т. п. сопутствующие вопросы. Так как обоснование и раскрытие ответов на эти и иные вопросы является конечной целью, сформулируем краткое резюме.

В качестве основной гипотезы выступает само понятие парадигмы в науке уголовного процесса. С точки зрения философии права понятие парадигмы отличается от трактовки философии постпозитивизма, так как в правовых науках отрицается метафизический подход к процессу исследования.

В рамках юридической науки развитие ее разделов осуществляется посредством теоретического и эмпирического усовершенствования исходных программных установок (парадигмы) [1, с. 16]. Метод кумулятивного накопления знаний позволяет не только совершенствовать гносеологические и методологические основы юридической мысли по осознанию изменений правоотношений действующей политико-экономической формации общества.

Для юридической науки в целом, как и для отраслей права, термин «парадигма» выступает в качестве логического понятия, которое содержит в себе некую конструкцию (матрицу, модель, логическую схему, исходную, концептуальную установку и т. п.), элементы которого соответствуют целям правовой науки в целом и отдельным юридическим дисциплинам в частности [5, с. 124]. Следовательно, уголовно-процессуальная парадигма в современной науке уголовного процесса по своей форме и содержанию является исходной концептуальной схемой в период функционирования действующего исторического уголовно-процессуального закона.

Старая концепция методов исследования обвинительного уголовного процесса (предварительного расследования), которая господствовала в советский период в науке уголовного процесса, перестала применяться в 2002 году. Новая матрица проблем исследовательского характера в уголовно-процессуальном праве представляет собой судебную парадигму по уголовному делу.

Концептуальная схема судебного разбирательства по уголовному делу (парадигма) представляет собой установку суда на процесс субъективного восприятия «истинности» по отношению к предмету рассматриваемого уголовного дела, базирующуюся на трактовке сторонами обвинения и защиты отношений «непротиворечивости», «полноты» и «интерпретируемости» к преступному событию прошлого, в качестве объективного неправомерного юридического факта [1, с. 64].

Как известно, досудебное и судебное уголовное судопроизводство (ч. II и III УПК РФ) являются разными формами процесса (обвинительной и состязательной) и соответственно несут в себе противоположные режимы правового регулирования отдельных стадий, входящих в состав уголовного процесса. Следовательно, субъекты процесса доказывания, имеющие привилегию легально оценивать доказательства (ст. 17, 88 УПК РФ), преследуют разные цели и задачи. Основной целью обвинительного процесса является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, через уголовное преследование путем изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершенном преступлении (п. 47, 55 ст. 5; п. 1 ч. 2 ст. 6 УПК РФ). Основная цель состязательного процесса включает в себя как защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод, так и назначение виновным справедливого наказания судом (п. 48, 50, 52 ст. 5; ст. 6 УПК РФ). Поэтому каждый из участников процесса доказывания должен производить оценку доказательств в зависимости от его правосубъективности на конкретной стадии соответствующего производства.

Уголовное дело, поступившее в суд, после проведения предварительного расследования является по своей сути реконструкцией преступного события прошлого. До принятия

соответствующего итогового судебного решения данная реконструкция не может быть признана судом в качестве объективного неправомерного (правомерного) юридического факта. Рассмотрение сути самой реконструкции (уголовного дела) есть основа судебного разбирательства, так как является предметом рассмотрения доказательств по уголовному делу для установления всех обстоятельств юридического факта (преступления). Суд должен решить, являются ли истинными все обстоятельства разбираемого уголовного дела, не ложны ли они, не искажена ли сама реконструкция события прошлого. Так как такое восприятие происходит непосредственно, устно и письменно, то соответственно можно утверждать о субъективном восприятии «истинности» доказательств, что в дальнейшем требует соответствующего научного обоснования и подтверждения [3, с. 54]. Такое восприятие называется «усмотрение суда».

Согласно ст. 244 УПК РФ стороны состязательного процесса равны в своих правах на стадии судебного разбирательства, за исключением процессуальных правил оценки (ст. 17, 88 УПК РФ), вследствие чего бремя такой оценки целиком ложится на суд.

Соответственно стороны обвинения и защиты, не участвуя в оценке исследуемых доказательств, заменяют такую оценку трактовкой разбираемых доказательств с точки зрения категорий «непредвзятости», «полноты» и «интерпретируемости» по отношению к преступному событию прошлого, то есть обстоятельств, составляющих предмет доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). При этом надо учесть, что ст. 87 УПК РФ регламентирует проверку доказательств судом без учета понятия «внутреннее убеждение». Возникает вопрос, каким образом суд подтверждает или опровергает проверяемое доказательство [7, с. 15]. Можно предположить, что речь в данном случае идет об оценочных понятиях, которые согласно теории права относятся к усмотрению суда.

Если взять за основу, что вышеперечисленные категории являются оценочными понятиями, которые используют стороны при проверке доказательств, то единственно верным решением является оценка таких понятий в режиме усмотрения. Здесь надо учиты-

вать, что критерии полноты и непредвзятости по своему содержанию соответствуют таким понятиям, как относимость и допустимость, что позволяет сторонам состязательного процесса предлагать суду «принять» или «отвергнуть» представленные для проверки доказательства. Что касается понятия интерпретируемости доказательства, то данная трактовка относится к такому понятию, как достоверность. При этом надо учитывать, что достоверность является главным вопросом состязательного процесса, так как разрешение «сомнений суда» является главным при определении его итогового решения.

Выводы

На основании вышеизложенного можно выдвинуть следующую специальную гипотезу, что усмотрение суда является неотъемлемой частью структуры уголовно-процессуальной парадигмы, так как восприятие судом «истинности» обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, в трактовке противоположными сторонами состязательного процесса возможно только через призму оценки этих обстоятельств судом по своему усмотрению, в процессе проверки доказательств по конкретному уголовному делу.

Теоретическая значимость данных исследований заключается в определении научного учения о состязательном процессе, усмотрении суда на стадии разбирательства уголовного дела, формировании и теоретическом обосновании новых положений о понятиях, основных признаках и структуре судебной парадигмы по уголовному делу, значении усмотрения суда при проверке доказательств, принятии итоговых решений и оценки, развитии теории уголовного процесса и внедрении как на законодательном, так и правоприменительном уровне представлений об усмотрении суда в состязательном уголовном производстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарова, Е. С. Практические основы усмотрения в уголовном процессе / Е. С. Азарова, М. Л. Репкин. – Германия : Lambert Academic Publishing, 2018. – 202 с.

2. Арсеньев, А. С. Анализ развивающегося понятия / А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров. – М. : Наука, 1967. – 439 с.

3. Балакшин, В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания: важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Балакшин Виктор Степанович. – Екатеринбург, 2005. – 62 с.

4. Библер, В. С. Мышление как творчество / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1975. – 140 с.

5. Вопленко, Н. Н. Правоприменительная квалификация и юридическая ответственность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Социология. Право. Политика. – 2000. – № 3. – С. 124–128.

6. Воробьева, Ю. Ю. Современные проблемы процесса доказывания в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Воробьева Юлия Юрьевна. – Оренбург, 2006. – 22 с.

7. Марфицин, П. Г. Усмотрение следователя: уголовно-процессуальный аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Марфицин Павел Григорьевич. – М., 2003. – 58 с.

8. Татаров, Л. А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Татаров Леон Анатольевич. – Ростов н/Д, 2006. – 194 с.

REFERENCES

1. Azarova E.S., Repkin M.L. *Prakticheskiye osnovy usmotreniya v ugolovnom protsesse* [The Practical Basis of Discretion in Criminal Proceedings]. Germaniia, Lambert Academic Publishing, 2018. 202 p.

2. Arsenyev A.S., Bibler V.S., Kedrov B.M. *Analiz razvivaiushchegosia poniatia* [Analysis of a Developing Concept]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 439 p.

3. Balakshin V.S. *Dokazatelstva v teorii i praktike ugolovno-protsessualnogo dokazyvaniya: vazhneyshiyeh probleme v svete UPK Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09* [Evidence in Theory and Practice of Criminal Procedural Evidence: Critical Issues in the Light of the CPC Russian Federation]. Moscow, 2005. 62 p.

4. Bibler V.S. *Myshleniye kak tvorchestvo* [Thinking as Creativity]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 140 p.

5. Voplenko N.N. *Pravoprimeritel'naya kvalifikatsiya i yuridicheskaya otvetstvennost* [Law Enforcement Qualification and Legal Responsibility]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Sotsiologiya. Pravo. Politika*, 2000, no. 3, pp. 124-128.

6. Vorobeva Iu.Iu. *Sovremennyye problemy protsessa dokazyvaniya v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09* [Modern Problems of the Process of Evidence in Russian Criminal Proceedings]. Moscow, 2006. 22 p.

7. Marfitsin P.G. *Usmotreniye sledovatelya: ugovno-protsessualnyy aspekt: avtoref. dis. ... d-ra*

yurid. nauk: 12.00.09 [Investigator discretion: criminal procedure aspect]. Moscow, 2003. 58 p.

8. Tatarov L.A. *Metodicheskiye i metodologicheskiye problemy dokazyvaniya obstoyatelstv prestupleniya: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09* [Methodological and Methodological Problems of Proving the Circumstances of a Crime]. Rostov-on-Don, 2006. 194 p.

Information about the Author

Ekaterina S. Azarova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, aes130804@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5130-1653>

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Азарова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, aes130804@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5130-1653>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.24>

UDC 343.37:549.091
LBC 67.408.122.33

Submitted: 07.09.2019
Accepted: 06.10.2019

AMBER – NATURAL WEALTH OUT OF CRIMINAL PROTECTION

Ekaterina N. Barkhatova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation

Nikita E. Belomestnov

Department of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation for the Trans-Baikal Territory,
Chita, Russian Federation

Introduction: amber, not being, in fact, a precious stone, is of great strategic importance, having a significant impact on the formation of the state economic policy in the field of regulating the circulation of natural resources. That is why amber is included in the list of strategic resources for the purposes of art. 226¹ of the Criminal Code, and often is the subject of smuggling. Unique amber formations in cases stipulated by federal law are equated to precious stones. At the same time, the criminal law protection of amber from illicit trafficking is imperfect, which determined the purpose of the work – to develop recommendations for strengthening the criminal law protection of amber and unique amber formations as a strategically important resource. **Methods:** the methodological basis of the study is a systematic approach, as well as a set of methods of scientific knowledge, among which should be distinguished methods of analysis and synthesis, dialectical, logical, specific sociological methods of knowledge. **Conclusion:** the authors have identified contradictions in federal legislation that impede the full-fledged criminal law protection of amber as a strategically important resource and in some cases a stone equivalent to a precious one. In addition, revealed contradictions concerning the subject of regulation of art. 191 of the Criminal Code of the Russian Federation as a whole. On the basis of criminological analysis, the economic importance of amber and unique amber formations, as well as the need to protect it from unlawful encroachment, is substantiated. Based on the analysis of the provisions of criminal law, as well as the Federal Law “On Precious Metals and Precious Stones”, the authors formulated proposals for improving the criminal law, which provides for liability for illegal trafficking in precious metals, natural gems or pearls.

Key words: amber, unique amber formations, gems, pearls, strategic resources, economic security.

Citation. Barkhatova E.N., Belomestnov N.E. Amber – Natural Wealth out of Criminal Protection. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 174-180. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.24>

УДК 343.37:549.091
ББК 67.408.122.33

Дата поступления статьи: 07.09.2019
Дата принятия статьи: 06.10.2019

ЯНТАРЬ – ПРИРОДНОЕ БОГАТСТВО ВНЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Екатерина Николаевна Бархатова

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Российская Федерация

Никита Евгеньевич Беломестнов

Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Забайкальскому краю,
г. Чита, Российская Федерация

Введение: янтарь, не являясь по сути драгоценным камнем, имеет важное стратегическое значение, оказывая существенное влияние на формирование экономической политики государства в области регулирования оборота природных ресурсов. Именно поэтому янтарь входит в перечень стратегически важных

ресурсов для целей ст. 226¹ УК РФ и нередко является предметом контрабанды. Уникальные янтарные образования в предусмотренных федеральным законом случаях приравнены к драгоценным камням. Вместе с тем уголовно-правовая защита янтаря от незаконного оборота несовершенна, что обусловило **цель** статьи – выработать рекомендации по усилению уголовно-правовой защиты янтаря и уникальных янтарных образований как стратегически важного ресурса. **Методы:** методологическую основу исследования составляет системный подход, а также совокупность методов научного познания, среди которых следует выделить методы анализа и синтеза, диалектический, логический, конкретно-социологический методы познания. **Результаты:** авторами выявлены противоречия в федеральном законодательстве, препятствующие полноценной уголовно-правовой охране янтаря как стратегически важного ресурса и в ряде случаев камня, приравненного к драгоценному. Кроме того, выявлены противоречия, касающиеся предмета регулирования ст. 191 УК РФ в целом. На основе криминологического анализа обоснована экономическая значимость янтаря и уникальных янтарных образований, а также необходимость его защиты от противоправных посягательств. **Выводы:** на основе анализа положений уголовного законодательства, а также Федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» авторами сформулированы предложения по совершенствованию нормы уголовного закона, предусматривающей ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга.

Ключевые слова: янтарь, уникальные янтарные образования, драгоценные камни, жемчуг, стратегически важные ресурсы, экономическая безопасность.

Цитирование. Бархатова Е. Н., Беломестнов Н. Е. Янтарь – природное богатство вне уголовно-правовой защиты // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 174–180. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.24>

Введение

Янтарь является уникальным природным образованием. Красота обработанного камня, его относительно невысокая стоимость, полезные свойства камня, обусловленные его химическим составом, – все это делает янтарь стратегически важным ресурсом для нашего государства. Уникальность янтаря заключается еще и в том, что большая часть его запасов находится в Российской Федерации (90 %). Это так называемый балтийский янтарь. Оставшиеся 10 % приходятся на Украину и Республику Доминикана. Ежегодный объем добычи янтаря в России составляет примерно 300 т (по официальным данным, не включающим объемы добычи камня «черными копателями»). Единственным предприятием, официально осуществляющим добычу янтаря в России, является Калининградский янтарный комбинат. Часть добытого янтаря используется для изготовления ювелирных изделий, а также предметов быта, часть реализуется. Калининградским янтарным комбинатом подписано долгосрочное соглашение о сотрудничестве с биржей «Санкт-Петербург». В результате сотрудничества в 2017 г. комбинатом реализован янтарь на сумму 1,2 млрд рублей [4, с. 119].

Что же касается незаконной добычи янтаря, то по данным МВД России ее объемы в среднем составляют 15 т в год оценочной стоимостью 1,3 млрд рублей. Ежегодно МВД России фиксирует около 1,5 тысяч административных правонарушений, совершенных в данной сфере физическими лицами по ст. 7.5 КоАП РФ [11].

По оценкам специалистов годовой доход от незаконной добычи янтаря колеблется от 800 тыс. руб. до 10 млн руб. в год [3].

Необходимость защиты янтаря подтверждается и озабоченностью данным вопросом Государственной думы Российской Федерации, принявшей в июле 2019 г. в первом чтении законопроект об установлении уголовной ответственности за самовольную добычу и незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней.

Представляется, однако, что даже с принятием вышеуказанного закона не все вопросы в области правового регулирования оборота янтаря будут решены, чем и обусловлена необходимость изучения данной темы.

Регулирование оборота янтаря на современном этапе

Согласно Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского

экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) (ред. от 24.07.2018; т. IV, разд. XIV–XVI, гр. 71–84) янтарь относится к полудрагоценным камням. В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923 (в ред. от 5 апреля 2019 г.) «Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей» янтарь отнесен к стратегически важным ресурсам, что позволяет привлекать лиц к уголовной ответственности по ст. 226¹ УК РФ за его контрабанду, вместе с тем за пределами уголовного закона остается его оборот так называемыми черными копателями [6]. Незаконная добыча янтаря, а также его транспортировка или сбыт преследуются только по ст. 7.5 КоАП РФ «Самовольная добыча янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней», что, на наш взгляд, малоэффективно, учитывая стратегическую значимость для Российской Федерации данного минерала, а также его высокое качество, что подтверждается фактом отнесения балтийского янтаря к первому классу согласно классификации, основанной на архитектуре углеродного скелета макромолекулярной структуры смол [2, с. 18].

В настоящее время на законодательном уровне предпринята попытка ликвидировать обозначенный пробел. Предложено ввести в УК РФ статью об ответственности за незаконный оборот янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней, которая сконструирована по принципу административной преюдиции и предполагает, что к уголовной ответственности будут привлекаться лица, лишь повторно нарушившие запрет и являющиеся на момент повторного нарушения подвергнутыми административному наказанию.

Проект федерального закона был внесен в Государственную думу Российской Федерации 1 марта 2019 г. (сопроводительное письмо № 1871п-П9). Однако это далеко не первая попытка законодателя обеспечить уголовно-правовую охрану полудрагоценных камней. Так, речь об установлении подобной ответственности шла еще в 2003 году. Обоснование необходи-

мости внесения изменений было аналогичным: внушительные объемы незаконно добываемого янтаря, неэффективность административного законодательства в борьбе с подобными нарушениями. Указывалось, что в течение 2002 г. сотрудниками милиции Калининградской области организованы оперативно-профилактические мероприятия, в рамках которых проверке подверглись более 300 предприятий, сферой деятельности которых являлся оборот янтаря, выявлено 128 административных правонарушений, изъято из оборота более 35 т янтаря-сырца. На государственном унитарном предприятии «Калининградский янтарный комбинат» регулярно осуществлялось хищение сырья из карьеров, затем незаконно добытый янтарь нелегально вывозился в Польшу и Литву. Для российского рынка на тот момент объем контрабанды влек потери до 90 % пригодных для использования в производстве камней. В денежном эквиваленте эти потери можно оценить примерно в 30 млн долларов. Объем добываемого янтаря соотносился с объемом выпускаемых комбинатом ювелирных изделий как 99 : 1.

Кроме того, в пояснительной записке к проекту указывалось, что добыча янтаря на янтарном комбинате снизилась с 800 т в 1995 г. до 130 т в 2000 году. При этом объем его ввоза в Польшу не только не сократился, но даже вырос. Если в 1996 г. он составил 51 т, то в 1997 г. – 189 т, в 1998 г. – 154 т, не менее 70–80 % от которых составляла контрабанда [10]. Проектом предлагалось дополнить УК РФ ст. 192¹ «Незаконная добыча янтаря». Однако проект закона так и не был одобрен.

Намного позже, в 2016 г., депутаты ГД РФ снова выступили с законодательской инициативой в поддержку уголовно-правовой защиты янтаря. Предлагалось ввести в УК РФ ст. 171³ «Самовольная добыча полудрагоценных камней или янтаря». Состав предполагался как преюдициальный либо материальный. Часть первая рассматриваемой статьи устанавливала уголовную ответственность за незаконную добычу янтаря, хранение, перевозку с целью сбыта или сбыт. Однако обязательным условием уголовной ответственности являлся крупный размер ущерба или полученного в результате такой деятельности дохода либо специальный субъект – лицо, подвергнутое административному наказанию по

ч. 2 ст. 7.5 КоАП РФ. Часть вторая предусматривала ответственность за указанное деяние, совершенное в особо крупном размере или сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере, а также совершенное организованной преступной группой [8].

Однако и этот проект не был одобрен Государственной думой РФ в связи с необходимостью доработки. Так, в Федеральном законе от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах», в соответствии с которым осуществляется добыча янтаря и других полудрагоценных камней, отсутствует понятие «места промышленной разработки полезных ископаемых». Кроме того, в отзыве на законопроект указывалось, что одновременно в Государственную думу РФ поступил проект закона о внесении изменений в ст. 7.5 КоАП РФ, которую предлагалось изложить в новой редакции, установив в санкции статьи возможность конфискации орудия добычи и промысла и увеличив размеры административного штрафа [5]. Руководствуясь прежде всего принципом гуманизма, законодатель принял изменения, предусмотренные вторым проектом. Первый же снова был отложен «в долгий ящик».

Современный проект федерального закона вобрал в себя рекомендации первых двух и был подготовлен с учетом предыдущих ошибок и современных реалий, однако, на наш взгляд, остался далек от совершенства. Разработчики проекта не предлагают отдельную статью, а считают достаточным изменить редакцию имеющейся в законе ст. 191, расширив ее содержание до пяти частей. В название самой статьи предлагается добавить слова «янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней». В первой части предусматривается ответственность за совершение сделки с заведомо самовольно добытым янтарем, нефритом или иными полудрагоценными камнями, а равно их незаконные хранение, перевозка или пересылка в любом виде, состоянии, за исключением ювелирных и бытовых изделий и лома таких изделий, лицом, подвергнутому административному наказанию по ст. 7.5 КоАП РФ. Вторая часть предусматривает ответственность за то же деяние, совершенное в крупном размере, третья – за совершенное организованной группой или группой лиц по предварительному сговору. Четвертая и пятая части посвя-

щены драгоценным металлам, природным драгоценным камням и жемчугу, представляя собой по сути первую и вторую части ст. 191 УК РФ до изменений.

Кроме того, предложено изменить редакцию ст. 255 «Нарушение правил охраны и использования недр», дополнив ее частями второй и третьей о самовольной добыче янтаря и нефрита, а также иных полудрагоценных камней [9].

На первый взгляд, кажется нелогичным тот факт, что за самовольную добычу полудрагоценных камней теперь лицу грозит уголовная ответственность, а за самовольную добычу драгоценных камней – административная ответственность по ст. 19.14 КоАП РФ «Нарушение правил извлечения, производства, использования, обращения, получения, учета и хранения драгоценных металлов, жемчуга, драгоценных камней или изделий, их содержащих». Такое законодательное решение можно объяснить тем, что при самовольной добыче драгоценных камней лицо не избежит уголовной ответственности, поскольку не сдаст государству добытые камни, а соответственно, совершит преступление, предусмотренное ст. 192 УК РФ «Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней», но только в том случае, если деяние совершено в крупном размере. В предлагаемой ч. 3 ст. 255 УК РФ также присутствует указание на крупный размер, однако в ч. 2 речь идет о совершении преступления лицом, подвергнутому административному наказанию, для которого, как следует из логики статьи, наличие крупного размера не обязательно. Таким образом нормы уголовного и административного законодательства, находясь в сложной взаимосвязи, позволяют обеспечить надлежащую охрану природных ресурсов.

Однако недостатком является по-прежнему оставленная без внимания основная норма, закрепленная в ст. 191 УК РФ в части указания предмета посягательства. Нами уже указывалось на тот факт, что норма в современной редакции находится в диссонансе с положениями Федерального закона от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», раскрывающего понятие драгоценного камня через перечисление тех минералов, которые относятся к чис-

лу драгоценных, и жемчуг, обособленный законодателем в УК РФ, указанным федеральным законом включен в число драгоценных камней, в связи с чем его обособление в названии и диспозиции ст. 191 УК РФ представляется излишним [1, с. 46].

Вместе с тем в уголовном законе не нашли отражения уникальные янтарные образования, которые при определенных условиях могут быть приравнены к драгоценным камням. Данные условия перечислены в постановлении Правительства РФ от 5 января 1999 г. № 8 «Об утверждении порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням». Согласно постановлению для того, чтобы быть приравненным к драгоценному камню, янтарное образование должно быть уникальным, то есть обладать следующими признаками:

- масса более 1 кг,
- целостность не менее 80 %, без трещин и сквозных раковин,
- хорошо сохранившиеся включения флоры и фауны размером более 10 мм [7].

Следуя логике законодателя, янтарные образования, приравненные к драгоценным камням, должны указываться в статье в качестве самостоятельного предмета. На данном этапе происходящих изменений можно возразить, что такая необходимость отсутствует ввиду установления уголовной ответственности за незаконный оборот янтаря в целом. Однако в предлагаемых частях 1–3 ст. 191 УК РФ речь идет о янтаре как о полудрагоценном камне, а уникальные янтарные образования имеют уже иной статус драгоценных камней. Из этого следуют квалификация по другой части статьи и более строгое наказание. Кроме того, представляется излишним указание в ст. 191 УК РФ на природное происхождение охраняемых нормой драгоценных камней, поскольку в соответствии с упомянутым выше Федеральным законом «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» искусственно выращенные камни к драгоценным не относятся.

Выводы

С целью дальнейшего совершенствования положений, предложенных в законопроек-

те об установлении уголовной ответственности за незаконный оборот и самовольную добычу янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней, и устранения несогласованности отдельных норм федерального законодательства, регулирующих оборот драгоценных металлов и драгоценных камней, предлагаем изложить название ст. 191 УК РФ в следующей редакции:

«Статья 191. Незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных камней, а также уникальных янтарных образований, приравненных к драгоценным камням, янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней».

Как можно заметить, из названия исключен такой предмет, как жемчуг, поскольку входит в понятие драгоценных камней, а также слово «природные», поскольку указание на то, что искусственно полученные камни не относятся к драгоценным, присутствует в федеральном законе, а потому подчеркивать данный факт излишне.

С учетом предложенного названия следует также скорректировать диспозицию статьи, указав в ней соответствующий предмет преступления. Предложенные законопроектом части 1–3 ст. 191 УК РФ целесообразно оставить в существующем виде, а в частях 4–5 исключить слова «природных» и «жемчуга» и дополнить словами «уникальных янтарных образований, приравненных к драгоценным камням».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархатова, Е. Н. Особенности законодательного регулирования ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов и драгоценных камней / Е. Н. Бархатова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 44–51.

2. Верховская, Я. И. Исследование оптических свойств янтаря (сукцинита) методом инфракрасной спектроскопии / Я. И. Верховская, В. Т. Прокопенко, Н. П. Сапунова // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 15–23.

3. ГД приняла в I чтении закон об ответственности за незаконную добычу янтаря // РИА-новости. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа:

<https://ria.ru/20190716/1556580897.html> (дата обращения: 23.07.2019). – Загл. с экрана.

4. Малашенков, Б. М. Янтарная отрасль Российской Федерации и мировой рынок янтаря / Б. М. Малашенков // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. – Вып. 69. – С. 103–126.

5. Николаев, Я. За незаконную добычу янтаря накажут лишением свободы // Рос. газета. – 2016. – 4 окт. (№ 7091).

6. Об утверждении перечня стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226¹ Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об определении видов стратегически важных товаров и ресурсов, для которых крупным размером признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей : постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923 (в ред. от 5 апреля 2019 г.) // Рос. газета. – 2012. – 21 сент. (№ 218).

7. Об утверждении порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням : постановление Правительства Российской Федерации от 5 янв. 1999 г. № 8 (в ред. от 16 дек. 2014 г.) // Рос. газета. – 1999. – 22 янв. (№ 12).

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления уголовной ответственности за самовольную добычу драгоценных металлов, природных драгоценных камней, жемчуга, полудрагоценных камней или янтаря) : проект федер. закона № 1186913-6 [не действует]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления ответственности за самовольную добычу и незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней : проект федер. закона № 657608-7 от 1 марта 2019 г. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

10. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (об установлении уголовной ответственности за незаконную добычу янтаря)». – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://www.lawmix.ru/law_project/8797 (дата обращения: 29.07.2019). – Загл. с экрана.

11. Статистические данные ЦСИ ГИАЦ МВД России // Главный информационно-аналитический центр МВД РФ. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen. – Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Barkhatova E.N. Osobennosti zakonodatelnogo regulirovaniya otvetstvennosti za nezakonnnyy oborot dragotsennykh metallov i dragotsennykh kamney [Features of Legislative Regulation of Liability for the Illegal Circulation of Precious Metals and Precious Stones]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 2, pp. 44-51.

2. Verkhovskaya Ya.I., Prokopenko V.T., Sapunova N.P. Issledovanie opticheskikh svoystv yantarya (suktsinita) metodom infrakrasnoy spektroskopii [Study of the Optical Properties of Amber (Succinite) by Infrared Spectroscopy]. *Nauchno-tekhnicheskiiy vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki* [Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics], 2018, no. 1, vol. 18, pp. 15-23.

3. GD prinyala v 1 chtenii zakon ob otvetstvennosti za nezakonnuyu dobychu yantarya [The State Duma Adopted in I Reading a Law on Liability for the Illegal Mining of Amber]. *RIA-novosti* [Information RIA-news]. URL: <https://ria.ru/20190716/1556580897.html> (accessed 23 July 2019).

4. Malashenkov B.M. Yantarnaya otrasl Rossiyskoy Federatsii i mirovoy rynek yantarya [Amber Industry of the Russian Federation and the World Market of Amber]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik* [State Administration. Electronic Messenger], 2018, vol. 69, pp. 103-126.

5. Nikolaev Ya. Za nezakonnuyu dobychu yantarya nakazhut lisheniem svobody [For Illegal Mining of Amber Will Be Punished with Imprisonment]. *Ros. gazeta* [Ros. newspaper], 2016, October 4th, no. 7091.

6. Ob utverzhdenii perechnya strategicheskii vazhnykh tovarov i resursov dlya tseley stati 226¹ Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii, a takzhe ob opredelenii vidov strategicheskii vazhnykh tovarov i resursov, dlya kotorykh krupnym razmerom priznaetsya stoimost, prevyshayushchaya 100 tys. rubley: postanovlenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 13 sentyabrya 2012 g. № 923 (v red. ot 5 aprelya 2019 g.) [On Approval of the List of Strategically Important Goods and Resources for the Purposes of Article 226¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, as Well as on the Definition of Types of Strategically Important Goods and Resources for Which the Value of More Than 100 Thousand Rubles is Recognized as a Large Amount. Decree of the Government of the Russian Federation of September 13, 2012. №. 923 (as amended on April 5, 2019)]. *Ros. gazeta* [Ros. Newspaper], 2012, September 21, no. 218.

7. Ob utverzhdenii poryadka otneseniya unikalnykh yantarnykh obrazovaniy k dragotsennym kamnyam: postanovlenie Pravitelstva Rossiyskoy Federatsii ot 5 yanv. 1999 g. № 8 (v red. ot 16 dek. 2014 g.) [On Approval of the Procedure for Attributing Unique Amber Formations to Precious Stones: Decree of the Government of the Russian Federation dated January 5, 1999 № 8 (as amended on December 16, 2014)]. *Ros. Gazeta* [Ros. Newspaper], 1999, Jan. 22, no. 12.

8. O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (v chasti ustanovleniya ugolovnoy otvetstvennosti za samovolnuyu dobychu dragotsennykh metallov, prirodnykh dragotsennykh kamney, zhemchuga, poludragotsennykh kamney ili yantaria): proekt feder. zakona № 1186913-6 [ne deistvuet] [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (In Terms of Establishing Criminal Responsibility for the Unauthorized Mining of Precious Metals, Natural Gems, Pearls, Semi-Precious Stones or Amber): Draft Federal Law № 1186913-6 (not operational)]. Access from the Reference Legal System “ConsultantPlus”.

9. O vnesenii izmeneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii v chasti ustanovleniya

otvetstvennosti za samovolnuyu dobychu i nezakonnyy oborot yantarya, nefrita ili inykh poludragotsennykh kamney: proekt feder. zakona № 657608-7 ot 1 marta 2019 g. [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Terms of Establishing Liability for Unauthorized Mining and Trafficking of Amber, Jade or Other Semi-Precious Stones Reference Legal System: Draft Federal Law № 657608-7 of March 1, 2019]. Access from the Reference Legal System “ConsultantPlus”.

10. *Poyasnitelnaya zapiska k proektu federalnogo zakona «O vnesenii dopolneniya v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (ob ustanovlenii ugolovnoy otvetstvennosti za nezakonnyuyu dobychu yantarya)»* [Explanatory Note to the Draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (On Establishing Criminal Liability for Illegal Extraction of Amber)”]. URL: https://www.lawmix.ru/law_project/8797 (accessed 29 July 2019).

11. Statisticheskie dannye TsSI GIATs MVD Rossii [Statistics of the SRC GIAC Ministry of Internal Affairs of Russia]. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen.

Information about the Authors

Ekaterina N. Barkhatova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Lermontov St., 110, 664074 Irkutsk, Russian Federation, Solncevelvet@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

Nikita E. Belomestnov, Criminal Intelligence Investigator, Department for Combating Organized Criminal Groups and Criminal Communities of the 6th Department (for Combating Organized Crime of a General Criminal Orientation) of the Criminal Investigation Department, Department of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation for the Trans-Baikal Territory, P. Osipenko St., 21, 672089 Chita, Russian Federation, belomestnov.nik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5715-9800>

Информация об авторах

Екатерина Николаевна Бархатова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Восточно-Сибирский институт МВД России, ул. Лермонтова, 110, 664074 г. Иркутск, Российская Федерация, Solncevelvet@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0381-5462>

Никита Евгеньевич Беломестнов, оперуполномоченный, отделение по борьбе с организованными преступными группами и преступными сообществами, 6-й отдел (по борьбе с организованной преступностью общеуголовной направленности) управления уголовного розыска, Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Забайкальскому краю, ул. П. Осипенко, 21, 672089 г. Чита, Российская Федерация, belomestnov.nik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5715-9800>

UDC 67.911.221.3
LBC 341.22:339.7.012

Submitted: 08.05.2019
Accepted: 15.06.2019

USING OF MODERN FINANCIAL TECHNOLOGIES IN BANKING

Olesya P. Kazachenok

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Citation. Kazachenok O.P. Using of Modern Financial Technologies in Banking. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 181-183. (in Russian).

ББК 67.911.221.3
УДК 341.22:339.7.012

Дата получения статьи: 08.05.2019
Дата принятия статьи: 15.06.2019

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Олеся Павловна Казаченок

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Цитирование. Казаченок О. П. Использование современных финансовых технологий в банковской деятельности // *Legal Concept = Правовая парадигма.* – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 181–183.

5 апреля 2019 г. в Университете имени О.Ю. Кутафина (МГЮА) в рамках VI Московского юридического форума «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции» состоялось заседание секции «Использование современных финансовых технологий в банковской деятельности».

Мероприятие было организовано при участии четырех ведущих образовательных организаций – Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

В организационный комитет вошли: Л.Г. Ефимова – д.ю.н., профессор заведующая кафедрой банковского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина; М.А. Егорова – д.ю.н., доцент, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина; Г.Ф. Ручкина – д.ю.н., профессор, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; Е.Б. Лаутс – к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; Ш.Ш. Узденов – к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой банковского права и финансово-правовых дисциплин юридического фа-

культета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Работа секции была открыта приветственными словами, в которых организаторы отметили важное значение форума, явившегося уникальной платформой взаимодействия практиков и ученых по вопросам внедрения новых финансовых технологий и построения системы их адекватного правового регулирования.

Участники форума неоднократно обращались к теме необходимости правового регулирования новых финансовых технологий, оказывающих значительное влияние на развитие банковской системы. Подробно также рассматривался и обсуждался опыт зарубежных стран и крупных корпораций, успешно внедряющих инновационные способы оказания финансовых услуг, в том числе с использованием сети Интернет, и возможности мобильных телефонов и приложений, новых технологий применения банковских карт.

Адвокат, эксперт-практик международного класса в области права, сооснователь адвокатского бюро «Дюфло и партнеры», сопresident Международного союза юристов и экономистов (Франция), преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена (г. Лион, Франция), почетный консул Гватемалы в г. Лионе Дюфло Ален (Duflo Alain), освещающая правовое регулирование блокчейна во Франции, отметил, что его природа предполагает действие без влияния государства и вне сферы государственного регулирования. Франция и США стали первыми странами, разработавшими и внедрившими законодательное регулирование и технологии, и ее применения.

В отличие от других государств (например, Италии, которая разработала новое законодательство) Франция стремится использовать уже имеющиеся правовые институты: договорного права, доказательств и пр. К смарт-контрактам применимы нормы международного, в том числе коллизионного, регулирования, определяющие применимое к контракту право и юрисдикцию рассмотрения споров.

Важнейшими вопросами при правовом регулировании блокчейна являются: установление доказательственной силы его записей, баланс прав инвестора и эмитента при предложении токенов, а также разрешение налоговых и банковских аспектов.

Цифровая подпись как доказательство принимается в большинстве стран, но в блокчейне при совершении тех или иных действий используется не имя, а псевдоним (аккаунт), что влечет невозможность определения конкретного лица, совершившего ту или иную операцию. Для идентификации необходимо разработать международные стандарты, касающиеся именно блокчейна.

Важным условием внедрения рассматриваемой технологии в современную предпринимательскую деятельность является защита публичного предложения токенов, так как в настоящее время на рынке ICO около половины предложений совершается в мошеннических целях. Тем не менее только в 2018 г. во Франции с помощью размещения токенов было привлечено более 500 миллионов евро. Лидером в данной отрасли среди европейских стран является Швейцария, где за прошедший год осуществили более 200 выпусков ICO.

В целях защиты инвесторов во Франции в марте 2019 г. был разработан законопроект, предусматривающий разрешительный характер выхода на ICO, обязательное наличие у эмитента банковского счета и его место нахождения (домицилия) на территории страны, что, по мнению законодателя, должно существенно снизить риски мошенничества трансграничного характера и обеспечить защиту интересов инвесторов, а следовательно, дальнейшее стабильное развитие данной сферы. Во Франции также планируется введение налогообложения по операциям ICO до 30 %.

Ведущие эксперты отрасли активно обсуждали тему развития технологий и их влияние на современную банковскую систему как в Российской Федерации, так и в международной практике, отметив необходимость регулирования правом фактически сложившихся и активно развивающихся отношений. Теоретическим проблемам правового регулирования банковской деятельности в сфере цифровых технологий посвятила свой доклад д.ю.н., профессор Л.Г. Ефимова.

Сразу несколько докладчиков анализировали правовой статус криптовалют. Д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного экономического университета, Г.З. Мансуров, рассматривая криптовалюту как технологико-экономико-юридическое понятие, указал, что новые явления экономики, зачастую, вначале подвергаются критике цивилистики, проходя путь от полного отрицания через частное признание новых объектов в качестве суррогатов до признания их правом.

Исследование современного развития электронных систем платежей в странах БРИКС на основе мессенджеров, предоставляющих широкие возможности по проведению платежей с применением новых технологий, было представлено к.ю.н., доцентом кафедры гражданского и международного частного права О.П. Казаченок.

Оживленную дискуссию вызвал доклад главного юрисконсульта Юридического управления Банка России «Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей», выдвинувшего предположение, что криптовалюту следует отнести к категории бестелесных вещей, поскольку это соответствует ее правовой природе и позволит использовать в полной мере имеющиеся институты цивилистики в отношении данного объекта гражданских прав.

Специалисты банковской сферы отметили, что технологии влияют на правовой режим

криптовалюты с учетом отсутствия единого центра управления, при этом ее передача является необратимой.

Технологическая специфика новых объектов должна отражаться в нормотворчестве. В связи с этим необходимо минимизировать количество иностранных терминов в российских правовых актах в указанной сфере, так как это вызывает существенные трудности как у законодателя, так и у правоприменителя.

Участники конференции отметили, что помимо очевидных плюсов развития цифровых банковских технологий следует помнить и о негативной стороне, которая, в частности, может выражаться в недостаточном уровне информационной безопасности и возрастании рисков мошенничества в сфере финансовых услуг, что определяет необходимость сохранения равновесия между свободным по своей сути развитием блокчейна и его государственным регулированием.

Обсуждение перспектив развития банковского права и банковских технологий на уровне международных конференций стало ежегодной традицией, объединившей юристов, экономистов и сотрудников банков, что позволяет не только выявить тенденции развития финансовой сферы, но и выработать рекомендации по основным направлениям совершенствования законодательства с учетом стремительно трансформирующейся реальности.

Information about the Author

Olesya P. Kazachenok, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9675-367X>

Информация об авторе

Олеся Павловна Казаченок, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, базовая кафедра ЮИЦ РАН, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9675-367X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.26>

UDC 34(470+571)
LBC 67.99(2Рос)

Submitted: 30.09.2019
Accepted: 15.10.2019

**THE LONG-LASTING SEARCH FOR A MODEL
OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA:
ECONOMIC AND LEGAL DEVELOPMENT OF A COMPETITIVE STATE**

Agnessa O. Inshakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Citation. Inshakova A.O. The Long-Lasting Search for a Model of Economic Development of Russia: Economic and Legal Development of a Competitive State. *Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 184-187. (in Russian).

УДК 34(470+571)
ББК 67.99(2Рос)

Дата получения статьи: 30.09.2019
Дата принятия статьи: 15.10.2019

**ВЕКОВОЙ ПОИСК МОДЕЛИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ:
ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЕ РАЗВИТИЕ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО ГОСУДАРСТВА**

Агнесса Олеговна Иншакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Цитирование. Иншакова А. О. Вековой поиск модели хозяйственного развития России: экономико-правовое развитие конкурентоспособного государства // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 184–187.

19–20 сентября 2019 г. в стенах Волгоградского государственного университета состоялась XVIII Международная научно-практическая конференция «Конкурентоспособная Россия: форсайт-модель экономического и правового развития в цифровую эпоху» памяти Олега Васильевича Иншакова (1952–2018).

Научное мероприятие было посвящено светлой памяти и научному наследию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, доктора экономических наук, профессора Олега Васильевича Иншакова, ректора (1995–2014) и президента (2014–2016) Волгоградского государственного университета, директора НИИ социально-экономического развития региона при ВолГУ (2016–2017), Почетного профессора Цзилинь-

ского университета, Китай (2009), Почетного доктора Южного федерального университета (2014), Заслуженного профессора Волгоградского государственного университета (2017), Почетного профессора Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (2017) – выдающегося российского экономиста, автора эволюционно-генетической теории факторов производства и модели «ядра развития» экономических систем, теории экономической генетики и наноэкономики, раскрывшего структуру динамики глобальных хозяйственных укладов на основе метапроизводственной функции; разработчика многокритериальной классификации институциональных экономических механизмов, общей модели циклического функционирования экономического механизма, теории гло-

бальной экономической системы и расширения объекта и предмета экономической теории на основе эволюции ее уровневой структуры, широко представленных в публикациях в российских и зарубежных изданиях.

Конференция стала 18-й в цикле инициированных О.В. Иншаковым в 1998 г. научно-практических конференций, объединяемых общей научной идеей, «Вековой поиск модели хозяйственного развития России», ключевым докладчиком на которых традиционно являлся Заслуженный деятель науки Российской Федерации О.В. Иншаков.

Организаторы конференции создали все условия для того, чтобы полученные О.В. Иншаковым научные результаты вновь послужили плодотворной методологической и теоретической основой для междисциплинарных исследований экономистов, юристов, историков, политологов, социологов и философов в рамках основных направлений конференции, предложенных для обсуждения в Волгоградском государственном университете в сентябре 2019 года. Представленные на конференции доклады, равно как и высказанные в них выводы и рекомендации, были нацелены на разработку междисциплинарного системного обеспечения конкурентоспособности Российской Федерации в условиях перехода к новому технологическому укладу и реализации цифрового сценария развития.

Основными дисциплинарными направлениями работы конференции стали экономические и юридические науки. Экономические исследования были направлены на выявление потенциала эволюционной и институциональной экономической теории в научном обосновании и реализации стратегии обеспечения конкурентоспособности современной России. Представители юридических наук обсуждали вопросы, раскрывающие системно-институциональное реформирование национального правопорядка как фактора конкурентоспособности российской экономики в условиях цифровизации.

В ходе конференции обсуждались такие вопросы, как: экономика экосистем; неоиндустриальная парадигма конкурентоспособного развития России; наноэкономика: феномен и экономико-социальный фактор конкурентоспособности России; формирование современной правовой модели превенции обхода закона как фактор повышения конкуренции субъектов

предпринимательской деятельности, а также другие проблемы, связанные с необходимостью использования цифровых технологий в экономико-правовом регулировании в целях обеспечения конкурентоспособности России в условиях глобальной неоиндустриализации.

О высоком качестве проведенного научного мероприятия международного значения можно судить по высококвалифицированному составу программного и организационного комитетов, которые были представлены не только первыми лицами руководства вузов, но и ведущими учеными – представителями экономических и юридических наук, известными как в России, так и за рубежом, среди которых: заместитель научного руководителя Центрального экономико-математического института РАН, главный редактор журнала «Экономическая наука современной России» Г.Б. Клейнер; доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой международного права РУДН, Заслуженный юрист РФ, профессор кафедры международного права Международно-правового факультета МГИМО, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам А.Х. Абашидзе; доктор экономических наук, профессор Западносаксонского университета прикладных наук, г. Цвиккау (Германия), Х.-К. Браувайлер; доктор экономических наук, профессор, заместитель губернатора Волгоградской области, председатель комитета промышленности и торговли Волгоградской области Р.С. Беков; доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права МГЮУ им. О.Е. Кутафина В.В. Долинская; доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой предпринимательского и корпоративного права МГЮУ им. О.Е. Кутафина, Заслуженный юрист РФ И.В. Ершова; доктор экономических наук, профессор, декан факультета управления Варшавского университета, г. Варшава (Польша), А.З. Новак; доктор экономических наук, декан факультета экономики и социальных наук Университета Святого Иштвана, г. Гёделле (Венгрия), Й. Капоста; доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского и международного частного права и гражданского процесса РУДН, Заслуженный юрист РФ Е.Е. Фролова; доктор экономических наук, профессор,

президент АНО «Институт научных коммуникаций» Е.Г. Попкова; доктор экономических наук, профессор, председатель Научного совета «Центр общественных наук МГУ» МГУ им. М.В. Ломоносова, Заслуженный деятель науки РФ Ю.М. Осипов; доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского права КубГАУ, главный редактор журнала «Власть Закона», Заслуженный деятель науки Кубани В.П. Камышанский и др.

В составе программного и организационного комитетов Волгоградский государственный университет был представлен: ректором ВолГУ, доктором экономических наук, профессором В.В. Таракановым (председатель программного комитета); первым проректором ВолГУ, доктором экономических наук, профессором А.Э. Калининой (председатель организационного комитета); доктором юридических наук, профессором, зав. кафедрой гражданского и международного частного права ВолГУ А.О. Иншаковой (заместитель председателя программного комитета); доктором экономических наук, профессором, профессором кафедры экономической теории, мировой и региональной экономики ВолГУ, Заслуженным работником высшей школы РФ Е.И. Иншаковой (заместитель председателя организационного комитета); доктором экономических наук, профессором, директором института экономики и финансов ВолГУ, Заслуженным работником высшей школы РФ Е.Г. Руссковой; кандидатом юридических наук, доцентом, директором института права ВолГУ В.М. Шинкаруком; доктором юридических наук, профессором, профессором кафедры гражданского и международного частного права ВолГУ, Заслуженным деятелем науки Республики Калмыкия А.Я. Рыженковым; доктором юридических наук, профессором, профессором кафедры гражданского и международного частного права ВолГУ, членом Общественной палаты РФ, Заслуженным юристом РФ С.Ю. Казаченок и др.

В первый день работы в ходе пленарной сессии (19 сентября) были озвучены концептуальные направления работы конференции, представлена ретроспектива создания и развития конференции, названы ее основополагающие цели по годам, поставлены задачи и обозначены прогнозируемые результаты, в

перечне которых, в частности, разработка парадигмы конкурентоспособного развития России в условиях цифровой экономики, формирование необходимого правового базиса с целью повышения конкурентоспособности российской экономики.

В течение двух дней конференции проводилась и активная работа тематических круглых столов. Так, под руководством Георгия Борисовича Клейнера, член-корреспондента РАН, доктора экономических наук, профессора, заместителя научного руководителя ЦЭМИ РАН, руководителя научного направления «Мезоэкономика, микроэкономика, корпоративная экономика», главного редактора журнала «Экономическая наука современной России», и при участии модератора Романа Михайловича Качалова, доктора экономических наук, профессора, заместителя главного редактора, ответственного секретаря редакционной коллегии журнала «Экономическая наука современной России», состоялся круглый стол «Концепция социально-экономических экосистем: актуальные проблемы восприятия молодыми исследователями».

Под руководством Юрия Михайловича Осипова, доктора экономических наук, профессора, председателя Научного совета «Центр общественных наук МГУ» МГУ им. М.В. Ломоносова, главного редактора научного журнала «Философия хозяйства», Заслуженного деятеля науки РФ, и при участии модераторов Михаила Михайловича Гузева, доктора экономических наук, профессора, заместителя директора Волжского филиала ВолГУ по научной работе, Сергея Васильевича Синякова, доктора экономических наук, профессора, Национального транспортного университета (г. Киев, Украина), и Виктора Валентиновича Кашицына, кандидата экономических наук, профессора Государственного морского университета им. адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск), успешно прошла работа круглого стола «Конкурентоспособная Россия: философско-хозяйственное осмысление».

Модераторами круглого стола «Парадигма правового развития конкурентоспособного государства: стратегия и тактика» юридического профиля выступили Владимир Маркович Шинкарук, кандидат юридических наук, доцент, директор института права ВолГУ, Агнесса

Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой гражданского и международного частного права института права ВолГУ, главный редактор журнала ВАК «Legal Concept = Правовая парадигма», руководитель НОЦ «Модернизация правовой системы современной России», и Александр Иванович Гончаров, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права института права ВолГУ.

Параллельно с работой круглых столов состоялись мастер-классы «Концепция социально-экономических экосистем: актуальные проблемы восприятия молодыми исследователями» и «Взаимодействие экономики и права в условиях цифровизации», которые провели для молодых ученых, аспирантов и магистрантов ВолГУ специалисты в области экономики и права член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор Г.Б. Клейнер и доктор юридических наук, профессор, член Консультативного совета Верховного суда РФ В.В. Долинская (МГЮА им. О.Е. Кутафина). Лекторы поделились последними накопленными теоретическими знаниями по отраслям представляемых наук и результатами собственных научных изысканий в рамках заявленной темы. Участники мастер-класса имели уникальную возможность в режиме интерактивной беседы обменяться мнениями с ведущими учеными современности.

По результатам проведения конференции организаторы предоставили докладчикам и участникам возможность альтернативной публикации. Так, лучшие доклады в формате научных статей предложено опубликовать в жур-

налах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и образования РФ: «Вестник ВолГУ. Серия 3. Экономика. Экология» (<https://ges.jvolsu.com/index.php/ru/>); «Региональная экономика. Юг России» (<https://re.volsu.ru/>); «Legal Concept = Правовая парадигма» (<https://j.jvolsu.com/index.php/ru/>).

В качестве главного научного, публикуемого проекта, содержащего результаты работы конференции, организаторами мероприятия подготовлен сборник материалов конференции (на английском языке) «Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age – Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Oleg Inshakov (1952–2018)» – издание в составе серии книг «Lecture Notes in Networks and Systems» (издательство «Springer Nature Switzerland AG»), индексируемое в международных цитатно-аналитических базах Scopus, Web of Science.

Материалы, отобранные для публикации в подготовленной книге, разбиты на два раздела – экономический «Improving the competitiveness of Russian economy in the new technological age: basic and applied research contribution» и юридический «Системно-институциональное реформирование национального правопорядка как фактор конкурентоспособности российской экономики в условиях цифровизации».

Статьи, представленные в сборнике, нацелены на изучение вопросов экономико-правового развития процессов неоиндустриализации, а также ключевых направлений развития национальной технологической инициативы, без которых конкурентоспособность любого современного государства стоит сегодня под вопросом.

Information about the Author

Agnessa O. Inshakova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Base Department of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Prosp.Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Информация об авторе

Агнесса Олеговна Иншакова, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, базовая кафедра ЮИЦ РАН, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gimchp@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-8160>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этической редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует отрасли науки 12.00.00 Юридические науки по Номенклатуре специальностей научных работников.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2020 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 29279.

Стоимость подписки на I полугодие 2020 года 935 руб. 24 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The mission of “Legal Concept” journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

“Legal Concept” journal includes the following sections: Topical Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Adjective Law: Theoretical and Law Enforcement Issues; Crime Prevention and Differentiation of Criminal Responsibility; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of “Legal Concept” journal correspond to the branch of science 12.00.00 Legal Science according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2020 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 29279.

The cost of subscription for the 1st half of 2020 is 935.24 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «LEGAL CONCEPT = ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА»

1. Редакционная коллегия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования, а также о правилах оформления научных статей смотрите на сайте журнала <https://j.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION IN “LEGAL CONCEPT” JOURNAL

1. The Editorial Staff of “*Legal Concept*” journal publishes only original articles.
 2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author’s obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal’s format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in “*Legal Concept*” printed periodical.
- The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.
- The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles please refer to the Journals website <https://j.jvolsu.com/index.php/en/> (section “For Author”).
